

Научный журнал

Основан в 2006 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61039 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ О.Ю. Ильина (*глав. редактор*);
д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Л.В. Гуманова;
д-р юрид. наук, доц. Н.А. Антонова;
д-р юрид. наук, проф. Л.Т. Бакулина;
д-р юрид. наук, проф. М.В. Баранова;
д-р юрид. наук, проф. А.Г. Безверхов;
д-р юрид. наук, проф. А.А. Воротников;
д-р юрид. наук, ассоциированный проф. Б.А. Джандарбек;
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Дудко;
д-р юрид. наук, проф. М.А. Ефремова;
д-р юрид. наук, проф. А.И. Коробеев;
д-р юрид. наук, проф. В.И. Крусс;
д-р юрид. наук, проф. А.Н. Кузбагаров;
д-р юрид. наук, доц. А.Н. Левушкин;
д-р юрид. наук, проф. Т.Н. Михеева;
д-р юрид. наук, проф. Ю.А. Попова;
д-р юрид. наук, проф. В.Д. Потапов

Адрес редакции:

Россия, 170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222
Тел.: +7 (4822) 70-06-57

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть репродуцирована без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2024

Scientific Journal

Founded in 2006

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФЦ77-61039 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: Law

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation O.U. Ilina
(editor-in-chief);
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation L.V. Tumanova;
Doctor of Law, Professor N.A. Antonova;
Doctor of Law, Professor L.T. Bakulina;
Doctor of Law, Professor M.V. Baranova;
Doctor of Law, Professor A.G. Bezverkhov;
Doctor of Law, Professor A.A. Vorotnikov;
Doctor of Law, Professor B.A. Dzhandarbek;
Doctor of Law, Professor I.G. Dudko;
Doctor of Law, Professor M.A. Efremov;
Doctor of Law, Professor A.I. Korobeev;
Doctor of Law, Professor V.I. Kruss;
Doctor of Law, Professor A.N. Kuzbagarov;
Doctor of Law, Professor A. N. Levushkin;
Doctor of Law, Professor T.N. Mikheeva;
Doctor of Law, Professor Yu.A. Popova;
Doctor of Law, Professor V.D. Potapov

Editorial Office:

Office 222, 22, 2nd Griboyedova st., 170021, Tver, Russia
Tel.: +7 (4822) 70-06-57

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

© Tver State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные вопросы публичного права

Сергеев П.В.

Религиозное право и стабильность внешнеторговой деятельности.....7

Сладкова А.А.

Ввоз импортных товаров физическими лицами: коммерческая партия или для личного пользования?17

Сухарев А.Н.

Бритва Оккама и право: дилемма простого и сложного29

Тихалева Е.Ю.

Тенденции формирования и правового регулирования народных дружин в субъектах Российской Федерации38

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

Крусс И.А., Смирнов С.Н.

Вопросы законодательного регулирования и стратегического планирования медицинского туризма в России50

Фролов М.Г.

Преступления с двумя формами вины: концептуальные подходы и коллизии правоприменения60

Обзор и анонсы научных мероприятий

Богдан В.В.

Защита традиционных семейных ценностей в парадигме трансформации семейных отношений: балансируем на грани...71

Гринева А.В.

Особенности правоотношения по воспитанию и содержанию детей несовершеннолетних родителей80

Емелина Л.А., Яворский С.А.

Негативные последствия презумпции общности долгов супругов при разделе имущества89

Жукова О.В.

Защита прав и интересов ребенка как главной семейной ценности96

Зайцев О.В.

Тенденции развития судебной практики по защите прав несовершеннолетних при профилактике антиобщественного и противоправного поведения106

Ильина О.Ю.

Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей116

Кузнецова О.А.

Понятие и виды семейных ценностей в диссертационных исследованиях и их значение для правоприменения126

<i>Кулаков В.В.</i> Юридические процедуры в семейном праве	142
<i>Писарев Г.А.</i> Ценности как основа формирования законодательства и правоприменительной практики	149
<i>Серебрякова А.А.</i> Семейные ценности как часть традиционных российских духовно- нравственных ценностей	155
<i>Серова О.А.</i> Ценности как предмет и объект исследования в частном праве	161
<i>Тарусина Н.Н.</i> О семейно-ценностных правовых ориентирах в репродуктивной сфере.....	169
<i>Туманова Л.В.</i> Семейные ценности в контексте проблемы конфликта интересов	178
<i>Федина А.С.</i> Действие принципов законности, состязательности и диспозитивности при рассмотрении дел, возникающих из семейных правоотношений.....	185

Трибуна молодого ученого

<i>Шеожева С.Т.</i> Современные тенденции развития цивилистической доктрины в сфере вспомогательных репродуктивных технологий	196
---	-----

CONTENT

Topical issues of public law

<i>Sergeev P.</i> Religious law and stability of foreign trade activity	7
<i>Sladkova A.</i> Import of imported goods by individuals: commercial consignment or for personal use?	17
<i>Sukharev A.</i> Occam's Razor and law: the dilemma of the simple and the complex	29
<i>Tikhaleva E.</i> Trends in the formation and legal regulation of people's squads in the subjects of the Russian Federation	38

Topical issues of science and law enforcement practice

<i>Kruss I., Smirnov S.</i> Issues of legislative regulation and strategic planning of medical tourism in Russia	50
<i>Frolov M.</i> Crimes with two forms of guilt: conceptual approaches and conflicts of law enforcement.....	60

Overview and announcements of scientific events

<i>Bogdan V.</i> Protection of traditional family values under the paradigm of family relationship transformation: teetering on the edge... ..	71
<i>Grineva A.</i> Features of the legal relationship regarding the upbringing and maintenance of children of minor parents	80
<i>Emelina L., Yavorskiy S.</i> Negative consequences of the presumption of commonality of debts of spouses in the division of property	89
<i>Zhukova O.</i> Protection of the rights and interests of the child as the main family value.....	96
<i>Zaytsev O.</i> Trends in the development of judicial practice to protect the rights of minors in the prevention of antisocial and illegal behavior	106
<i>Ilyina O.</i> Family values and the value of the family: unity and the fight of opposites.....	116

<i>Kuznetsova O.</i> The concept and types of family values in dissertations and their meaning in law enforcement	126
<i>Kulakov V.</i> Legal procedures in family law	142
<i>Pisarev G.</i> Values as the basis for the formation of legislation and law enforcement practice	149
<i>Serebryakova A.</i> Family values as part of traditional russian spiritual and moral values	155
<i>Serova O.</i> Values as a subject and object of research in private law	161
<i>Tarusina N.</i> On family-value legal guidelines in the reproductive sphere	169
<i>Tumanova L.</i> Family values in the context of the problem of conflicts of interest	178
<i>Fedina A.</i> The effect of the principles of legality, competitiveness and dispositivity in the consideration of cases arising from family legal relations	185

Tribune of young scientist

<i>Sheozheva S.</i> Current trends in the development of civilist doctrine in the field of assisted reproductive technologies	196
--	-----

Актуальные вопросы публичного права

УДК 341.9.01

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.2.007

РЕЛИГИОЗНОЕ ПРАВО И СТАБИЛЬНОСТЬ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

П.В. Сергеев

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»;
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»;
ОЧУ ВО «Международный юридический институт» г. Смоленск

В статье обосновывается актуальность проблемы обеспечения стабильности внешнеторговой деятельности. Отмечается необходимость обращения к альтернативным (негосударственным) инструментам регулирования международной торговли. Доказывается, что религия влияет на международную торговлю как на уровне формирования мировоззренческих ориентиров, так и в правовом поле. Выделены три фактора воздействия норм религиозного права на поведение участников внешнеторговой деятельности: ожидание воздаяния сверхъестественного характера, общественное поощрение и общественное порицание. Делается вывод о перспективности более тщательного исследования религиозного права в контексте регулирования международной торговли.
Ключевые слова: международная торговля, внешнеторговая деятельность, религиозное право, негосударственное регулирование; фондовые индексы.

Статья 1 Федерального закона от 08.12.2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» определяет внешнеторговую деятельность как деятельность по осуществлению сделок в области внешней торговли товарами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью. Внешняя торговля, в свою очередь, традиционно понимается как импорт и (или) экспорт, производимые в рамках международной торговли.

Международная торговля вообще и внешняя торговля в частности всегда являлись сферами повышенных рисков для участников экономического оборота. Однако наиболее отчетливо рискованный аспект внешнеэкономической деятельности проявляет себя в последние годы. Среди основных причин можно выделить пандемию COVID-19, геополитическую напряженность и экологические проблемы. Обусловленная данными факторами неопределенность будущего препятствует долгосрочному планированию отношений с зарубежными партнерами, что негативно сказывается на стабильности оборота, приводит к сокращению хозяйственных связей. В 2023 г. произошло существенное снижение как объема международной торговли (по

данным UNCTAD) [21], так и оборота внешней торговли России (на 16 % за три квартала 2023 г. по данным Федеральной таможенной службы России [5]). Прогнозы экспертов на 2024 г. также не внушают оптимизма и в целом говорят о том, что в глобальном масштабе рецессию вряд ли удастся преодолеть [21].

Приведенные данные вовсе не означают, что внешнеторговая деятельность утратила интерес для участников оборота или государства. Вопреки всем рискам, хозяйствующие субъекты не довольствуются внутренним рынком и ищут новые пути выхода на рынки внешние. Многие отечественные компании уже переориентировались на рынки Азии и Африки (импорт из азиатских стран вырос на 40 %, а в целом товарооборот с Азией – на 70 %) [5]. Для государства активная внешняя торговля является неотъемлемой составляющей обеспечения прогрессивного социально-экономического развития. Эффективная внешнеторговая деятельность предоставляет доступ к товарам и услугам, отсутствующим на внутреннем рынке, стимулирует предпринимательство и инновации (конкуренция на международной арене ожидаемо заставляет компании улучшать свою продукцию), а также дает возможность взаимодействовать с зарубежными экспертами, что способствует обмену опытом и передовыми технологиями, обеспечивая рост производительности труда и положительно сказываясь на благосостоянии общества.

Вместе с тем данные UNCTAD и ФТС России показывают, что государственное и межгосударственное регулирование международной торговли, несмотря на наличие специализированных международных институтов и перманентный процесс адаптации к изменениям, происходившим в условиях относительной предсказуемости, оказалось не в состоянии обеспечить стабильность оборота в кризисных условиях.

В сложившейся ситуации целесообразным представляется обратить внимание на альтернативные (негосударственные) механизмы регулирования рыночных отношений. В особенности на те из них, которые имеют транснациональный характер, длительное и широкое практическое применение.

В сравнении с прочими альтернативными регуляторами внешнеторговой деятельности религия достаточно редко привлекает к себе внимание исследователей-юристов. К вопросу о воздействии религии на международный торговый оборот в разное время обращались Ч.У. Ли и С. Парк [26, с. 409–425], Р.-А. Механна [27, с. 284–296], М. Хэлбл [22, с. 11], М. Фраттиани и Х. Канг [25, с. 493–508], М.А. Казанцева и А.Н. Непп [8, с. 274–302]. Но перечисленные авторы, убедительно обосновав детерминированность современной международной торговли религиозным фактором, рассматривают данный вопрос с точки зрения экономики, затрагивая вопросы права лишь косвенно. Так, М.А. Казанцева и А.Н. Непп, опираясь на теорию транзакционных издержек Д.

Норта, приходят к выводу о допустимости рассмотрения религии как альтернативы слабым либо потерявшим доверие государственным институтам, способствующей развитию внешнеэкономических связей [8]. Представляется, что данный тезис заслуживает внимания и более основательной экономико-правовой аргументации.

О влиянии религиозных воззрений на хозяйственную деятельность писал еще М. Вебер [2, с. 136-271]. Соглашаются с этим и современные исследователи. В частности, испанский экономист К. Сала-и-Мартин установил положительное влияние конфуцианства, буддизма и ислама на экономику [30, с. 178–183]. Подобное влияние не ограничивается перечисленными конфессиями и обнаруживается через проекцию основных ценностных установок сообщества верующих на повседневную экономическую активность его членов. Например, в христианстве риск воспринимается как Божье провидение, что способствует принятию экономической неопределенности и стимулирует торговую активность в условиях риска [8]. В индуизме торговая деятельность считается благом, но лишь для представителей соответствующей касты [22, с. 211]. Буддизм поощряет натуральный обмен, но неоднозначно относится к прибыли как цели торговой деятельности [22, с. 211]. Влияет на международную торговлю и соотношение разных религий в отдельно взятой стране: сильная доминирующая религия препятствует торговле, тогда как присутствие религиозных меньшинств способствует развитию торговой деятельности [26, с. 409–425].

Но помимо базовых установок, формирующих мировоззрение последователей конкретной религии, многие конфессии имеют детальные правила осуществления собственно торговой деятельности, входящие в систему права соответствующей конфессии.

Так, мишпат иври (иудейское право) устанавливает запрет перед продажей какой-либо вещи прилагать усилия к тому, чтобы она приобрела более привлекательный вид, скрывающий ее недостатки [3, с. 98]. В рамках канонического права Римской католической церкви еще в Средние века было разработано учение о справедливой цене, признающее лишь ту цену на товар, в которой соблюдено пропорциональное равенство. Шариат предусматривает запрет на спекуляцию товарами первой необходимости: «Человек, старающийся повысить цены на что-то необходимое для мусульман, заслуживает того, чтобы Всеблагой и Всевышней Аллахом в День воскресенья сверг его в великое Пламя» [17].

В нормах религиозного права можно обнаружить правила выбора контрагента, ограничения оборотоспособности вещей, требования к форме договора и многое другое [13]. Однако в контексте проблемы обеспечения стабильности внешнеторговой деятельности наибольший интерес представляют нормы, воплощающие принцип *pacta sunt servanda*

(лат. «договоры должны соблюдаться»), поскольку именно слабое обеспечение соблюдения международных торговых договоров рассматривается специалистами как одна из непреходящих проблем внешнеэкономической деятельности [19, с. 342–52; 26, с. 409–425], закономерно обостряющаяся в условиях кризиса.

Показательно, что сам принцип *pacta sunt servanda* был разработан средневековыми канонистами [14, с. 474–491]. Одно из первых его упоминаний содержится в работе итальянского кардинала Хостиенсиса (XIII в.): «*Caveat ergo sibi is qui consentit, quia pacta, quantumcunque etiam nuda, secundum veritatem evangelii sunt servanda*» (лат. «Если кто даст согласие, то должен проявлять осторожность, потому как соглашения, даже голые, согласно Евангелию, должны соблюдаться») [Цит. по 23, с. 415]. Рассматриваемый принцип основывается на таком положении христианского учения, как «не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою, но да будет у вас "да, да" и "нет, нет", дабы вам не подпасть осуждению» (Иак 5:12), суть которого сводится к тому, что Бог не делает различий между клятвой и простыми словами [23].

Принцип *pacta sunt servanda* можно обнаружить не только в христианстве, но и в иных авраамических религиях. Например, согласно исламу даже договор с представителями иной веры подлежит исполнению: «Соблюдайте же договор с ними до истечения его срока» (Сура 9 «Ат-Тауба», Аят 4) [Цит. по 14, с. 476–477].

В настоящее время рассматриваемый принцип имеет для участников товарооборота обязательный характер в силу закрепления в национальном законодательстве и международных правовых актах. Более того, в регулировании своих отношений субъекты внешнеторговой деятельности могут напрямую апеллировать к религиозному праву, реализуя принцип автономии воли (например, при выборе права Ватикана или Саудовской Аравии). В связи с этим уместно поставить вопрос – имеют ли нормы религиозного права самостоятельное регулирующее воздействие на участников оборота? И более частный вопрос – есть ли основания полагать, что религиозная детерминированность принципа *pacta sunt servanda* усиливает его эффективность во взаимоотношениях с лицами, разделяющими соответствующие религиозные ценности?

Представляется, что ответы на поставленные вопросы должны быть положительными.

Даже в отсутствие государственного принуждения исполнение норм религиозного права обеспечивается целым рядом факторов.

Во-первых, ожиданием воздаяния (позитивного или негативного) сверхъестественного характера. Любопытно, что в работах как отечественных, так и зарубежных авторов обосновывается наличие «сверхъестественной» (мистической) мотивации не только у физических, но и у некоторых юридических лиц [9, с. 66–72; 24].

Во-вторых, стремлением заполучить новых клиентов. По данным Gallup International\WIN по состоянию на декабрь 2016 г. религиозными людьми себя считали 62 % респондентов во всем мире [12]. Игроки на глобальном рынке не могут позволить себе игнорировать воззрения большей части потенциальных контрагентов при разработке своих бизнес-стратегий. Неслучайно в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер процитировал персонажа Дж. Беньян Mr. Moneylove: «Можно стать религиозным и для того, чтобы разбогатеть, например, для того, чтобы расширить свою клиентуру» [2, с. 213]. Некоторое представление о воздействии религиозных воззрений на спрос и предложение дает динамика развития глобального рынка халяльной (соответствующей требованиям ислама) продукции. В 2023 г. оборот такой продукции превышал 2 трлн. Долларов [16], а к 2030 г. по прогнозу компании Transparency Market Research должен увеличиться до 10,5 трлн долларов [10]. Столь динамичное развитие рынка обусловлено тем, что религиозные правила, имея транснациональный характер, соблюдаются адептами религии независимо от их гражданства или места жительства (нахождения). Транснациональность религиозного права предполагает универсальность норм, составляющих его содержание, что позволяет стандартизировать процессы производства и реализации товаров (не только халяльных, но и, например, кошерных), повышая уровень доверия потребителей к производителям и их продукции. Во многом такое доверие основывается на осознании того, что соответствие товара, произведенного в другой стране, требованиям религии обеспечивается контролем со стороны сообщества верующих в стране производства товара (например, местной еврейской диаспорой) [26, 29].

В-третьих, исполнение норм религиозного права обуславливается риском порицания со стороны религиозного сообщества. Еще Е. Эрлих писал, что «исключение из общности (церкви, союза, из общества, как в социальном, так и в юридическом смысле), отзыв кредита, утрата положения в обществе, исчезновение клиентуры являются самыми эффективными средствами борьбы с упорными правонарушителями» [18, с. 126].

При рассмотрении обозначенных механизмов воздействия норм религиозного права на внешнеторговый оборот нельзя не затронуть такой нетипичный для религиозной сферы инструмент их реализации, как фондовые индексы.

Уже более 10 лет успешно функционирует Stoxx Europe Christian Index, разработанный при поддержке Ватикана и базирующийся на католических ценностях [1, с. 70–72]. В 2015 г. появился католический индекс «S&P 500 Catholic Values Index» [31]. Имеется и Исламский индекс Dow Jones, исключая акции любых компаний, основная деятельность которых является недозволенной или порицаемой согласно Шариату [7, 32].

По словам руководителя Stoxx Хартмута Грэфа спрос инвесторов на прозрачный индекс, помогающий фондам покупать акции компаний, которые послушны религии и получают доходы в соответствии с христианскими ценностями, все больше и больше [33].

Если субъект ведет свою деятельность в соответствии с критериями индекса, он включается в индекс, что положительно сказывается на его инвестиционной привлекательности.

Если же правила не соблюдаются, посредством религиозных индексов осуществляется информирование общественности о данном факте, что запускает процесс порицания (аналогично индексам ESG) [15, 28]. Репутационный урон, наносимый поступками, неприемлемыми с точки зрения религии, может в крайних случаях выражаться в отказе от сотрудничества, от заключения договоров, т. е. в фактическом исключении лица из полноценной экономической жизни.

Именно перечисленные механизмы и инструменты обеспечения исполнения религиозных правил, основанные на ненасильственном, но целенаправленном стимулировании желаемого поведения участников внешнеторговой деятельности, представляют первоочередной интерес. Их всестороннее исследование в рамках правовой науки позволит расширить представления о способах регулирования международной торговли. Более того, в текущих условиях альтернативные механизмы и инструменты воздействия могут оказаться даже эффективнее, чем традиционное государственное регулирование. Это обусловлено тем, что их действенность обеспечивается в большей мере транснациональными ценностями, чем неустойчивыми отношениями между государствами. Разумеется, контраргументом может послужить утверждение о косности такого рода ценностей, ставящей под сомнение целесообразность их применения к динамично развивающимся рыночным отношениям. Но в современном мире даже религиозные правила обнаруживают свойство адаптивности. Например, критерии индекса «S&P 500 Catholic Values Index» подлежат пересмотру Конференцией католических епископов США (USCCB) каждые 3 года [20].

Отметим, что изложенное имеет целью не обосновать идею десекуляризации права, а показать, что религиозные нормы являются не до конца исчерпанным ресурсом совершенствования существующей системы регулирования внешнеторгового оборота.

Вместе с тем не стоит недооценивать и потенциал прямого воздействия религиозных норм на международный оборот. Во-первых, восприятие риска в качестве божественного провидения само по себе способствует сохранению торговой активности в условиях нестабильности [8]. Во-вторых, как справедливо отметил Д.Л. Давыденко, «вера в мистический характер правовых обязательств слаба, но жива и тоже иногда помогает обеспечению их исполнения» [4, с. 300–301]. Как было показано выше, все более-менее значимые религии имеют

собственные правила ведения торговли, значительная часть которых коррелирует с требованиями позитивного права к ведению торговой деятельности. Но далеко не все те, кто причисляет себя к носителям религиозного сознания, знают и понимают эти правила (достаточно вспомнить опубликованные в 2016 г. результаты опроса, согласно которому 69 % православных истолковали догмат *Filioque* в соответствии с католической традицией [11]). Думается, что в ситуации, когда большинство населения относит себя к числу верующих, более широкое освещение религиозного содержания таких правил коммерческого оборота, как, например, *pacta sunt servanda*, могло бы послужить неплохим подспорьем в укреплении договорной дисциплины.

В заключение хотелось бы обратиться к словам председателя Конституционного суда РФ В.Д. Зорькина, произнесенным на Петербургском международном юридическом форуме в 2023 г.: «Нельзя отчасти не признать наличие глубокого разрыва между правовым идеалом и нашей действительностью. Можно даже признать, что этот разрыв не уменьшается, а увеличивается» [6]. Представляется, что религиозное право как набор норм и принципов, основанных на духовных, нравственных убеждениях и ненасильственных механизмах воздействия, может стать тем самым ориентиром, который обеспечит баланс между рациональным и нравственным, поощрением и наказанием в регулировании поведения участников внешнеторговой деятельности. Иными словами, обращение к религиозному праву, его переосмысление в контексте современности, может служить средством не только стабилизации международных коммерческих отношений, но и сокращения разрыва между правом как искусством добра и справедливости и законом, имеющим преимущественно утилитарный характер.

Список литературы

1. Бахтараева К.Б. Социально ответственные инвестиции: маркетинговый ход или будущее финансового рынка? // Рынок ценных бумаг. 2006. № 11. С. 70–72.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / пер. с нем. и общ. ред.: Ю.Н. Давыдов. М.: «Прогресс», 1990. 808 с.
3. Ганцфрид Ш. Кицур Шулхан Арух. Иерусалим: ШАМИР, 1994. 159 с.
4. Давыденко Д.Л. Священные оковы договора // Третьейский суд. 2008. № 4. С. 163–167.
5. Деготькова И. ФТС раскрыла объем внешней торговли России в 2023 году // РБК: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/14/11/2023/65532b479a79471209aab87e?from=short_news (дата обращения: 12.02.2024).
6. Зорькин В.Д. Путь права в России. Реформатор – элита – народ // Конституционный Суд РФ: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL:

<https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=94> (дата обращения: 21.02.2024).

7. Калимуллина М.Э. Этика бизнеса исламских банков // Ценностные ориентиры в экономической среде исламского мира: сборник статей. М.: МАКС Пресс, 2009. 147 с.

8. Казанцева М.А., Непп А.Н. Религия и культура как факторы доверия во внешней торговле // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 1. С. 274–302.

9. Кирпичев А.Е. Гражданско-правовое положение религиозных организаций и аффилированных с ними юридических лиц // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2023. № 3 (70). С. 66–72.

10. Нури З. Перспективы развития мирового халяль-рынка // ISLAM-TODAY.RU: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://islam-today.ru/islam_v_mire/perspektivy-razvitiya-mirovogo-halal-rynka/ (дата обращения: 04.11.2018).

11. Опрос: 69% православных в РФ толкуют догмат о Святой Троице как католики // БлаговестИнфо: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=71143> (дата обращения: 21.10.2023).

12. Прибавилось веры // Гильдия Маркетологов: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marketologi.ru/news/indikator/3697/?ysclid=lsvx59g3mt993752516> (дата обращения: 04.02.2024).

13. Сергеев П.В. Религиозное право как экстерриториальный регулятор коммерческих отношений // Revista moldoveneasca de drept international si relatii internationale (Молдавский журнал международного права и международных отношений). 2013. № 3 (29). С. 161–172.

14. Торкин Д.А. Понуждение к исполнению обязательства в натуре и взыскание убытков в англо-американском и континентальном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право 2023. № 2. С. 474–491.

15. Фогельсон Ю.Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. 2013. № 9 (201). С. 43–51.

16. Халяль в тренде: последние цифры развития халяль-индустрии // Комитет по стандарту «Халяль»: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://halalrt.ru/xalyal-v-trende-poslednie-cifry-razvitiya-xalyal-industrii/?ysclid=lta32rm7ny556440599> (дата обращения: 05.01.2024).

17. Хафизов И. Торговля в Исламе // Мечеть Мадина: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://мечеть-мадина.рф/wp-content/uploads/2017/02/Китап-Торговля-в-Исламе.pdf> (дата обращения: 11.01.2019).

18. Эрлих О. Основоположения социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб., 2011. 704 с.

19. Anderson J. E., Marcouiller D. Insecurity and the Pattern of Trade: Empirical Investigation // The Review of Economics and Statistics. 2002. № 84 (2). P. 342–52.

20. Catholic Values Index // Сайт S&P Dow Jones Indices [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spglobal.com/spdji/en/indices/esg/sp-developed-ex-us-catholic-values-index/#overview> (дата обращения: 21.10.2023).

21. Global trade forecast for 2024 'highly uncertain' after 5% contraction in 2023: UN body // GLOBALNEWS: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://globalnews.ca/news/10161535/global-trade-2024-forecast/> (дата обращения: 12.02.2024).

22. Helble M. On the influence of world religions on international trade // Journal of Public and International Affairs. 2006. № 17. P. 211.

23. Hyland R. Pacta Sunt Servanda: A Meditation // Virginia Journal of International Law Association. 1994. № 34(2). P. 405–433.

24. Iuliano J. Do corporations have religious beliefs? // Indiana law journal. 2015. № 1, Vol. 90 P. 47–99.

25. Kang H., Fratianni M. International trade, OECD membership, and religion // Open Economies Review. 2006. № 17 (4–5). P. 493–508.

26. Lee C.W., Park S. Does Religious Similarity Matter in International Trade in Services? // World Economy. 2016. № 39 (3). P. 409–425.

27. Mehanna R.-A. International Trade, Religion, and Political Freedom: An Empirical Investigation // Global Business and Economics Review. 2003. № 5 (2). P. 284–296.

28. Picci L. Reputation-Based Governance. Stanford: Stanford University Press. 2011. 233 p.

29. Rauch J.E. Business and Social Networks in International Trade // Journal of Economic Literature. 2001. № 39 (4). P. 1177–203.

30. Sala-I-Martin X. I Just ran two Million Regression // American Economic Review. 1997. № 87 (2). P. 178–83.

31. Socially responsible investment guidelines for the United States Conference Of Catholic Bishops // USCCB: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: [https://www.usccb.org/resources/Socially%20Responsible%20Investment%20Guidelines%202021%20\(003\).pdf](https://www.usccb.org/resources/Socially%20Responsible%20Investment%20Guidelines%202021%20(003).pdf) (дата обращения: 21.10.2023).

32. S&P Shariah Indices Compliance Criteria Update & September 2023 Rebalance Implementation // S&P Dow Jones Indices: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.spglobal.com/spdji/en/documents/indexnews/announcements/20230804-1465479/1465479_sps Shariahindices-8-4-2023.pdf (дата обращения: 21.10.2023).

33. Vatican-backed ethical index given baptism // Financial Times: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.ft.com/content/74cfb4fa-516b-11df-bed9-00144feab49a?_i_location=http%3A%2F%2Fwww.ft.com%2Fcms%2Fs%2F0%2F74cfb4fa-516b-11df-bed9-00144feab49a.html&_i_referer=http%3A%2F%2Freligionclause.blogspot.com%2F#:~:text=Hartmut%20Graf%2C%20chief%20executive%20of,invest%20in%20an%20ethical%20way.%E2%80%9D. (дата обращения: 12.09.2023).

Об авторе:

СЕРГЕЕВ Петр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Смоленский

государственный университет» (214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4), доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (214025, г. Смоленск, Чуриловский тупик, д. 6/2), доцент кафедры гражданского права и процесса Смоленского филиала ОЧУ ВО «Международный юридический институт», г. Москва, Researcher ID: IQT-0920-2023; ORCID: 0009-0004-5248-8236; SPIN-код: 3695-6392; e-mail: lawpvs@yandex.ru

RELIGIOUS LAW AND STABILITY OF FOREIGN TRADE ACTIVITY

P.V. Sergeev

Smolensk State University;
Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation;
International Law Institute, Smolensk

The article substantiates the relevance of the problem of stability of foreign trade activities. The need to turn to alternative (non-state) instruments for regulating international trade is noted. The article proves that religion influences international trade through the formation of ideological guidelines, as well as through the use of religious law. Three factors of the influence of religious law on participants in foreign trade activities are identified: the expectation of retribution of a supernatural nature, public encouragement and public censure. The conclusion is made about the prospects of studying religious law in the regulation of international trade.

Keywords: *international trade; foreign trade activity; religious law; non-state regulation; stock indices.*

About author:

SERGEEV Petr – PhD in law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Smolensk State University (214000, Smolensk, Przhevalsky St., 4), Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Smolensk Branch of the Russian Academy of National Economy and public service under the President of the Russian Federation (214025, Smolensk, Churilovsky deadlock, 6/2), Associate Professor of the Department of Civil Law and Process of the Smolensk Branch of the International Law Institute (127427, Moscow, Kashenkin Lug St., Building 4), ResearcherID: IQT-0920-2023; ORCID: 0009-0004-5248-8236; SPIN-code: 3695-6392; e-mail: lawpvs@yandex.ru

Сергеев П.В. Религиозное право и стабильность внешнеторговой деятельности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 7–16.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024 г.
Подписана в печать 11.06.2024 г.

ВВОЗ ИМПОРТНЫХ ТОВАРОВ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ: КОММЕРЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ИЛИ ДЛЯ ЛИЧНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ?

А.А. Сладкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Несмотря на кажущуюся однозначность и простоту использования порядка таможенного декларирования товаров для личного пользования, современные тенденции международной торговли создают новые ситуации, когда более выгодный порядок декларирования в отношении товаров для личного пользования по сути является прикрытием для ввоза товаров в коммерческих целях. Целью данной статьи является рассмотрение порядка перемещения товаров для личного пользования физическими лицами через таможенную границу Евразийского экономического союза. По результатам анализа судебной практики сделан вывод о том, что сохраняется актуальность определения характера товаров: для личного и коммерческого использования, – а также автором приведены основные критерии, которыми руководствуются таможенные органы при определении статуса товаров, перемещаемых физическими лицами или пересылаемых в адрес физических лиц. Практическая значимость работы заключается в проведении расчетов таможенных платежей в отношении товаров для личного использования, в частности утилизационного сбора для автомобилей, ввозимых физическими лицами.

***Ключевые слова:** таможенные платежи, таможенные органы, товары для личного пользования, утилизационный сбор, предпринимательская деятельность.*

В некоторых ситуациях таможенные правила могут стать обязательными не только для предпринимателей, перемещающих коммерческие грузы через таможенную границу, но для физических лиц, которые возвращаются из зарубежных поездок либо заказывают товары в иностранных интернет-магазинах. Предполагается, что физические лица приобретают товары для себя и членов своей семьи и тем самым удовлетворяют свои собственные потребительские запросы. Однако, стремясь к экономической выгоде, граждане предпринимают попытки по реализации приобретенных иностранных товаров, поэтому на таможенные органы возложены задачи в том числе по контролю оборота товаров личного пользования, которые могут изменить свой статус на коммерческую партию.

В таможенном законодательстве товары, перемещаемые физическими лицами для удовлетворения повседневных потребностей, получили название «товары для личного пользования». Для них

предусмотрен особый порядок таможенного декларирования, исчисления и уплаты таможенных платежей.

Однако материалы таможенной и судебной практики свидетельствуют о нарушениях, связанных с перемещением товаров для личного пользования, что создает определенные угрозы для стабильности и предсказуемости внешней торговли в целом. Особенно актуальным с учетом действия экономических санкций становится приобретение гражданами России иностранных автомобилей. В данном аспекте правительство осуществляет мониторинг текущей ситуации и принимает решения по урегулированию возникших несоответствий, например, посредством изменения порядка исчисления утилизационного сбора в отношении транспортных средств, приобретаемых физическими лицами.

Согласно п. 46 ч. 1 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) товары для личного пользования – это товары, не связанные с предпринимательской деятельностью и предназначенные для личных, семейных, домашних и иных нужд [1]. Такие товары перемещают через таможенную границу в сопровождаемом или несопровожаемом багаже, пересылая в международных почтовых отправлениях, либо доставляют посредством услуг специализированных перевозчиков.

Также в научной литературе применительно к товарам для личного пользования используется термин «неторговый оборот». Так, Д.А. Кириллова указывает, что «традиционно товаропоток через таможенную границу делился на торговый оборот и неторговый оборот. Международный неторговый оборот применительно к таможенному делу можно рассматривать как денежное измерение объема товаров, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС физическими лицами для личных потребностей, не связанных с получением предпринимательских доходов [10, с. 36].

При этом О.И. Солодухина верно отмечает, что «понятие «неторговый оборот» не определено ни на законодательном уровне, ни в научной литературе» [12, с. 16].

Исходя из положений таможенного законодательства именно в зависимости от способа перемещения устанавливаются лимиты беспошлинного ввоза, т.е. когда товары ввозятся без уплаты таможенных платежей.

Согласно Решению Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 г. № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования» (далее – Решение ЕЭК № 107) [2] установлены следующие нормативы беспошлинного ввоза товаров для личного пользования:

– воздушным транспортом – 10 тысяч евро и 50 кг;

– при самостоятельном ввозе наземным транспортом (авто и ж/д транспортом) и пешком – 1000 евро и 31 кг;

– посредством международных почтовых отправок или с помощью услуг перевозчика – 1000 евро и 31 кг.

До 2022 г. лимиты были иными: 200 евро для товаров, перевозимых перевозчиком или в почтовых отправлениях, и 500 евро для товаров, ввозимых багажом всеми видами транспорта, кроме воздушного. И пролонгировалась идея по постепенному снижению данных нормативов, в пример ставились европейские страны, в которых лимит беспошлинного ввоза варьируется от 15 до 23 евро. Однако в условиях экономических санкций и действий недружественных стран, когда въезд в некоторые страны мира для граждан Российской Федерации (далее – РФ) стал ограничен, а многие магазины привычной брендовой продукции «ушли» с территории России, актуальным вопросом стало приобретение товаров в зарубежных интернет-магазинах или получение посылок от друзей и родственников, живущих за рубежом. Чтобы сохранить у российских покупателей возможность приобретать товары в зарубежных интернет-магазинах, порог беспошлинного ввоза был повышен, но с ограничением по времени – до апреля 2024 г. [13]. С 1 апреля 2024 г. порог беспошлинного ввоза снова вернулся к отметке 200 евро.

За сохранение порога в 1000 евро выступали Федеральная антимонопольная служба, Министерство промышленности и торговли и Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, за снижение в пять раз (до 200 евро) — Министерство финансов и Министерство экономического развития. Традиционный ретейл также требует снижения порога до 200 евро. Онлайн-бизнес отстаивает продление антисанкционной меры в 1000 евро или, по крайней мере, согласен на поэтапное снижение этой нормы [14].

Кроме стоимостных и весовых нормативов таможенным законодательством предусмотрены также иные параметры и обстоятельства, которые при надлежащей оценке со стороны должностных лиц таможенных органов могут свидетельствовать об истинном назначении перемещаемых товаров: для личных, домашних, семейных или же коммерческих целей.

Критерии отнесения товаров, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС, к товарам для личного пользования установлены п. 4 ст. 256 ТК ЕАЭС, и таковыми признаются сведения о характере, количестве товаров, а также данные о частоте пересечения физическим лицом таможенной границы ЕАЭС и (или) частоты поступления зарубежных посылок в его адрес. Более подробные условия отнесения товаров к товарам для личного пользования указаны в Решении ЕЭК № 107. Так, например, в Приложении № 6 Решения ЕЭК № 107 для икры, рыбы, табака, алкогольных напитков предусмотрены отдельные весовые лимиты, а солярии для загара, парикмахерские кресла, некоторые виды

медицинского оборудования, товары, подлежащие экспортному контролю, технологическое оборудование не относятся к товарам для личного пользования.

И.В. Греков верно обращает внимание на необходимость разработки методических рекомендаций, направленных на регулирование «неторгового оборота» товаров для личного пользования физических лиц в пунктах пропуска [7, с. 115].

В этом же направлении ведут рассуждения М.Ю. Козка и А.Ф. Колпаков: «в нормативных правовых актах ЕАЭС и РФ не закреплено количество однородных товаров, с которых начинается коммерческая партия, а также отсутствуют четкие методические рекомендации по определению предназначения товара. В каждом отдельном случае должностному лицу таможенного органа приходится на основе собственных субъективных знаний устанавливать характер перемещаемого товара, количество и частоту пересылки, чтобы определить предназначение товара» [9, с. 23–24].

Такой дискреционный характер в оценке статуса перемещаемых товаров может нивелироваться материалами судебной практики, когда суды с учетом представленных доказательств принимают однозначное и взвешенное решение.

Материалы таможенной практики свидетельствуют о том, что граждане либо не ознакомлены с таможенными правилами, либо намеренно их нарушают, чтобы привезти иностранные товары с минимальными затратами.

Например, гражданин М. оформил заказ на AliExpress, и посредством международного почтового отправления в его адрес были направлены следующие товары: ушная игла – 2 упаковки; импульсный терапевтический аппарат для акупунктуры; инструмент для диагностики аурикулярной точки Li Chun Huang, акупунктурный детектор обнаружения аурикулотерапии. Однако таможенным органом была обнаружена информация на личной странице гражданина М. в социальных сетях «Одноклассники», «Facebook», на портале blizko.ru (BLIZKO Иркутск) о коммерческом предложении «Акупунктурная компьютерная диагностика по методу Риодораку» с указанием контактного телефона гражданина М., что свидетельствует о коммерческой цели ввоза данного товара. Кроме этого, заказанный в интернет-магазине товар не относится к товарам для личного пользования в силу его медицинского назначения. В п. 14 Перечня категорий товаров, не относящихся к товарам для личного пользования, который приведен в Приложении № 6 к Решению ЕЭК № 107, указана медицинская техника и оборудование (за исключением шприцов, игл, катетеров, канюлей, аналогичных инструментов, оборудования для измерения кровяного давления, температуры, а также аппаратуры, необходимой для использования по медицинским показаниям). Однако

гражданин М. не смог предоставить данных о том, что эти медицинские изделия требуются ему или членам его семьи по медицинским показаниям. В этой связи данный набор таможенным органом не был признан товаром для личного пользования [17].

Примеры из судебной практики также свидетельствуют о том, что граждане РФ при прохождении таможенного контроля в зале прилета международного аэропорта выбирают «зеленый» коридор в целях беспошлинного ввоза товаров, которые на самом деле предназначены для последующей продажи, а не для использования в личных, семейных или домашних целях. Либо граждане выбирают «красный» коридор, но планируют воспользоваться более выгодным порядком декларирования, предназначенным для товаров личного пользования.

Так, гражданка РФ, являясь индивидуальным предпринимателем, осуществляла экономическую деятельность, связанную с реализацией одежды на территории РФ. К декларированию посредством пассажирской таможенной декларации были предъявлены товары – одежда. Таможенный инспектор установил, что товары «не отвечают признакам товаров для личного пользования, учитывая их количество, явно превышающее обычные потребности физического лица и членов семьи, а также их характер (новые, в том числе однородные, товары разных размеров с товарными бирками и ярлычками) и наличие брендированных полиэтиленовых пакетов производителей этих товаров (предназначенных для упаковки) в количестве более 100 штук» [15].

В следующем примере также «гражданка РФ перемещала однородные товары – предметы одежды (44 штуки) с широким размерным рядом, что явно превышает потребительские способности семьи и свидетельствует о коммерческой цели ввоза. При этом было установлено, что гражданка зарегистрирована в качестве индивидуального предпринимателя с видом деятельности 47.71 Торговля розничная одеждой в специализированных магазинах, а также в течение года гражданка пересекала государственную границу России 28 раз (страна рейса – Турция)» [16].

Таким образом, граждане намеренно используют порядок декларирования, который предусмотрен для товаров личного пользования, когда подается пассажирская таможенная декларация, и уплата таможенных платежей осуществляется по единым ставкам таможенных пошлин, налогов, либо в виде совокупного таможенного платежа. Тогда как в случае коммерческого ввоза товаров действуют иные менее выгодные условия декларирования и исчисления таможенных платежей.

Действительно велика вероятность использования более льготного порядка в коммерческих целях. Как отмечают Е.В. Дробот и В.С. Смолин, «близость некоторых регионов Российской Федерации к зарубежным странам, а также возможность льготного трансграничного

перемещения приводят к тому, что россияне приобретают за рубежом разнообразные по качеству и цене товары. Также товары, ввозимые физическими лицами на таможенную территорию ЕАЭС под видом товаров для личного пользования, могут служить источником получения дохода от их последующей продажи на территориях стран – участниц ЕАЭС, что нарушает нормальное функционирование национальной экономики, препятствует ее развитию» [6, с. 1774].

Стоит отметить, что даже если перемещаемые товары таможенным органом признаны товарами личного пользования, но превышены стоимостные и/или весовые лимиты, то необходимо произвести расчет и уплату таможенных платежей.

Если превышены лимиты для беспошлинного ввоза, то необходимо будет заплатить пошлину в размере:

– для товаров, перевозимых перевозчиком или в почтовых отправлениях: 15 % от стоимости, но не менее 2 евро за 1 кг в части превышения норм;

– для товаров, ввозимых самостоятельно физическим лицом авто-, авиа- или ж/д транспортом: 30 % от стоимости, но не менее 4 евро за 1 кг.

При этом расчет происходит в части превышения стоимости и/или веса. Например, если вы ввозите «личные» товары самолетом, при этом их стоимость на день пересечения границы составляет 12 000 евро, а разрешенный лимит – 10 000, значит превышен лимит на 2000 евро. Именно от этой суммы рассчитывается таможенная пошлина ($2000 * 30\%$) = 600 евро. Если превышен вес товара, предположим, на 3 кг (3 кг * 4 евро), то заплатить надо 12 евро. Если оба показателя оказались выше, то для оплаты выбирается большая сумма.

Исходя из материалов таможенной практики в целях декларирования товаров для личного пользования таможенными органами учитываются:

- 1) вес и стоимость товаров;
- 2) вид транспорта, с помощью которого перемещаются товары;
- 3) правовой статус физического лица как субъекта экономических отношений;
- 4) частота перемещения физическим лицом границы с целью перемещения товаров либо доставки в его адрес товарных посылок;

5) принадлежность товара к категории личного/домашнего/семейного использования. Оценивается назначение и степень использования именно в быту, определяется количество товаров с учетом их однородности (например, одного наименования, размера, фасона, цвета) и обычной потребности в соответствующих товарах физического лица и членов его семьи.

Наибольший интерес среди перевозимых физическими лицами импортных товаров вызывают легковые автомобили. Это связано с различными модификационными способностями ввозимых автомобилей (например, комплектация, объем, цвет и иные узлы), которые невозможно приобрести на отечественном рынке.

Данная тема стала еще более актуальной, т. к. с 2022 г. по причине экономических санкций многие зарубежные автоконцерны больше не производят и не ввозят автомобили, привычные для наших граждан. Поэтому приобретение автомобиля зарубежного производства стало личным делом каждого. Также произошла переориентацией рынка легковых автомобилей в пользу корейских и особенно китайских автопроизводителей.

Сумма таможенных платежей для автомобилей, ввозимых физическими лицами для личного пользования, зависит от договорной (контрактной) стоимости автомобиля, мощности и объема двигателя, года выпуска.

А.С. Кузнецова и Ю.П. Соболева, рассматривая градацию таможенных платежей в зависимости от года выпуска, приходят к выводу, что наиболее выгодно ввозить автомобиль, с момента выпуска которого прошло более 3, но не более 5 лет [11, с. 145]. Самым затратным будет ввоз автомобиля с мощным двигателем и старше 7 лет. Если на момент покупки за рубежом автомобилю еще не было трех лет, но на момент перемещения через таможенную границу «исполнилось» более трех лет, то его возраст исчисляется на момент подачи таможенной декларации.

При этом с целью установления фактической даты изготовления или стоимости автомобиля должностные лица таможенных органов имеют право направлять запросы производителю, генеральному импортеру, дилеру, официальному дистрибьютору автомобилей и назначать экспертизу [8, с. 39–40].

Сумма таможенных платежей для физических лиц формируется из таможенного сбора за совершение таможенных операций, связанных с выпуском товаров; утилизационного сбора и таможенной пошлины, взимаемой по единым ставкам.

С 29.10.2023 г., в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 1722 от 17.10.2023 г. [3], введен повышенный коммерческий утилизационный сбор, который начисляется на ввозимые физическими лицами автомобили, которые не предназначены для личного пользования, т. е. ввозятся для последующей перепродажи.

Физические лица, ввозящие автомобиль для личного использования, подают в таможенный орган пассажирскую таможенную декларацию, не отчуждают его третьим лицам в течение 12 месяцев, ввозят для себя только один автомобиль – при соблюдении данных условий физическое лицо уплачивает утилизационный сбор в меньшем размере, нежели при коммерческом ввозе.

Коммерческий ввоз предполагает, что физическое лицо ввозит автомобиль не для личного пользования, потому что это уже второй автомобиль за 1 год и он предназначен для отчуждения в течение 1 года. В таком случае необходимо подать в таможенный орган декларацию на

товары, и уплата платежей, в том числе утилизационного сбора, происходит по более высоким ставкам.

Например, из Китая ввозится автомобиль Geely Monjaro 2023 г. выпуска, 2.0 АТ (238 л. с.). Стоимость автомобиля 34 200 долл. США, по курсу 91,3534 руб., таможенная стоимость будет составлять 3 124 286,28 руб.

Рассчитаем платежи, если бы физическое лицо ввозило автомобиль для личного использования, без цели перепродажи и это его первый автомобиль в 2024 г. По состоянию на 05.03.2024 г. единая ставка ввозной таможенной пошлины будет составлять 48 %, но не менее 5,5 евро/см³. Основа начисления: 3 124 286,28 руб. * 48 % = 1 499 657,41 руб.

Для физических лиц размер утилизационного сбора зависит от вида и возраста автомобиля, от типа его двигателя и объёма камеры сгорания. Базовая ставка утилизационного сбора на легковые автомобили категории М1 составляет 20 000 руб. [5].

Утилизационный сбор: 20 000 руб. * 0,17 (используем коэффициент для автомобилей с объемом двигателя свыше 2 000 см³, но не более 3 000 см³) = 3 400 руб.

Таблица 1. Расчет таможенного платежа при ввозе автомобиля физическим лицом для личного пользования на 05.03.2024 г.¹

Вид платежа	Основа начисления	Ставка	Сумма
Таможенный сбор	3 124 286,28 руб.	12 000 руб.	12 000 руб.
Ввозная таможенная пошлина	3 124 286,28 руб.	48 %, но не менее 5,5 евро/см ³	1 499 657,41 руб.
Утилизационный сбор	20 000 руб.	0,17	3 400 руб.
Итого:			1 515 057,41 руб.

Теперь рассчитаем платежи, если бы физическое лицо ввозило автомобиль в коммерческих целях, для дальнейшей перепродажи или это уже второй автомобиль в 2024 г. В таком случае величина утилизационного сбора изменится в большую сторону. Так, основа начисления останется прежней – 20 000 руб., т. к. это зависит от года выпуска автомобиля (для новых, не старше 3 лет), а коэффициент станет 15,3, тогда сумма утилизационного сбора равна 20 000 * 15,3 = 306 000 руб.

¹ Составлена автором. Источник: Информационный портал для участников ВЭД «Альта Софт». Калькулятор таможенных платежей за автомобиль. URL: <https://www.alt.ru/auto-vat/>

Таблица 2. Расчет таможенного платежа при ввозе автомобиля физическим лицом, но для коммерческих целей на 05.03.2024 г.¹

Вид платежа	Основа начисления	Ставка	Сумма
Таможенный сбор	3 124 286,28 руб.	12 000 руб.	12 000 руб.
Ввозная таможенная пошлина	3 124 286,28 руб.	48 %, но не менее 5,5 евро/см ³	1 499 657,41 руб.
Утилизационный сбор	20 000 руб.	15,3	306 000 руб.
Итого:			1 817 657,41 руб.

Также в обоих вариантах необходимо заплатить таможенный сбор за совершение таможенных операций, связанных с выпуском товаров, ставки которого утверждены Постановлением Правительства РФ от 26.03.2020 г. № 342 (ред. от 06.05.2023 г.) «О ставках и базе для исчисления таможенных сборов за совершение таможенных операций, связанных с выпуском товаров». Данный вид сбора зависит от размера стоимости товара, например, сбор будет составлять 12 тыс. руб., если общая таможенная стоимость товаров составляет 2 700 тыс. руб. 1 коп. и более, но не превышает 4 200 тыс. руб. включительно [4].

Третий вариант применяется в том случае, если декларантом является юридическое лицо. В таком случае единые ставки пошлин уже не применяются и необходимо рассчитывать отдельно каждый вид таможенных платежей: ввозную таможенную пошлину, налог на добавленную стоимость (далее – НДС), акциз, утилизационный сбор.

Таблица 3. Расчет таможенного платежа при ввозе автомобиля юридическим лицом на 05.03.2024 г.²

Вид платежа	Основа начисления	Ставка	Сумма
Таможенный сбор	3 124 286,28 руб.	12 000 руб.	12 000 руб.
Ввозная таможенная пошлина	3 124 286,28 руб.	15 %	468 642,94 руб.
Акциз	238 л.с.	912 руб./л.с.	217 056 руб.
НДС	3 809 985,22 руб.	20 %	761 997,04 руб.
Утилизационный сбор	20 000 руб.	15,3	306 000 руб.
Итого:			1 760 295,99 руб.

¹ Составлена автором. Источник: Информационный портал для участников ВЭД «Альта Софт». Калькулятор таможенных платежей за автомобиль. URL: <https://www.alt.ru/auto-vat/>

² Составлена автором. Источник: Информационный портал для участников ВЭД «Альта Софт». Калькулятор таможенных платежей за автомобиль. URL: <https://www.alt.ru/auto-vat/>

При сравнении данных в трех таблицах можно сделать вывод о том, что ввоз автомобилей физическим лицом, которое в последующем планирует его продать с целью получения выгоды, предполагает уплату самой высокой стоимости таможенных платежей за счет значительного размера утилизационного сбора. Однако при ввозе физическим лицом требуется заполнить пассажирскую декларацию, что можно сделать и собственноручно в бумажном варианте, а при ввозе автомобилей юридическим лицом требуется заполнить таможенную декларацию на товары, что требует наличия специальной программы и навыков по ее использованию.

Таким образом, в настоящее время предусмотрены два варианта расчета утилизационного сбора в отношении ввоза автомобилей физическими лицами: для личного использования и коммерческого. Данная мера обусловлена тем, что физические лица стали использовать возможность своего статуса для приобретения автомобилей в коммерческих целях, т. е. для дальнейшей перепродажи.

Анализ современной ситуации по порядку декларирования и исчисления таможенных платежей в отношении товаров для личного пользования несмотря на правовое урегулирование нормами таможенного законодательства, демонстрирует определенные сложности. В первую очередь существует зыбкая грань между статусом товара: товар для личного пользования может быть признан коммерческой партией. В данной ситуации могут наблюдаться как недобросовестные действия физического лица, так и дискреция таможенного инспектора. Ведь, несмотря на установленные критерии товара для личного пользования, определение статуса товара остается на усмотрение должностного лица таможенного органа.

В научной литературе отмечается отсутствие методических рекомендаций, направленных на регулирование «неторгового оборота» товаров для личного пользования. Например, остается неясным количество однородных товаров, с которого начинается коммерческая партия, а также отсутствуют четкие критерии по определению предназначения товара.

Исходя из материалов таможенной и судебной практики, основными параметрами, влияющими на момент «превращения» товара личного пользования в коммерческую партию, являются статус физического лица как субъекта экономических отношений (индивидуальный предприниматель) и значительное количество однородных товаров, которое превышает лимиты бытового потребления.

Новое звучание приобрел вопрос определения таможенных платежей в отношении автомобилей. С декабря 2023 г. установили два порядка расчета утилизационного сбора, сделав невыгодным перепродажу иностранного автомобиля, приобретенного физическим лицом не с целью личного использования.

Список литературы

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 23.03.2021 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Решение Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 г. № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Правительства РФ от 17.10.2023 г. № 1722 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1291» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства РФ от 26.03.2020 г. № 342 (ред. от 06.05.2023 г.) «О ставках и базе для исчисления таможенных сборов за совершение таможенных операций, связанных с выпуском товаров» // СЗ РФ. 2020. № 14. Ст. 2099.
5. Постановление Правительства РФ от 26.12.2013 г. № 1291 (ред. от 13.02.2024 г.) «Об утилизационном сборе в отношении колесных транспортных средств (шасси) и прицепов к ним и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 2. Ст. 115.
6. Дробот Е.В., Смолин В.С. Особенности перемещения физическими лицами товаров для личного пользования, к которым применяются запреты и ограничения // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 6. С. 1773–1802.
7. Греков И.В. Совершенствование качества таможенных услуг и таможенного контроля товаров, перемещаемых физическими лицами для личного пользования в воздушных пунктах пропуска // Управленческое консультирование. 2019. № 5. С. 114–120.
8. Коваленко Е.Г. Учет стоимостных, технических и иных характеристик автомобилей в налоговых и таможенных отношениях // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 3. С. 35–44.
9. Козка М.Ю., Колпаков А.Ф. Актуальные вопросы таможенного контроля товаров для личного пользования, перемещаемых в международных почтовых отправлениях // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2019. № 4. С. 22–31.
10. Кириллова Д.А. К вопросу о перемещении товаров в рамках электронной торговли и товаров для личного пользования // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2023. № 2 (86). С. 36–41.
11. Кузнецова А.С., Соболева Ю.П. Экономические аспекты таможенного регулирования перемещения транспортных средств // Экономическая среда. 2016. № 2 (16). С. 143–148.
12. Солодухина О.И. Перемещение товаров через таможенную границу Евразийского экономического союза в международном неторговом обороте: экономико-статистический анализ // Вестник евразийской науки. 2020. № 6. С. 16–21.
13. Сладкова А.А. Отвечает юрист: как беспощинно приобрести импортные товары [Электронный ресурс]. URL: <https://vesti-tver.ru/dailynews/otvechaet-yurist-kak-besposhlinno-priobresti-importnye-tovary/> (дата обращения: 24.02.2023).

14. Точка возврата. В правительстве не договорились о пороге беспошлинного ввоза. Есть ли компромисс? [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/03/26/vozvrata/> (дата обращения: 27.03.2024).

15. Постановление Верховного Суда РФ от 08.02.2023 г. № 45-АД22-36-К7 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.08.2023 г. № 88а-26205/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2023 г. № 88-8441/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

СЛАДКОВА Алена Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4410-8106, e-mail: Sladkova.AA@tversu.ru

IMPORT OF IMPORTED GOODS BY INDIVIDUALS: COMMERCIAL CONSIGNMENT OR FOR PERSONAL USE?

A.A. Sladkova

Tver State University, Tver

The relevance lies in the fact that despite the apparent unambiguity and ease of use of the procedure for customs declaration of goods for personal use, modern trends in international trade create new situations where a more profitable declaration procedure for goods for personal use is essentially a cover for the import of goods for commercial purposes. The purpose of the scientific work is to consider the procedure for the movement of goods for personal use by individuals across the customs border of the Eurasian Economic Union. The scientific novelty is determined by the fact that, based on the results of the analysis of judicial practice, it was concluded that the relevance of determining the nature of goods remains: for personal and commercial use, and the author also provides the main criteria that guide customs authorities in determining the status of goods transported by individuals or sent to individuals. The practical significance lies in the calculation of customs duties in respect of goods for personal use, in particular the recycling fee for cars imported by individuals.

Keywords: *customs payments, customs authorities, goods for personal use, recycling fee, business activity.*

About author:

SLADKOVA Aljona – PhD in Philosophy, associate professor of subdepartment of environmental law and legal support of professional activity of the Law Department of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-код: 4410-8106, e-mail: Sladkova.AA@tversu.ru

Сладкова А.А. Ввоз импортных товаров физическими лицами: коммерческая партия или для личного пользования? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 17–28.

Статья поступила в редакцию 10.05.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

БРИТВА ОККАМА И ПРАВО: ДИЛЕММА ПРОСТОГО И СЛОЖНОГО

А.Н. Сухарев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г.Тверь

В науке одним из методологических принципов является бритва, или лезвие, Окаама, в соответствии с которым при объяснении чего-либо следует использовать уже существующие понятия, т.е. не следует размножать сущности. В статье осуществлено применение данного принципа к пониманию построения норм права. Цель статьи – раскрытие сущности и содержания дилеммы простого и сложного в праве и выработка на этой основе представлений о путях развития права. Рассмотрено действие методологического принципа примата простого (бритва Оккама) в праве. Показано, что в общественных науках данный принцип может не выполняться, т.к. развитие этих наук происходит, в числе прочего, за счет ввода в оборот новых сущностей, на основе которых объясняются существующие феномены. Раскрыто соотношение общего и специального права в совершенствовании права в целом. Применен принцип Гёделя к пониманию противоречивости и/или неполноты системы норм права. Методами исследования являются формальная логика, сравнительный анализ правовых категорий, синтез (обобщение), комплексность и системный подход. Методологический принцип неразмножения сущностей (бритва Оккама) действует не во всех науках. В общественных науках происходит процесс увеличения количества понятий, категорий (сущностей). Данный процесс находит отражение и в праве. Однако правовые конструкции и юридический язык не следует усложнять без должной необходимости. Постоянное усложнение права приводит к росту правовой энтропии, а избыточная сложность может больше породить, чем решить правовых проблем.

Ключевые слова: Бритва Оккама, принцип Гёделя, KISS, теория права, простота, сложность, закон экономии времени, нормотворчество, правовая система, общее право, специальное право, казусы, гармонизация законодательства, общие правовые конструкции, упрощенные правовые конструкции, правовая энтропия, энтропия права, правовая аксиома, презумпция простоты.

В науке при объяснении каких-либо фактов принято использовать методологический принцип, получивший название бритвы (лезвия) Оккама, в честь английского философа Уильяма Оккама (1285–1347). Этот принцип гласит, что не следует размножать сущности без необходимости [11]. Необходимо стремиться объяснять окружающий мир, используя минимальное количество существующих понятий. По сути, это есть принцип экономии в построении объясняющих теорий.

Данный принцип оказал значительное влияние на развитие естествознания, построение в нем научных теорий. Вместе с тем, развитие общественных наук идет по другому пути – размножению сущностей. По-видимому, это можно объяснить сложностью высшей (пятой) формы движения материи (по Ф. Энгельсу) – социальной, что приводит к созданию множества, порой конкурирующих, теорий, каждая из которых порождает свои сущности. Новизна теорий определяется не столько оригинальными мыслительными конструкциями, сколько использованием сконструированных понятий (сущностей).

Принцип У. Оккама является настолько фундаментальным, что на его основе возник принцип в проектировании, получивший сокращенное название KISS («Keep it simple, stupid»), который в буквальном переводе означает «делай проще, тупица»). Он исходит из того, что при проектировании систем необходимо стремиться к максимально возможной простоте, следует избегать ненужной сложности. Чем проще, тем лучше. Принцип KISS может и должен применяться не только в технических системах, но и в правовой системе, включая систему правовых норм. Не следует что-либо усложнять без необходимости.

Развитие общественных наук производится, помимо прочего, за счет разработок методологий, которые обеспечивают прорыв в понимании сложных процессов, происходящих в обществе. Методология, включающая в себя в качестве необходимо элемента понятия, также порождает сущности. Системность методологии требует использования не только используемых понятий (категорий), но и создания новых понятий (сущностей). Это означает, что развитие общественных наук приводит к эффекту, противоположному бритве Оккама. К примеру, в экономических науках принято исходить из того, что докторская диссертация должна носить методологический характер, что уже само по себе должно приводить к увеличению сущностей. Другое дело, что эти сущности останутся только в рамках работ одного исследователя, или выйдут за эти рамки и будут использоваться другими учеными, или найдут себе применение в практике.

В современном мире, в том числе в Россия, постоянно происходит усложнение права. Растет количество принимаемых законов, подзаконных актов, увеличивается многообразие правовых конструкций, юридических дефиниций, все больший спектр общественных отношений облекается в нормы права и в большей степени детализируется. Это может принимать форму увеличения объема и содержания принимаемых нормативных правовых актов, усложнения их текста за счет использования большего количества придаточных и соподчиненных предложений, увеличения длины предложений и прочее.

В качестве доказательства этого можно привести статистику принимаемых федеральных законов в Российской Федерации. Так, например, Государственная Дума Федерального Собрания РФ

принимала в 1990-е. и в начале 2000-х гг. в среднем 200–300 федеральных законов в год (исключение составляет аномальный 1999 г. – 933 федеральных закона, а подписано Президентом в том же году – 694 федеральных закона). В последние годы Госдума ежегодно принимала более 500 федеральных законов (в 2018 г. – 576, 2019 г. – 530, 2020 г. – 553, 2021 г. – 505, 2022 г. – 653, в 2023 г. – 694). Не смотря на то, что подавляющее количество этих законов (около 90 %) вносит изменения в другие федеральные законы, все это приводит к постоянному увеличению количества «основных» федеральных законов и их усложнению.

В начале перестройки в СССР считалось, что для построения гражданского общества необходимо принять восемьдесят законов. В настоящее время действуют более 9 000 федеральных законов. Учитывая, что, как указано выше, примерно 90 % из них являются федеральными законами, вносящими изменения и дополнения в другие («базовые») федеральные законы, то общее количество «базовых» («основных») федеральных законов составляет порядка 800, что в десять раз превышает ранее предполагаемое количество законов для нашей страны. Конечно, смена общественной формации и переход на рыночную экономику повысил роль права в жизни общества, разнообразил формы и способы ведения хозяйственной деятельности, усложнил финансовые отношения, породил новые и достаточно разнообразные общественные институты. Все это увеличило спрос на правовые нормы и необходимость принятия специальных законов.

Усложнение права связано с эффектом накопления, когда «правовая машина» постоянно создает новые нормативные правовые акты, что приводит к увеличению их действующего количества. Другим фактором роста количества законов является цифровизация, упрощающая процесс нормотворчества и получения доступа к огромному количеству нормативных правовых актов. В доцифровую эпоху процесс «размножения» нормативных правовых актов имел физическое ограничение в виде доступных отдельным лицам принятых документов. Если ранее судья должен был иметь ограниченный перечень печатных нормативных правовых актов, то теперь он через цифровую среду может получить доступ практически к бесконечному количеству нормативных правовых документов. Здесь проявляется одновременно как усложнение права, так и упрощение процедуры поиска необходимой правовой информации и изготовления судебных решений и иных правовых документов.

В России по состоянию на октябрь 2023 г. рекордсменом по количеству внесенных изменений являлся Кодекс об административных правонарушениях РФ, который имел 813 изменений, на втором месте стоял Налоговый кодекс РФ (732 изменения) [3]. На первый взгляд может показаться, что такие изменения носят технический характер и

направлены на постоянную актуализацию тех или иных положений. Но это не всегда так, а часто даже наоборот. Например, в Налоговый кодекс РФ с момента его принятия была сделана 331 статья-врезка (при максимальной нумерации статьи равной 432). С учетом отмененных статей, в настоящее время количество статей в Кодексе составляет 725. Необходимость внесения изменений в Налоговый кодекс РФ привела к тому, что статьи-врезки стали вставляться уже между ранее врезанными статьями-врезками. Поэтому статьи-врезки можно обозначить как статьи-врезки первого порядка и статьи-врезки второго порядка. Примером статьи-врезки первого порядка является ст. 333.32, а второго порядка – ст. 333.32.1. Также в Налоговом кодексе РФ имеется 27 «врезанных» глав при максимальной нумерации главы равной 34. Кроме этого, в Налоговый кодекс РФ были дополнительно добавлены три раздела, которые вставлены между другими разделами, и которые тем самым являются разделами-врезками, имеющими нумерацию через точку [9].

Ученые Института государственного и муниципального управления Научного исследовательского университета «Высшая школа экономики» провели исследование языка российских законов и пришли к выводу о его усложнении. Происходит снижение лексического разнообразия, увеличение длины предложений, использование в предложениях все большего количества запятых и точек с запятой и др. В 1991 г. в среднем каждый принимаемый федеральный закон содержал 4 970 слов, 2003 г. – 6 935, 2019 г. – 12 450 слов. Федеральные законы становятся все более многословными. Соответственно происходил процесс увеличения количества слов в каждой статье: в 1991 г. – 96, 2003 г. – 164, 2019 г. – 291 слов.

Исследователи установили, что сложность федеральных законов, которые рассчитаны для обычных граждан без юридического образования, превосходит сложность «Критики чистого разума» И. Канта. Из 592 федеральных законов 78 имеют синтаксическую сложность, превышающую сложность «Критики чистого разума». А вот Конституция РФ до внесения в нее изменений имела невысокую синтаксическую сложность, только 4 из рассмотренных 592 федеральных законов были проще ее [5].

На удобочитаемость оказывает влияние такой параметр, как доля глаголов в предложении. С 1991 по 2019 гг. доля глаголов в законах снизилась с 5,4 до 3,8 %, в то время как в произведении Л. Толстого «Анна Каренина» их доля составляет 18 %. Количество причастных оборотов после определяемого слова (на одно предложение) увеличилось с 0,30 до 0,48 (в «Анне Карениной» – 0,04). Количество слов в одном предложении увеличилось с 18 до 20,7 (в «Анне Карениной» – 13,6). Количество слов в абзаце (количество слов) – с 21,3 до 30,4, а в «Анне Карениной» – 37. Количество предиктивных ядер в предложениях – с 1,1

до 1,2, в то время как в «Анне Карениной» – 1,45. Как известно, Л. Толстой разработал свою конструкцию предложений, и текст его художественных произведений является не легким. По некоторым параметрам законодатели уже превзошли сложность языка великого писателя.

Ученые отмечают, что самым сложным из рассмотренных законов оказался федеральный закон «Об особенностях правового регулирования отношений, связанных с предоставлением мер социальной защиты (поддержки), а также выплат по обязательному социальному страхованию отдельным категориям граждан, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» № 421-ФЗ от 22.12.2014 г. Также было установлено, что по состоянию на конец 2018 г. каждый федеральный закон имел 20 внесенных в него изменений и уровень сложности законов в среднем увеличился (в 48 % случаев увеличение, в 40 % случаев – не изменялся, и только в 12 % случаев укрощался). Авторы исследования справедливо отмечают необходимость разработки методических рекомендаций позволяющих законодателям разрабатывать федеральные законы, которые по своей конструкции были бы проще и понятнее. В этих целях более эффективно использовать юридическую технику, в том числе табличные представления информации и формулы.

Усложнение правовой системы может происходить и за счет все большего создания норм специального права. Расширение специального права в регулировании общественных отношений создает большую определенность в них и должно приводить к экономии времени на рассмотрение соответствующих дел в судах, обеспечивая единообразие судебных решений по сходным вопросам. В этом плане можно было бы полагать, что увеличение количества правовых норм является благом в правовой системе и в этом должно проявляться действие закона экономии общественного времени. Специальные нормы увеличивают общее количество норм в праве, детализируя отдельные общественные отношения, и при прочих равных условиях они не должны размножать правовые сущности. В первом приближении это действительно так, но практика показывает, что специальные законы порождают свои конструкции, порой более сложные, чем общее законодательство, вводя в право новый категориальный аппарат.

Итак, принятие специального федерального закона может не приводить к решению правовых проблем, т.к. он требует формирования правоприменительной практики, которая, в свою очередь, потребует внесения дополнительных изменений в законодательство. Рост в праве доли специального права может привести к общему усложнению права и порождению новых правовых проблем, возникновению большего количества казусов. Преодоление одних казусов путем создания новых дополнительных норм будет приводить в дальнейшем к возникновению

на этой основе новых казусов. Чем больше норм права, тем больше возможных противоречий будет возникать между ними и тем больше может возникнуть казусов. Конечно, в целях недопущения этого можно было бы пойти по пути включения в каждый закон особых положений, регулирующих вопросы правового разрешения общественных отношений в условиях противоречия норм права, и сделать это правилом для всех специальных законов. Также можно в общем законодательстве более детально разработать правовую конструкцию решения правовых ситуаций в условиях противоречия норм друг с другом.

При разрешении этого принято использовать так называемую юридическую аксиому, в соответствии с которой, нормы специального права имеют приоритет по соответствующим вопросам перед нормами общего права. Иными словами, если существует противоречие между специальным и общим правом, то применяются нормы специального права. А при «дефиците» норм права (правовых пробелах) используется по Гражданскому кодексу РФ обычай, аналогия закона или аналогия права (ст. 5 и 6). Аналогия права подразумевает под собой общие начала (принципы и подходы к правовому регулированию и смысл гражданского законодательства), а также требования добросовестности, разумности и справедливости (ст. 6). Уголовное и административное законодательства не предусматривают применения принципа обычая или аналогии.

Развитие права должно идти по пути одновременно как его унификации, так и дифференциации. При оценке эффективности правовых норм следует исходить из необходимости упрощения чего-либо, что является сложным, трудно применяемым на практике и приводит к возникновению казусов, а также дифференциации (увеличению разнообразия) в другом, отсутствие чего порождает правовые проблемы. Совокупность этих двух противоположных тенденций есть путь к гармонизации законодательства, повышению действенности правовых механизмов.

Одним из эффективных путей создания правовых норм можно считать включение в законодательство положений, возникающих из анализа правоприменительной практики судами Российской Федерации. Ключевые положения, содержащиеся в ряде решений Пленумов Верховного суда РФ, должны получать форму законов, т.е. стать правовыми нормами. Такой способ производства правовых норм, не являющийся единственным, позволяет гармонизировать законодательство.

В праве могут создаваться упрощенные конструкции, облегчающие те или иные процессы или процедуры, которые были бы усложнены при общем использовании таких процессов (процедур). В качестве примеров здесь можно привести возможность применения организациями упрощенных способов ведения бухгалтерского учета и составления

упрощенной бухгалтерской (финансовой) отчетности, упрощенной системы налогообложения, использования собственниками помещений в многоквартирном доме такой формы управления, которая получила название непосредственного управления и др. Упрощенные правовые конструкции приводят к снижению затрат на данные процессы (процедуры) и расширению возможностей их эффективного использования. Можно высказать мысль, что развитие права должно идти по пути дихотомии: использования как общих, так и упрощенных правовых конструкций [8].

Конструкция правовых норм не должна по сложности превышать сложность общественных отношений, которые она регулирует. Иными словами, способы решения проблем должны быть более просты по сравнению с этими проблемами. Этот тезис можно провозгласить в качестве доктринального принципа простоты права или презумпции простоты.

С понятиями простоты и сложности права связано понятие энтропии, представляющей собой процесс снижения сложности или роста хаоса в системе. В правовых исследованиях встречаются понятия правовой энтропии и энтропии права [см.: 1, 4–6, 10]. Здесь не существует однозначного определения данных понятий, а в ряде случаев правовая энтропия и энтропия права отождествляются. Правовая энтропия и энтропия права должны стать категориями теории права (при их различении между собой) и в ней получить свое содержательное исследование. Под энтропией права следует понимать размывание норм права в процессе их применения (энтропия права первого рода) и такое увеличение правовых норм, которые приводят к росту дисгармонии в системе норм права, к росту хаоса, который имеет форму проявления в казусах (энтропия права второго рода). Правовая энтропия должна быть более широким понятием и включать в себя в качестве предмета не только нормы права, но и правовую систему в целом. Общее понимание определенных двух категорий означает, что следует не допускать роста энтропии в праве (правовой энтропии вообще и энтропии права в частности). Развитие чего-либо есть снижение уровня энтропии в системе. Соответственно, в правовой системе также должен снижаться уровень энтропии.

При исследовании дилеммы простого и сложного в праве следует обратиться к известному принципу Гёделя [2, 7]. Ученый показал, что если формальная логическая система является непротиворечивой (а система правовых норм является такой системой), то в ней не может существовать невыводимых и непровержимых положений (первая теорема Гёделя). Или иначе, если формальная логическая система непротиворечива, то в ней невыводимы положения, которые утверждают непротиворечивость этой системы (вторая теорема Гёделя – теорема о неполноте) [2]. Не смотря на то, что утверждения Гёделя были доказаны

по отношению к формальной арифметике как системе, они могут быть применены к любой формальной логической системе.

Принцип Гёделя применительно к праву определяет, что любая система правовых норм имеет внутреннюю противоречивость. Она либо не будет полной, либо будет внутренне противоречивой. Поэтому увеличение количества норм в праве и увеличение количества юридических сущностей в понимании У. Оккама есть путь от одной проблемы (проблемы неполноты) к другой проблеме (проблеме внутренней противоречивости).

Подытоживая вышеизложенное можно сделать вывод о том, что методологический принцип неразмножения сущностей (бритва Оккама) действует не во всех науках. В общественных науках происходит процесс увеличения количества понятий, категорий (сущностей). Данный процесс находит отражение и в праве. Однако правовые конструкции и юридический язык не следует усложнять без должной необходимости. Постоянное усложнение права приводит к росту правовой энтропии, а избыточная сложность может породить правовые проблемы, чем решить их.

Список литературы

1. Ерохина Ю.В. Новые смыслы понятия «правая энтропия» // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 1 (6). С. 99–108.
2. Жебит В.А. Гипотеза о ключевом парадоксе сознания и поиск ее подтверждения с помощью логики Гёделя // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. Т. 1. № 1 (112). С. 72–76.
3. Количество новых нормативных актов растет // СПС «Гарант».
4. Лебедев В.М. Энтропия трудового права // Правовые проблемы укрепления российской государственности. ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2014. С. 72–75.
5. Оценка сложности языка законов (Анализ существующих юридико-технических и лингвистических подходов к разработке проектов законодательных актов, выработка предложений по их корректировке) // Официальный сайт НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://icef.hse.ru/data/2020/03/18/1567931010/%D0%9E%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf> (дата обращения: 07.01.2024).
6. Павлова Ю.В. Правовая энтропия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. 24 с.
7. Сухарев А.Н. Ненаблюдаемое как экономическая категория // Общество и экономика. 2022. № 3. С. 35–43.
8. Сухарев А.Н. Метод дихотомии в конструкции права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 4 (72). С. 67–74.
9. Сухарев А.Н. Правовая конструкция налогового законодательства Российской Федерации // Защита прав и охраняемых законом интересов граждан. факультетские научные чтения им. профессора Р.Е. Гукасяна. Тверь, 2022. С. 55–60.

10. Чипига И.В. Правовая энтропия в международном праве // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. № 2. С. 113–120.

11. Эпштейн М.Н. Бритва Оккама и аксиоматика человеческого опыта. Проблема сокращения/умножения сущностей в современном контексте // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2020. № 2 (8). С. 129–142.

Об авторе:

СУХАРЕВ Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

OCCAM'S RAZOR AND LAW: THE DILEMMA OF THE SIMPLE AND THE COMPLEX

A.N. Sukharev

Tver State University, Tver

In science, one of the methodological principles is the razor or Occam's blade, according to which, when explaining something, existing concepts should be used, that is, entities should not be multiplied. The article applies this principle to the understanding of the construction of the norms of law. The purpose of the article is to reveal the essence and content of the dilemma of simple and complex in law and to develop on this basis ideas about the ways of law development. The effect of the methodological principle of the primacy of the simple (Occam's razor) in law is considered. It is shown that this principle may not be fulfilled in the social sciences, since the development of these sciences occurs, including through the introduction of new entities into circulation, on the basis of which existing phenomena are explained. The correlation of general and special law in the improvement of law in general is revealed. The Godel principle is applied to understanding the inconsistency and/or incompleteness of the system of legal norms. The research methods are formal logic, comparative analysis of legal categories, synthesis (generalization), complexity and a systematic approach. The methodological principle of non-reproduction of entities (Occam's razor) does not work in all sciences. In the social sciences, there is a process of increasing the number of concepts, categories (entities). This process is reflected in the law. However, legal constructions and legal language should not be complicated unnecessarily. The constant complication of law leads to an increase in legal entropy, and excessive complexity may be more like solving legal problems than solving them. **Keywords:** *Occam's razor, Godel's principle, KISS, theory of law, simplicity, complexity, law of saving time, rulemaking, legal system, general law, special law, incidents, harmonization of legislation, general legal constructions, simplified legal constructions, legal entropy, entropy of law, legal axiom, presumption of simplicity.*

About author:

SUCHAREV Alexander – Doctor of Economics, Professor of the Chair of Constitutional, Administrative and Customs Law of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova street, 33), SPIN-code: 2416-1054, e-mail: su500005@yandex.ru

Сухарев А.Н. Бритва Оккама и право: дилемма простого и сложного // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 29–37.

Статья поступила в редакцию 10.05.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАРОДНЫХ ДРУЖИН В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е.Ю. Тихалева

ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Орел

Объектом исследования выступают общественные отношения, которые складываются в сфере участия граждан в охране общественного порядка через объединение в специализированные формирования. Предметом исследования выступают нормы конституционного и административного права, регламентирующие статус народных дружин. Целью является анализ тенденций, определяющих формирование и правовое регулирование деятельности народных дружин в субъектах Российской Федерации. Поставленная цель предопределила следующие задачи: характеристика направлений использования народных дружин; исследование правового регулирования народных дружин на федеральном и региональном уровнях; выявление современного состояния организации и функционирования народных дружин на конкретных примерах. В качестве основных методов исследования использованы формально-юридический и сравнительного анализа. Результаты исследования обосновываются выводами по повышению эффективности практической деятельности добровольных народных дружин.

Ключевые слова: общественный порядок, участие граждан, местное самоуправление, народная дружина, органы внутренних дел, правоохранительные органы, обеспечение безопасности.

Российское законодательство предусматривает значительное число форм непосредственного участия граждан в осуществлении местного самоуправления, как для определения целей местного самоуправления, оказания влияния на его развитие, принимаемые решения, так и для удовлетворения собственных потребностей и интересов [22, с. 260–261].

Согласно действующей Концепции общественной безопасности 2013 г. в качестве возможного направления совершенствования системы профилактики правонарушений и преступлений рассматривается привлечение граждан к участию в охране общественного порядка [5]. Данный вопрос приобретает особое значение на нижестоящих уровнях власти, более близких к населению. Чем больше вклад каждого в поддержание общественного порядка, тем быстрее и эффективнее осуществляется деятельность правоохранительных органов, особенно в условиях повышенной нагрузки на последних. Активизация вовлечения граждан в добровольные объединения подобной направленности

способствует росту уровня правовой грамотности в обществе через понимание своей роли в механизме предотвращения противоправных деяний, предоставляет людям возможность познакомиться с работой уполномоченных органов власти и наладить с ними взаимодействие. Кроме того, следует отметить отсутствие упорядоченности и определенные пробелы в правовом регулировании статуса народных дружин.

В средствах массовой информации периодически ведутся дискуссии о необходимости формирования народных дружин в прифронтовых российских регионах для защиты местного населения от украинских диверсантов, если такая инициатива будет поддержана силовыми ведомствами.

Очевидно, что вопрос вооружения таких отрядов до сегодняшнего времени активно не обсуждался исходя из положений действующего законодательства. Кроме того, в нашем государстве никогда не было подобной практики в отношении дружинников ни в дореволюционный, ни в советский периоды. Однако неоднократно поддерживалась идея о необходимости включения в народные дружины лиц, которые отслужили в армии.

В Российской Федерации уже имеется опыт привлечения граждан в статусе добровольных народных дружин к охране государственной границы в целях оказания помощи пограничным органам ФСБ России в субъектах Федерации, граничащих с другими государствами. Данная деятельность имеет достаточно подробное правовое регулирование как на законодательном, так и на подзаконном уровнях (акты органов исполнительной власти, например Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.1995 г. № 339 «О порядке привлечения граждан к защите государственной границы Российской Федерации») [4]. Дружинники чаще всего содействуют задержанию лиц, участвующих в контрабанде или пытающихся нарушить режимные требования в пунктах пропуска через границу. Для участия в такой дружине необходимо не менее пяти человек [30, с. 232]. Начиная с 2022 г., в обеспечении этого направления государственной безопасности участвует около четырнадцати тысяч человек, включая казаков [27].

Отдельно на законодательном уровне выделяется функционирование народных дружин в целях обеспечения пожарной безопасности. Согласно Федеральному закону от 06.05.2011 г. № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» предусматривается создание добровольных пожарных дружин для осуществления контроля за соблюдением противопожарных правил на подведомственных объектах, в которых они осуществляют трудовую деятельность (не менее трех человек), или предотвращения последствий их нарушения [3; 32, с. 29].

В настоящее время принят Приказ МЧС России от 01.11.2023 г. «Об утверждении типовых положений об объектовых добровольных

пожарных объединениях» для детального регулирования их статуса, т. к. численность народных дружинников составляет около трехсот тысяч человек, и они уже доказали свою эффективность [6; 17, с. 1].

Если рассматривать общие вопросы регулирования народных дружин, то в настоящее время порядок их создания и деятельности закрепляется Федеральным законом от 02.04.2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ) [2]. Ранее подобные акты принимались в основном на уровне субъектов Российской Федерации. После вступления в силу Федерального закона № 44-ФЗ, объединившего разобщенные положения, регионы издают акты, детализирующие этот Закон применительно к имеющейся специфике территориального регулирования (Закон Белгородской области от 30.10.2014 г. № 305 «О реализации на территории Белгородской области положений Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка», Закон Курской области от 24.03.2015 г. № 27-ЗКО «О регулировании отдельных вопросов участия граждан в охране общественного порядка в Курской области» и т. п.) [10, 11].

Согласно Федеральному закону № 44-ФЗ дружины имеют право быть созданными в виде общественных объединений и после внесения в соответствующий реестр (региональный реестр народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности, организовываемый органами внутренних дел) начинать содействовать полиции в охране общественного порядка на основании выданного свидетельства о внесении в реестр. Как правило, в реестре указываются сведения о командире, который избирается на общем собрании дружины (ФИО) и должен быть согласован с руководителем территориального органа МВД России; место создания дружины, территория действия и дата регистрации с регистрационным номером и официальным наименованием [7]. Тем самым предусмотрен добровольный порядок создания народных дружин, но с обязательным уведомлением местных властей и соответствующих территориальных органов внутренних дел [18, с. 93].

Установлены определенные ограничения по отношению к тем, кто хочет стать народным дружинником: это должен быть гражданин Российской Федерации, не имеющий другого гражданства, непогашенных судимостей, не страдающий психическими заболеваниями, не имеющий наркотической или алкогольной зависимости. Также в отношении данного лица не должно осуществляться уголовное преследование. Еще одно требование – отсутствие в перечне субъектов, причастных к экстремистской деятельности или терроризму [23, с. 89]. Кроме этого, в процессе осуществления функций по охране общественного порядка, дружинникам установлен ряд запретов, включающих осуществление

деятельности, являющейся исключительной компетенцией правоохранительных органов; представление себя в качестве сотрудников полиции, действия в корыстных интересах или в целях унижения чести и достоинства лиц, а также допущение необоснованных ограничений прав и свобод граждан. В Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации есть отдельная статья 19.36, посвященная ответственности дружинников [1].

Народные дружины создаются в соответствии с административно-территориальным делением нашего государства. Следовательно, при формировании штабов народных дружин (координирующих органов) учитывается территориальное деление муниципалитетов, а необходимые решения относятся к компетенции представительных органов местного самоуправления.

Виды льгот и компенсаций, предоставляемых народным дружинникам, определяются органами местного самоуправления. Однако вследствие дотационности бюджетов многих муниципальных образований они невелики. В частности, согласно Федеральному закону № 44-ФЗ добровольцам могут предоставлять проездные билеты на все виды общественного транспорта городского, пригородного и местного сообщения (кроме такси), а также ежегодный дополнительный отпуск (как правило, без сохранения заработной платы) до десяти календарных дней. В отдельных субъектах Российской Федерации установлены льготное посещение спортивных объектов (Брянская, Курская области), налоговые льготы (Калужская, Тамбовская области), льготные путевки дружинникам или их детям [26]. Некоторые субъекты РФ в бюджетах определяют статьи для финансирования оплаты дежурств дружинников, однако их размер незначителен и определяется количеством отработанных часов в зависимости от экономического уровня региона, а также выявленных преступлений или правонарушений (размер оплаты в этом случае увеличивается).

В связи с изложенным, желание граждан вступать в народные дружины в большей степени связано с собственной инициативой или чувством долга, нежели получением материальных благ. Более подробную информацию о порядке вступления в народную дружину, установленных льготах и компенсациях граждане могут получить в администрации муниципального образования по месту своего жительства, но и об этом известно не всем желающим гражданам. Степень освещенности в средствах массовой информации, популярных социальных сетях также варьируется в зависимости от местности.

Народные дружинники не получают оружия и проходят лишь общий инструктаж. Они дежурят, как правило, по определенному графику, три-четыре раза в месяц. Органами внутренних дел ведется статистика по деятельности дружин на соответствующих территориях, включая количество часов патрулирования, предупрежденных и пресеченных

правонарушений и преступлений. В Москве, например, зарегистрировано более двадцати двух тысяч дружинников [21], а в Санкт-Петербурге – около трех тысяч [28]. Каких-либо официальных требований к общей численности дружинников в регионах пока законодательно не установлено. Данный вопрос решается на основе принципа добровольности вступления в ряды народных дружин, поэтому все зависит от желания самих граждан.

Исполнительные органы субъектов Российской Федерации, как правило, принимают правовые акты, предусматривающие личное страхование жизни и здоровья дружинников во время их участия в мероприятиях по охране общественного порядка, возможность предоставления компенсаций или выплаты единовременного пособия при причинении вреда жизни и здоровью за счет средств региональных бюджетов [15]. Во Владимирской области минимальный размер страховой суммы составляет сто тысяч рублей [14], а в г. Санкт-Петербург – четыреста тысяч рублей [12]. Очевидно, что данный вопрос зависит от уровня финансирования дружин из региональных бюджетов.

Кроме того, в субъектах Российской Федерации предусматриваются меры для стимулирования эффективности деятельности народных дружинников и, возможно, последующего пополнения их рядов. В соответствии с Постановлением Администрации Курской области от 22 февраля 2017 г. № 139-па «О ежегодных областных конкурсах «Лучшая народная дружина Курской области» и «Лучший народный дружинник Курской области» дружинникам, занявшим I, II и III места, выплачивается денежная премия в размере двадцати пяти тысяч рублей, десяти тысяч рублей и пяти тысяч рублей соответственно [13]. Отличившиеся дружинники награждаются ценными подарками. Народным дружинам, набравшим наибольшее количество баллов, вручаются дипломы, кубки и вымпелы. Аналогичные конкурсы проводятся и в других субъектах Российской Федерации. Так, в Орловской области выбирают «Лучшее общественное объединение правоохранительной направленности» по результатам выявленных правонарушений и преступлений [9]. В Санкт-Петербурге осуществляют ежегодное премирование ста десяти граждан в размере двадцати четырех тысяч рублей за активное участие в охране общественного порядка, а также тридцати дружинников в размере тридцати пяти тысяч рублей [16]. В качестве критериев оценки могут выступать, например, пресеченные или раскрытые преступления либо правонарушения, количество осуществленных рейдов; мероприятия, проводимые в организациях; имеющиеся поощрения; наличие упоминаний в средствах массовой информации и т. п.

Регулирование и контроль деятельности дружин федеральным законодательством возложены на органы местного самоуправления и внутренних дел соответствующего уровня [29, с. 393]. Власти субъектов

Федерации также издают подзаконные акты по вопросам взаимодействия или координации деятельности народных дружин, в том числе с органами местного самоуправления; определяют вид удостоверения, нагрудного знака или форменной одежды дружинников (возможно только наличие нарукавной повязки в качестве отличительной символики). Органами внутренних дел определяются вопросы, связанные с подготовкой дружинников в условиях возможного применения физической силы или оказания первой медицинской помощи (проведение инструктажа) [8; 9, с. 229].

Как отмечалось в начале статьи, субъектами Российской Федерации ввиду складывающейся политической обстановки были расширены возможности использования сил народных дружин.

Так, в Белгородской области организовано триста восемьдесят три добровольных формирования [19]. В целях осуществления мероприятий по обеспечению правопорядка на территориях приграничных населенных пунктов в условиях проведения специальной военной операции Вооруженными Силами Российской Федерации в 2022 г. на меры поддержки деятельности народных дружин приграничных территорий Белгородской области было направлено более восьмидесяти девяти тысяч рублей, из них доля областного бюджета составляет половину [31].

В Курской области к концу 2022 г. в ряды дружин вступило порядка двух тысяч человек [24]. Дружинники проходят подготовку в условиях, «близких к боевым», в учебном центре г. Курска. Курские дружинники патрулируют районы, где они проживают.

Подобные формирования могут представлять собой так называемые отряды территориальной самообороны, следовательно, их полномочия могут иметь более объемный характер по сравнению с обычными дружинами. Так, в Белгородской и Курской областях аналогичные объединения начали именовать «региональной самообороной» и вооружать.

Рассмотрим современные аспекты формирования и деятельности добровольных народных дружин на конкретном примере.

В Орловской области в июле 2023 г. был создан отряд добровольной народной дружины «Бригада Катукова», названный в честь великого маршала, дважды Героя Советского Союза М.Е. Катукова. Его зарегистрировали в статусе региональной военно-патриотической общественной организации. Такое решение было принято в ходе заседания оперативного штаба Орловской области, которое проводил глава региона А.Е. Клычков, после инициативы, предложенной жителями г. Ливны, в том числе ветеранами боевых действий. Аналогичные дружины, как уже отмечалось, действуют в Белгородской и Курской областях, которые неоднократно подвергались обстрелам со

стороны Вооруженных сил Украины, для усиления внутренней безопасности.

Орловская народная дружина «Бригада Катукова» организована в целях оказания помощи и содействия силовым ведомствам в обеспечении законности и охраны правопорядка, в том числе во время массовых мероприятий. Также дружина будет задействована в случаях чрезвычайных происшествий и для оказания поддержки органам МЧС России.

Механизм записи в ряды дружинников несложен: создана специальная группа в социальных сетях, где размещен образец заявления на вступление в дружину, а также вся другая необходимая информация. Заявление можно заполнить, отсканировать и прислать по каналам обратной связи, а оригинал потом отдать на соответствующих занятиях.

Изначально планировалось, чтобы дружинники проходили подготовку на специальном полигоне, относящемся к ведению МВД России. Но в итоге для этих целей открыли отдельный учебный полигон. Во время реконструкции были установлены галереи для стрельбы, вагончики для размещения штаба и личного состава, расширена материальная база для обучения. Каждому обучающемуся предоставляется вещевое имущество.

В так называемый отряд территориальной обороны записалось более тысячи человек, в том числе женщины [20].

Для того, чтобы попасть в «Бригаду Катукова», потребуется соблюдение следующих условий:

- возраст не младше восемнадцати лет;
- состояние здоровья, позволяющее заниматься активной деятельностью;
- отсутствие наблюдения в наркологическом и психоневрологическом диспансерах;
- отсутствие уголовного преследования за преступления против детей, половой неприкосновенности, экстремизма и терроризма;
- готовность учиться военным и специальным наукам, помогать ближним, служить Отечеству.

Опытные инструкторы обучают курсантов бригады девяти различным дисциплинам, начиная от инженерной, огневой и тактической подготовки, заканчивая работой операторов беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), противотанкового ракетного комплекса (ПТРК) и артиллерийской корректировки, основам первой медицинской помощи. Для тех, кто работает, есть программа специально на выходные и праздничные дни. Также инструкторы готовы проводить индивидуальные занятия с теми, у кого работа проходит по сменам или вахтовым методом.

Для членов народной дружины «Бригада Катукова» изготовили шевроны и разрабатывается форменная одежда. На шевроне изображен герб с расположенным по центру орлом, пожирающим гадюку, с красной звездой и Орловской крепостью. Под гербом располагается название отряда.

В дальнейшем в каждом районе Орловской области планируется запуск филиалов «Бригады Катукова», чтобы возможность обучиться была у всех желающих, и территориально расширился объем охвата патрулированием для поддержания порядка.

Таким образом, в настоящее время на федеральном уровне регулируются общие аспекты деятельности народных дружин, хотя гражданам предоставляются широкие возможности по созданию различных добровольных объединений или формирований правоохранительной направленности. Основная правотворческая работа происходит на уровне субъектов Российской Федерации, реже – муниципальных образований. Разрозненность законодательства, определяющего статус народных дружин и их членов, приводит к возникновению пробелов и неопределенности в практической деятельности дружинников. Не всегда представляется возможным понять, к какой структуре можно отнести то или иное объединение, вследствие чего возникают вопросы к объему полномочий дружинников и вероятности их привлечения к ответственности. Также вопросы вызывает правовая грамотность населения в этой сфере: не всегда граждане знают о том, каким образом, в каких направлениях они могут оказать содействие в поддержании общественного порядка из-за недостаточного публичного освещения информации о дружинах.

Основополагающее содержание деятельности добровольных народных дружин исходя из их статуса заключается в пресечении противоправных деяний, гораздо меньше акцент делается на превентивной работе, связанной с проведением разъяснительных мероприятий с населением. Хотя очевидно, что данная деятельность должна быть приоритетной в соответствии с набором полномочий народных дружинников.

Также отсутствие надлежащего финансирования народных дружин и программ по их развитию, материально-техническому обеспечению негативно сказывается на росте участников данных общественных объединений. Особое значение это приобретает сегодня, в условиях нестабильности социально-экономической ситуации в стране, когда необходимо повышенное внимание к эффективности деятельности правоохранительных органов в целях обеспечения безопасности внутри страны.

На наш взгляд, органы государственной власти, в первую очередь, должны быть заинтересованы в детализации правового статуса народных дружин на федеральном уровне и определении направленности их

софинансирования с бюджетами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 02.04.2014 г. № 44-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) «Об участии граждан в охране общественного порядка» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 06.05.2011 г. № 100-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) «О добровольной пожарной охране» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Правительства РФ от 15.04.1995 г. № 339 (ред. от 05.12.2008 г.) «О Порядке привлечения граждан к защите Государственной границы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 г. № Пр-2685) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Приказ МЧС России от 01.11.2023 г. № 1129 «Об утверждении типовых положений об объектовых добровольных пожарных подразделениях» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.01.2024 г. № 76843) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Приказ МВД России от 21.07.2014 г. № 599 «О Порядке формирования и ведения регионального реестра народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности» (Зарегистрировано в Минюсте России 11.08.2014 г. № 33507) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Приказ МВД России от 18.08.2014 г. № 696 «Вопросы подготовки народных дружинников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, и по оказанию первой помощи» (вместе с «Порядком подготовки народных дружинников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, и по оказанию первой помощи») (Зарегистрировано в Минюсте России 29.09.2014 г. № 34167) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Указ Губернатора Орловской области от 19.10.2018 г. № 667 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5700201810230002> (дата обращения: 13.02.2024).
10. Закон Белгородской области от 30.10.2014 г. № 305 «О реализации на территории Белгородской области положений Федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка» // СПС «Гарант».
11. Закон Курской области от 24.03.2015 г. № 27-ЗКО «О регулировании отдельных вопросов участия граждан в охране общественного порядка в Курской области» // СПС «Гарант».
12. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 18.12.2014 г. № 1148 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/terr/reg_pushkin/security/narodnaya-druzhina/ (дата обращения: 13.02.2024).
13. Постановлением Администрации Курской области от 22 февраля 2017 г. № 139-па «О ежегодных областных конкурсах «Лучшая народная дружина

Курской области» и «Лучший народный дружинник Курской области» [Электронный ресурс]. URL: <https://kursk.ru/region/control/documents/document-394509/> (дата обращения: 13.02.2024).

14. Постановление администрации Владимирской области от 28.07.2016 г. № 649 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3300201608020009?index=3> (дата обращения: 13.02.2024).

15. Постановление Правительства Нижегородской области от 11.04.2016 г. № 204 «Об утверждении порядка выплаты единовременных пособий за счет средств областного бюджета в целях предоставления гарантий социальной защиты народным дружинникам» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5200201604130003> (дата обращения: 13.02.2024).

16. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 04.02.2015 г. № 61 [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=131198631&backlink=1&&nd=131105853&rdk=3&refoid=131198985> (дата обращения: 13.02.2024).

17. Анализ развития добровольной пожарной охраны в Российской Федерации по итогам 2022 года. М., 2023. 17 с. // Сайт МЧС России [Электронный ресурс]. URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/6611?ysclid=lslhqnnck748308890/> (дата обращения: 13.02.2024).

18. Бурьлова Л.А. Административно-правовое регулирование создания и деятельности добровольных народных дружин // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2015. № 3. С. 91–97.

19. В Белгородской области создали 383 народные дружины // Сетевое издание Информационное агентство «Бел.Ру». 2023. 2 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://bel.ru/news/2023-03-02/v-belgorodskoy-oblasti-sozdali-383-narodnye-druzhiny-2794407?ysclid=lslib15eh76184125/> (дата обращения: 13.02.2024).

20. В Орловской области около 1 тыс. человек вошли в добровольную народную дружину // Информационное агентство ТАСС. 2023. 12 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19264423/> (дата обращения: 13.02.2024).

21. Двадцать шестого декабря были подведены итоги работы Московской городской народной дружины за 2023 год // Сайт ГКУ «Московский городской штаб народной дружины». 2023. 27 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://druzhina.mos.ru/presscenter/news/detail/12080814.html?ysclid=lsli2qf9jr429313808/> (дата обращения: 13.02.2024).

22. Лихошва А.О. Формы муниципальной демократии как проявление принципа самостоятельности местного самоуправления // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 1 (57). С. 260–267.

23. Матюшенков Д.М. Взаимодействие органов исполнительной власти с общественными объединениями в сфере охраны общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2022. 184 с.

24. Народные дружины Курской области // Сайт УМВД России по Курской области [Электронный ресурс]. URL:

<https://46.мвд.рф/contact/народные-дружину/народные-дружину-курской-области/> (дата обращения: 13.02.2024).

25. Наумова А.В. Правовые основы деятельности народных дружин в обеспечении охраны общественного порядка // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 227–230.

26. Об участии органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в финансовой поддержке деятельности граждан и членов общественных формирований правоохранительной направленности, оказывающих содействие органам внутренних дел в охране общественного порядка и противодействии преступности // Сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/Razdel_vzaimodejstvie_s_organami_isp._vl/об-участии-органов-государственной-власти?ysclid=lslhynl3an530418903#_ftn1/ (дата обращения: 13.02.2024).

27. Общественный совет при ФСБ обсудил закон о поддержке добровольцев на границе // Интернет-портал «Российской газеты». 2022. 26 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/03/26/obshchestvennyj-sovet-pri-fsb-obsudil-zakon-o-podderzhke-dobrovolcev-na-granice.html?ysclid=lt5k4ps5qj338741010/> (дата обращения: 28.02.2024).

28. Орлов Е. Сколько дружин в Петербурге // Официальное сетевое издание Правительства Санкт-Петербурга. 2023. 25 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://spbnevnik.ru/news/2023-07-25/skolko-druzhin-v-peterburge/> (дата обращения: 13.02.2024).

29. Парамонов А.В., Харин В.В. Роль народных дружин в совершенствовании системы предупреждения правонарушений на территории Тамбовской области в условиях городской среды // Актуальные проблемы государства и права. 2020. Т. 4. № 15. С. 390–398.

30. Петунин А.С. Понятия и категории процесса подготовки добровольных народных дружин к защите государственной границы Российской Федерации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 5/1. С. 231–236.

31. Создание условий для деятельности народных дружин // Официальный сайт министерства финансов и бюджетной политики Белгородской области. 2022. 20 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://beldepfin.ru/novosti/sozдание-uslovij-dlya-deyatelnosti-narodnyh-druzhin/?ysclid=lslixkfm92925754643/> (дата обращения: 13.02.2024).

32. Хромов А.В. Административно-правовой статус добровольной дружины в период действия военного положения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 1. С. 25–36.

Об авторе:

ТИХАЛЕВА Елена Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и уголовного права; Среднерусский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (302028, г. Орел, ул. Октябрьская, 12), SPIN-код: 6611-8740, AuthorID: 852559; e-mail: columbijka@mail.ru

**TRENDS IN THE FORMATION AND LEGAL REGULATION
OF PEOPLE'S SQUADS IN THE SUBJECTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

E.Y. Tikhaleva

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Oryol

The object of the research is the social relations that develop in the sphere of citizens' participation in the protection of public order through association in specialized formations. The subject of the study is the norms of constitutional and administrative law governing the status of people's squads. The aim is to analyze the trends in the formation and legal regulation of people's squads in the subjects of the Russian Federation. The set goal predetermined the following tasks: characteristics of the directions of use of people's squads; the study of the legal regulation of people's squads at the federal and regional levels; identification of the current state of the organization and functioning of people's squads on specific examples. Formal legal and comparative analysis are used as the main research methods. The results of the study are justified by the conclusions on improving the effectiveness of the practical activities of voluntary people's squads.

Keywords: *public order, citizen participation, local self-government, people's squad, internal affairs agencies, law enforcement agencies, security.*

About author:

TIKHALEVA Elena – PhD in Law, associate professor, associate professor of the department of constitutional, administrative and criminal law; Middle Russia Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (302028, Oryol, Oktyabrskaya st., 12), SPIN-code: 6611-8740, AuthorID: 852559; e-mail: columbijka@mail.ru

Тихалева Е.Ю. Тенденции формирования и правового регулирования народных дружин в субъектах Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 38–49.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

Актуальные вопросы науки и правоприменительной практики

УДК 379.85 : 342.5

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.2.050

ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

И.А. Крусс, С.Н. Смирнов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена вопросам правового регулирования медицинского туризма в Российской Федерации. Цель статьи – раскрытие основ стратегического планирования и законодательной регламентации медицинского туризма. В качестве важного направления совершенствования правового регулирования видится закрепление понятия «медицинский туризм». Необходима существенная переориентация туристической деятельности в аспекте оказания медицинских услуг. Методами исследования являются формальная логика, сравнительный анализ правовых категорий, синтез (обобщение), комплексность и системный подход. Предложенные законодательные преобразования будут способствовать улучшению оказания медицинских услуг и соответствующей помощи пациентам, обращающимся за лечением за пределами места их постоянного пребывания.

***Ключевые слова:** медицинский туризм, Россия, экспорт медицинских услуг, здравоохранение, туристическая деятельность, права пациентов.*

Рынок медицинских услуг демонстрирует постоянный рост на протяжении последних десятилетий. В связи с пандемией, вызванной коронавирусной инфекцией, вырос интерес пациентов к трансграничным поездкам с целью получения медицинской помощи. Город Москва занимает лидирующую позицию среди столиц стран Содружества Независимых Государств по объему оказываемой медицинской помощи [13].

Однако область медицинского туризма в России на сегодняшний день находится на стадии формирования. Существуют различные взгляды на определение данного явления, но единого подхода пока не выработано. Так или иначе, речь идет о медицинской индустрии, вовлеченной в сферу лечебно-оздоровительной деятельности. Данное понятие сочетает в себе такие элементы, как: лечение, оздоровление, отдых, туризм.

Следует отметить, что область правового регулирования медицинского туризма не может однозначно отождествляться только со

сферой законодательства о здравоохранении, так как речь идет также и о регламентации туристической деятельности, когда медицинские услуги предоставляются за рубежом или в пределах Российской Федерации в рамках осуществления потребителем соответствующей поездки. При этом исследуемый вопрос не может быть раскрыт без определения назначения института страхования и социального обеспечения при осуществлении медицинского обслуживания пациентов.

В общем и целом, медицинский туризм представляет собой вид туризма, направленный на организацию медицинского обслуживания пациентов за пределами места его постоянного пребывания [11]. Въездной медицинский туризм предполагает посещение отдельной страны иностранными гражданами с целью получения лечения. Выездной туризм связан с регламентацией поездки граждан из одной страны в другую с целью получения соответствующего лечения [14].

Следует отметить, что в настоящее время разработаны и действуют документы стратегического планирования, посвященные вопросам экспорта медицинских услуг.

Полагаем, что еще 6 лет назад Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» было положено начало развитию института медицинского туризма в России. Так, Правительству РФ было определено исходить из того, что в 2024 г. необходимо обеспечить увеличение объема экспорта медицинских услуг не менее чем в четыре раза по сравнению с 2017 г. [5].

1 января 2018 г. вступило в силу Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»» [8], в числе проектов которой названы: формирование здорового образа жизни, создание новой модели медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь, обеспечение своевременности оказания экстренной медицинской помощи гражданам, проживающим в труднодоступных районах России, в том числе развитие экспорта медицинских услуг.

Вышеуказанная программа включает в себя национальный проект «Здравоохранение», на базе которого создан федеральный проект, который так и называется «Развитие экспорта медицинских услуг». Фундаментальной задачей федерального проекта является создание и внедрение системы мониторинга статистических данных медицинской организации по объему оказания медицинских услуг иностранным гражданам, в том числе в финансовом выражении, включая методику расчета показателей. Другой не менее важной задачей видится проведение коммуникационных мероприятий, направленных на

информирование иностранных граждан о возможностях отечественной медицины.

Представляется, что такое стратегическое ориентирование было вызвано необходимостью увеличения числа лечащихся в Российской Федерации иностранных граждан и в целях координации деятельности по развитию наиболее приоритетных направлений для экспорта медицинских услуг, как то: кардиология, онкология, офтальмология и др.

Кроме того, целевой показатель по экспорту медицинских услуг также входил в федеральный проект «Экспорт услуг» национального проекта «Международная кооперация и экспорт» до конца 2020 г. В соответствии с Указом Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» определена национальная цель «достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство». Несмотря на то, что в этом документе не определен целевой показатель по экспорту медицинских услуг, его ключевой задачей является увеличение количества продаж медицинских услуг иностранным гражданам [4, 12].

Таким образом, медицинский туризм рассматривается не только, как востребованное направление социальной жизни, но и как конкурентоспособный вид экономической деятельности, что, в свою очередь, требует законодательного оформления института и внедрения его в повседневную практику.

На сегодняшний день ч. 3 ст. 19 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет правовые основы реализации права на медицинскую помощь иностранных граждан и лиц без гражданства. Так, право на медицинскую помощь иностранных граждан, проживающих и пребывающих на территории Российской Федерации, устанавливается законодательством Российской Федерации и соответствующими международными договорами Российской Федерации [3]. При этом закон исходит из максимального уравнивания прав иностранцев с гражданами Российской Федерации, предоставляя возможность пользоваться правом на медицинскую помощь наравне, если иное не предусмотрено международными договорами. Кроме того, в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» иностранные граждане пользуются в России правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом.

Порядок оказания медицинской помощи иностранным гражданам определяется Правительством РФ.

Медицинская помощь иностранным гражданам, постоянно или временно проживающим в Российской Федерации, а также временно

пребывающим на территории Российской Федерации, оказывается медицинскими и иными осуществляющими медицинскую деятельность организациями независимо от их организационно-правовой формы, а также индивидуальными предпринимателями, осуществляющими медицинскую деятельность [6].

Среди перечня юридически значимых положений Постановления Правительства РФ № 186 «Об утверждении Правил оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации» особым образом хотелось бы отметить следующие:

1) экстренная медицинская помощь должна оказываться иностранцам бесплатно;

2) бесплатно предоставляется нерезидентам неотложная медицинская помощь в форме скорой медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения;

3) иная медицинская помощь в неотложной форме и плановой форме оказывается иностранцам в соответствии с договорами о предоставлении платных медицинских услуг либо договорами добровольного медицинского страхования и договорами в сфере обязательного медицинского страхования;

4) медицинская помощь в плановой форме оказывается при условии предоставления иностранным гражданином письменных гарантий исполнения обязательства по оплате фактической стоимости медицинских услуг и предоплаты медицинских услуг исходя из предполагаемого их объема [6].

В настоящее время государство в особом порядке заботится об обеспечении санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Именно по этой причине во многих субъектах Российской Федерации в целях регулирования миграционных процессов и санитарно-эпидемиологического контроля приняты организационно-распорядительные документы о проведении медицинского освидетельствования иностранных граждан и лиц без гражданства, а также определен перечень учреждений здравоохранения, занимающихся данным видом деятельности.

В целях обеспечения наибольшего количества медицинских обследований среди иностранных граждан, своевременного осуществления в должном объеме профилактических и противоэпидемических мероприятий, а также учета лиц, покинувших по причине заболеваний территорию Российской Федерации Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 14.12.2007 г. № 86 «Об организации медицинского освидетельствования иностранных граждан и лиц без гражданства» установлен ряд мероприятий.

1) проведение медицинского освидетельствования иностранных граждан в учреждениях здравоохранения, имеющих лицензии на соответствующий вид деятельности;

2) контроль за выездом иностранных граждан, у которых выявлены инфекционные заболевания, предоставляющие опасность для окружающих и являющиеся основанием для отказа в выдаче либо аннулировании разрешения на временное проживание, или вида на жительство, или разрешения на работу;

3) работодателям организовывать прохождение иностранными гражданами гигиенической подготовки и медицинских осмотров при привлечении к деятельности, связанной с производством, хранением, транспортировкой и реализацией пищевых продуктов и питьевой воды, воспитанием и обучением детей, медицинским, коммунальным и бытовым обслуживанием населения;

4) и др. [9]

Как видно, медицинский туризм – это не только фактор для развития здравоохранения, повышения качественных показателей работы врачей, но и способ установления международной коммуникации. И здесь определяющую роль может сыграть правовой статус иностранного гражданина, т. к. им может быть и беженец, временно пребывающий, временно или постоянно проживающий на территории Российской Федерации. Нельзя упускать из виду также социальное положение иностранного гражданина, а именно: осуществляет он трудовую деятельность или нет. Факторами, влияющими на определение источников финансирования медицинской помощи иностранцам, следует рассматривать вид и форму медицинской помощи, оказываемой иностранному гражданину в совокупности с наличием страхового полиса обязательного медицинского страхования.

Таким образом, актуальной задачей является установление источников финансирования медицинских услуг, оказываемых временно пребывающим в Российской Федерации иностранным гражданам, особенно в ситуации, когда иностранный гражданин не оформляет полиса медицинского страхования, а также отсутствует договор добровольного медицинского страхования.

Следует отметить, что иностранцы имеют право на медицинскую помощь по системе обязательного медицинского страхования бесплатно. Те нерезиденты, которые пребывают в Россию с целью трудоустройства, обязательно должны оформить полис добровольного медицинского страхования.

В ситуации оказания платных медицинских услуг иностранным гражданам следует руководствоваться Постановлением Правительства РФ от 11.05.2023 г. № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и

признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006». В соответствующем документе прописывается, что при предоставлении платных медицинских услуг гражданам иностранных государств (нерезидентам) исполнитель обеспечивает передачу сведений об осуществлении медицинской деятельности в отношении нерезидентов в соответствии с указаниями Центрального банка Российской Федерации. За непредоставление в установленном порядке субъектам официального статистического учета первичных статистических данных по установленным формам федерального статистического наблюдения об оказанных платных медицинских услугах гражданам иностранных государств исполнитель, включенный Центральным банком Российской Федерации в перечень респондентов, несет ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации [7].

Как уже отмечалось ранее, иностранные граждане, пребывающие в Российской Федерации для осуществления трудовой деятельности, обязаны проходить медицинское освидетельствование и иметь медицинское заключение о наличии (отсутствии) ряда инфекционных заболеваний [9].

Так, в случае принятия решения о выдаче разрешения на работу иностранный гражданин, прибывший в Российскую Федерацию на основании визы, обязан предоставить в течение тридцати календарных дней со дня въезда в Российскую Федерацию в федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел или его территориальный орган, принявший решение о выдаче разрешения на работу, медицинские документы, подтверждающие отсутствие факта употребления им наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ и инфекционных заболеваний, предоставляющих опасность для окружающих, а также сертификат об отсутствии у него заболевания, вызванного вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции) [1]. Далее Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» закрепляет правило о том, что «высококвалифицированный специалист, являющийся временно пребывающим на территории РФ иностранным гражданином, и прибывшие в РФ неработающие члены семьи высококвалифицированного специалиста, являющиеся иностранными гражданами, должны иметь действующий на территории РФ договор (полис) медицинского страхования либо должны иметь право на основании соответствующего договора, заключенного работодателем или заказчиком работ (услуг) с медицинской организацией, на получение первичной медико-санитарной помощи и специализированной медицинской помощи» [1].

Наряду с законодательством, обеспечивающим организацию медицинского обслуживания пациентов за пределами места его постоянного проживания и иностранных граждан, важное место в системе законодательного регулирования медицинского туризма занимает область туристической деятельности. В этом направлении наблюдается определенная необходимость использования международного опыта развития медицинского туризма. Однако современное отечественное законодательство в заявленной сфере развивается по системе адаптации к социальным реалиям и запросам потребителей медицинских услуг.

Таким образом, туризм может выполнять важную функцию по восстановлению здоровья граждан.

По мнению экспертов, для системного развития медицинского туризма в России необходимо в первую очередь закрепить в федеральном законодательстве соответствующее понятие и ввести специальные медицинские визы, упрощающие въезд иностранцев в Россию с целью лечения [15].

Показательным в этом плане видится опыт Санкт-Петербурга. Так, в Законе Санкт-Петербурга от 28.12.2017 г. № 741-126 «О туристской деятельности в Санкт-Петербурге» (с изменениями на 07.12.2023 г.) закреплено понятие медицинского туризма, основной целью которого является получение медицинских услуг, в том числе обследование, лечение и оздоровление (санаторно-курортное лечение), на территории Санкт-Петербурга [10]. В этой связи для развития такого вида туризма необходимо совершенствование материально-технической базы, привлечение кадров в эту сферу, а также организация взаимодействия с медицинскими организациями.

В соответствии с Федеральным законом от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти РФ в сфере туризма относится, в том числе, содействие созданию благоприятных условий для беспрепятственного доступа туристов (экскурсантов) к туристским ресурсам, находящимся на территориях муниципальных образований, и средствам связи, а также получению медицинской, правовой и иных видов неотложной помощи.

Договор о реализации туристского продукта должен содержать сведения о заключении в пользу туриста договора добровольного страхования, условиями которого предусмотрена обязанность страховщика осуществить оплату и (или) возместить расходы на оплату медицинской помощи в экстренной и неотложной формах, оказанной туристу на территории страны временного пребывания при наступлении страхового случая в связи с получением травмы, отравлением, внезапным острым заболеванием или обострением хронического заболевания, включая медицинскую эвакуацию туриста в

стране временного пребывания и из страны временного пребывания в страну постоянного проживания, и (или) возвращения тела (останков) туриста из страны временного пребывания в страну постоянного проживания, или сведения об отсутствии договора добровольного страхования [2].

В указанной норме речь идет о том, что договор добровольного страхования с туристом заключается с туроператором от имени и за счет страховщика, то есть данный вопрос разрешается сразу в договоре о реализации туристского продукта, а не со страховой организацией напрямую.

Договор добровольного страхования обеспечивает оплату и возмещение расходов на оплату медицинской помощи в экстренной и неотложной формах в стране пребывания и (или) возвращения тела (останков). Однако Закон об основах туристской деятельности не дает ответ на вопрос об особенностях содержания договора о реализации туристского продукта, предметом которого является непосредственное оказание медицинских услуг. Вместе с тем закрепляются императивные положения, которые должны быть отражены в договоре вообще с указанием на то, что он совершается в письменной форме и должен соответствовать законодательству Российской Федерации, в том числе законодательству в области защиты прав потребителей.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что законодательство, регулирующее сферу медицинского туризма в Российской Федерации, в настоящее время требует совершенствования, а именно: установления специальных норм, предусматривающих порядок оказания медицинской помощи в рамках медицинского туризма. Отсутствует ясность в определении и законодательной конструкции такого понятия, как медицинский туризм. Другими словами, необходимо нормативное урегулирование вопросов оказания медицинской помощи, являющейся частью туристского продукта.

В настоящее время нормативно-правовые акты определяют правовое положение, миграционный учет, правила оказания медицинской помощи иностранным гражданам. Законодательство Российской Федерации регулирует деятельность медицинских организаций и порядок оказания туристических услуг, однако обходит вниманием вопрос о регламентации оказания медицинских услуг в рамках осуществления туристической деятельности. Все это указывает на актуальность и востребованность правовой регламентации исследуемой проблематики, особенно в условиях развивающейся медицины и информационных технологий.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

2. Федеральный закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491
3. Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указом Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
6. Постановление Правительства РФ от 06.03.2013 г. № 186 «Об утверждении Правил оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 10. Ст.1035.
7. Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 г. № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1006» // СЗ РФ. 2023. № 20. Ст. 3565.
8. Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие здравоохранения”» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 14.12.2007 г. № 86 «Об организации медицинского освидетельствования иностранных граждан и лиц без гражданства» // Российская газета. 2008. № 18.
10. Закон Санкт-Петербурга от 28.12.2017 г. № 741-126 «О туристской деятельности в Санкт-Петербурге» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/537928886?marker§ion=status> (дата обращения: 10.04.2024).
11. Агаева С.И. Сущность, экономическая роль и виды медицинского туризма // Вестник науки. 2021. № 3 (36). С. 69–72.
12. Грин М.И., Крюкова К.К., Гатаулин Р.Г., Радецкая А.В., Гайдеров А.А., Муравьев С.М. Сравнительный анализ правового регулирования экспорта медицинских услуг в Российской Федерации и некоторых странах СНГ [Электронный ресурс]. URL: http://ivo.garant.ru/proxy/share?data=q4Og0aLnpN5Pvp_qlYqxjK_xqrzXt9W_qeqZAr7nsce67qbe_-2_8aTnTcqjzw6j9PKe8Jy1yaDXotGjn-ur87fgk-ST56PmlQzwn7TasvW85r_8j9G0nuur544S4rbohOH8 (дата обращения: 10.04.2024).
13. Медицинский туризм и экспорт медицинских услуг [Электронный ресурс]. URL: <https://niioz.ru/upload/iblock/c40/c407289f5b7daa328ac52fc28dde1915.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).
14. Синьтун Ван Анализ развития регионального медицинского туризма в России [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77136658/paragraph/23/doclist/3757/6/0/0/%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D0%B7%D0%BC:3> (дата обращения: 10.04.2024).

15. Шувалова М. Эксперты предлагают закрепить в федеральном законодательстве нормы о медицинском туризме [Электронный ресурс]. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77714692/paragraph/6/doclist/259/4/0> (дата обращения: 10.04.2024).

Об авторах:

КРУСС Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права, директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION AND STRATEGIC PLANNING OF MEDICAL TOURISM IN RUSSIA

I.A. Kruss, S.N. Smirnov

Tver State University, Tver

The article is devoted to the issues of legal regulation of medical tourism in the Russian Federation. The purpose of the article is to reveal the basics of strategic planning and legislative regulation of medical tourism. The consolidation of the concept of "medical tourism" is seen as an important direction for improving legal regulation. There is a need for a significant reorientation of tourism activities in the aspect of providing medical services. The research methods are formal logic, comparative analysis of legal categories, synthesis (generalization), complexity and a systematic approach. The proposed legislative changes will contribute to improving the provision of medical services and appropriate assistance to patients seeking treatment outside their place of permanent residence.

Keywords: *medical tourism, export of medical services, healthcare, tourism activities, patient rights.*

About authors:

KRUSS Irina – PhD in Law, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400, e-mail: Kruss.IA@tversu.ru

SMIRNOV Sergey – PhD in Law, associate professor of the department of Legal Theory, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-code: 5101-9484, e-mail: Smirnov.SN@tversu.ru

Крусс И.А., Смирнов С.Н. Вопросы законодательного регулирования и стратегического планирования медицинского туризма в России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 50–59.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ДВУМЯ ФОРМАМИ ВИНЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И КОЛЛИЗИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

М.Г. Фролов

ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Смоленск

В статье в сравнительном аспекте исследованы концептуальные подходы отечественных и зарубежных законодателей к пониманию механизма совершения преступлений с двумя формами вины и конструированию правовых норм, регламентирующих ответственность за умышленные преступные деяния, влекущие по неосторожности тяжкие последствия. Целью исследования является выявление особенностей теоретического обоснования феномена двух форм вины в отечественном и зарубежном уголовном праве. На достижение поставленной цели направлено решение двух взаимосвязанных научно-теоретических задач: изучение концепта «сложная форма вины» в законодательстве стран СНГ и анализ подходов к конструированию составов умышленных преступлений с неосторожными последствиями. В ходе исследования использованы сравнительно-правовой и формально-логические методы. На основе анализа уголовных законодательств РФ и стран ближнего зарубежья выявлены сходства и различия в теоретическом обосновании преступлений с двумя формами вины в уголовном праве и особенности законодательной регламентации составов умышленных преступлений, квалифицирующие признаки которых включают тяжкие последствия, наступающие по неосторожности. Представлено авторское видение соотношения объективных и субъективных признаков в преступлениях, совершаемых с двумя формами вины.

Ключевые слова: преступление, форма вины, умысел, неосторожность, последствия преступления, уголовная ответственность.

Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) содержит более сорока статей, предусматривающих ответственность за совершение преступления с двумя формами вины. Наибольшее число из них находится в разделах VII «Преступления против личности» (28 %) и IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» (71 %). Субъективная сторона квалифицированных составов этих преступлений характеризуется одновременно двумя формами вины: умышленной – в отношении самого деяния, и неосторожной – в отношении наступивших последствий. При квалификации преступлений, совершенных с двумя формами вины, применяется правило, закрепленное в ст. 27 Общей части УК РФ. Согласно этой норме такое преступление в целом признается совершенным умышленно [1]. Однако в теории и практике Российского уголовного права не сформировался

единый подход к решению проблемы отграничения состава преступления с двумя формами вины от состава, субъективная сторона которого характеризуется умышленной виной. В многочисленных работах, посвященных теоретическому обоснованию деяния с двумя формами вины [11–15], встречается разное толкование этого феномена.

Отечественным законодателем использованы различные принципы к построению составов преступлений, включающих нормы с двумя формами вины. В большинстве из них основной состав предусматривает совершение умышленного деяния, а в частях, содержащих квалифицированные и особо квалифицированные признаки, предусматривается наступление тяжких последствий по неосторожности (вред здоровью, смерть одного или нескольких человек и др.). Однако не каждое умышленное деяние, приводящее к неосторожным тяжким последствиям, может признаваться преступлением с двумя формами вины, в частности в случаях, когда такое деяние при отсутствии тяжких последствий является административно наказуемым правонарушением (ст. 263, 264, 349–352 и др.). В соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ такие деяния относятся к неосторожным преступлениям, на что указывается непосредственно в диспозиции соответствующей статьи Особенной части.

В отдельных случаях законодатель указывает на умышленную форму вины в основном составе, используя в диспозиции лексему «заведомо» (например, ч. 1 ст. 217.2 УК РФ и др.), тем самым ориентируя правоприменителя на наличие двух форм вины в квалифицированных (особо квалифицированных) составах, предусматривающих наступление тяжких последствий по неосторожности.

В ряде случаев законодатель не дает указание на форму вины в основном составе преступления, а в квалифицированных и особо квалифицированных составах указывает на наличие тяжких последствий, наступающих по неосторожности (ст. 215, 217, 250–252, 254 и др.). В таких составах, как справедливо отмечает Т.И. Похлеба, может иметь место как преступление с двумя формами вины, так и неосторожное преступление [16, с. 178].

В ряде случаев доказать или исключить наличие двух форм вины достаточно непросто. Например, при квалификации деяния по ч. 4 ст. 111 УК РФ, предусматривающей ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, возникают проблемы с отграничением его от умышленного причинения смерти (убийства). Несомненно, что для разграничения составов убийства и тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, необходимо учитывать не только субъективную сторону преступления (направленность умысла), но и особенности объективной стороны преступления, которые исключают умысел на причинение смерти. В

основу такого разграничения должны быть положены выводы, вытекающие из анализа локализации телесных повреждений, способа их нанесения, используемого оружия (предметов, используемых в качестве оружия) с учетом элементов субъективной стороны, установленных в процессе расследования. Например, при установлении факта причинения тяжкого вреда здоровью по найму (п. «г» ч. 2 ст. 111 УК РФ) можно полагать, что у злоумышленника не было умысла на совершение убийства. В то же время, если субъектом выбран общеопасный способ причинения тяжкого вреда здоровью (п. «в» ч. 2 ст. 111 УК РФ), то исключить косвенный умысел к наступлению смерти не представляется возможным, в связи с чем встречающиеся на практике случаи квалификации деяния, совершенного общеопасным способом, по ч. 4 ст. 111 УК РФ выглядят несостоятельно. Выбранный субъектом общеопасный способ причинения тяжкого вреда здоровью представляет угрозу для жизни человека непосредственно в момент совершения деяния и при обычном развитии причинно-следственных связей приводит к смертельному исходу.

Анализ правотворческого опыта стран СНГ показал, что для исключения подобных коллизий в правоприменении аналогичные статьи, предусматривающие ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 104 УК Республики Узбекистан [7] и ст. 151 УК Республики Молдова [4]) не содержат в особо квалифицированных составах (п. «д» ч. 3 ст. 104 и ч. 4 ст. 151) указания на конкретную форму вины в отношении смертельного исхода.

Заметим, что используемая отечественным законодателем конструкция составов преступлений с двумя формами вины предполагает, что совершаемое умышленно деяние должно быть оконченным составом. В противном случае, когда умысел был направлен на наступление тяжкого (особо тяжкого) последствия, которое возникает после совершения преступления вследствие развития комплекса причинно-следственных связей, квалификацию деяния по соответствующей части, предусматривающей наступление тяжкого последствия по неосторожности, нельзя признать правомерной.

А.И. Рарог, обосновывая феномен двух форм вины в преступном деянии, учитывает такой объективный признак, как наступление определенного последствия (в преступлениях с формальными составами) или более тяжкого последствия, чем в основном составе (в преступлениях с материальными составами) [17, с. 163]. По мнению автора, наступление тяжкого (более тяжкого) последствия может не являться следствием активных действий причинителя вреда, т. к. наступившее следствие представляется результатом действия комплекса факторов (действий субъекта и внешних обстоятельств, способных как демпфировать, так и катализировать наступление тяжких последствий). Действие внешних факторов, усугубляющих ситуацию (удаленность

нахождения жертвы от медицинских учреждений, нарушение нормальной деятельности экстренных служб в связи со стихийными бедствиями и пр.), охватываются неосторожной виной действующего лица (причинителя вреда). Анализируя подобные ситуации, К.О. Копшева и Е.В. Пономаренко не без основания отмечают, что в случаях, когда между деянием и наступлением последствий имеет место определенный промежуток времени, следует учитывать особенности процесса развития причинно-следственных связей в конкретной ситуации [14, с. 67].

Решение проблемы разграничения степени влияния на наступление тяжких последствий факторов, относящихся непосредственно к объективной стороне деяния, и иных факторов («привходящих», «сопутствующих»), способных оказать влияние на наступление тяжких последствий (например, связанных с действием лиц, пытающихся предотвратить наступление этих последствий – спасателей, медицинского персонала и пр.), на практике вызывает определенные трудности. В частности, действие таких факторов может как выступать препятствием наступлению тяжких последствий, так и способствовать их наступлению. В этой связи Н.А. Никитина справедливо замечает, что оценка единичного умышленного преступления, повлекшего тяжкие последствия по неосторожности, как совершенного с двумя формами вины, противоречит принципу субъективного вменения, т. к. в целом преступление признается умышленным. По ее мнению, такие ситуации надо рассматривать как совокупность умышленного и неосторожного деяний, что отвечает «общемировой тенденции гуманизации общества» [15, с. 10]. Нельзя не согласиться и с утверждением автора о том, что положения ст. 27 УК РФ, допускающие возможность соучастия в преступлениях с двумя формами вины, вступают в противоречие с уголовно-правовой теорией, отрицающей возможность соучастия в неосторожных преступлениях.

Понятие преступлений с двумя формами вины («двойной виной», «сложной виной», «смешанной виной») традиционно закрепляется в общей части уголовных кодексов стран СНГ (ст. 27 УК РФ, ст. 19 УК Республики Молдова, ст. 23 УК Республики Узбекистан, ст. 30 УК Республики Таджикистан, ст. 26 УК Республики Туркменистан, ст. 25 УК Республики Беларусь, ст. 22 УК Республики Казахстан). В общей части УК Республики Армения [6] нет отдельной статьи, содержащей дефиницию преступления с двумя формами вины, однако в соответствии с ч. 9 ст. 25 «Преступление, совершенное умышленно» подобные деяния в целом следует считать умышленными. Общие части уголовных кодексов отдельных стран СНГ (Азербайджана [10], Киргизии [9]) не закрепляют понятие двух форм вины, однако при конструировании особо квалифицированных составов умышленных преступлений широко

применяется концепт «наступление тяжкого (особо тяжкого) последствия по неосторожности».

Определенное смешение подходов к конструированию квалифицированных составов преступлений, предусматривающих ответственность за неосторожное причинение более тяжких, чем в основном составе последствий, не охватывающихся умыслом виновного, характерно для уголовных законодательств Республики Киргизия и Республики Армения. В частности, особо квалифицированный состав п. 1 ч. 3 ст. 130 («Причинения тяжкого вреда здоровью») в УК Республики Киргизия предусматривает наступление смерти потерпевшего по неосторожности, в том числе в результате самоубийства последнего. Таким образом, самоубийство потерпевшего относится к неосторожным последствиям. Особо квалифицированная норма аналогичного состава преступления в УК Республики Армения (п. 17 ч. 3 ст. 166) регламентирует наступление «смерти по неосторожности от преступления». Таким образом, законодатель ограничивает неосторожные последствия преступного деяния от наложения результата действия внешних факторов («привходящих сил»).

Отмеченные особенности уголовных законодательств стран СНГ в части конструирования особо квалифицированных составов преступлений, предусматривающих ответственность за наступление более тяжкого, чем в основном составе, последствия, обусловлены использованием в национальном праве различных теоретических подходов к обоснованию процесса детерминации преступного поведения: традиционно-диалектического, характерного для уголовных законодательств большинства стран СНГ, и традиционного, используемого в УК Республики Молдова и УК Республики Узбекистан. В частности, особо квалифицированные составы причинения тяжкого вреда здоровью в уголовных кодексах этих стран не конкретизируют форму вины по отношению к наступлению особо тяжкого последствия (смерти потерпевшего).

Определенный интерес представляет конструкция особо квалифицированных составов преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ («Террористический акт») и ст. 281 УК РФ («Диверсия»), объективная сторона которых представлена активными действиями, создающими опасность гибели людей (взрыв, поджог и т. п.). В ч. 2 ст. 205 УК РФ (до внесенных изменений ФЗ от 28.04.2023 г. № 157-ФЗ) предусматривались последствия в виде смерти человека, наступившей по неосторожности в результате совершения террористического акта, а в п. «б» ч. 3 этой же статьи устанавливалась ответственность за умышленное причинение смерти. В действующей редакции в п. «б» ч. 3 ст. 205 просматривается отход законодателя от принципа разграничения ответственности в зависимости от формы вины. Таким образом, и при наличии у субъекта умысла на причинение смерти потерпевшему, и в

ситуации с двумя формами вины предусматривается ответственность в рамках единой санкции. Этим же законом внесена коррекция в ч. 3 ст. 281, п. «б» которой в настоящее время не конкретизирует форму вины при наступлении смертельного исхода.

Анализ аналогичных статей, предусматривающих ответственность за совершение террористического акта и диверсии в уголовных кодексах стран СНГ, свидетельствует о несхожести подходов законодателей к регламентации ответственности за наступление особо тяжких последствий в виде смерти человека (гибели людей). В уголовных кодексах Республики Азербайджан (ч. 2.4 ст. 214), Республики Таджикистан (п. «г» ч. 3 ст. 179), Республики Казахстан (п. «2» ч. 3 ст. 255), Республики Молдова (п. «б» ч. 3 ст. 278) предусматривается ответственность за наступление в результате террористического акта смерти по неосторожности. Причем, в УК Республики Молдова и УК Республики Казахстан наступление смертельного исхода отнесено к особо квалифицированным составам (ч. 4 ст. 278 и ч. 4 ст. 255, соответственно) и является следствием умышленного убийства, совершенного в террористических целях. В уголовных кодексах Республики Туркменистан (п. «б» ст. 293) и Республики Беларусь (ч. 3 ст. 289) особо квалифицированные составы предусматривают наступление смерти человека (гибели людей) в результате умышленного действия. В УК Республики Узбекистан (п. «а» ч. 3 ст. 155) законодатель не определяет форму вины в отношении смерти человека, но из анализа диспозиций частей 1 и 2 данной статьи вытекает, что деяние совершается умышленно. В уголовных кодексах Республики Армения (ч. 1 ст. 308) и Республики Киргизия (ч. 3 ст. 252) к наиболее тяжким последствиям относятся угроза жизни или опасность гибели людей.

Анализ конструкции статей уголовных кодексов стран СНГ, регламентирующих ответственность за совершение диверсии, показывает, что в законодательстве Республики Молдова (ст. 343), Республики Узбекистан (ст. 161), Республики Армения (ст. 425), Республики Киргизия (ст. 325) и Республики Казахстан (ст. 184) нет квалифицированных составов, в связи с чем наступление последствий (в том числе тяжких и особо тяжких) охватывается умыслом виновного. В уголовных кодексах Республики Азербайджан (ст. 282) и Республики Таджикистан (ст. 309) присутствуют квалифицированные составы диверсии, но их конструкция включает сугубо формальные признаки (совершения деяния организованной группой, повторно). Уголовные кодексы Республики Беларусь (ч. 2 ст. 360) и Республики Туркменистан (ч. 3 ст. 182) предусматривают ответственность за смерть человека (гибель людей) в качестве квалифицирующего признака, но исключают неосторожную форму вины по отношению к данным последствиям. Таким образом, из всех стран СНГ только УК РФ предусматривает возможность реализации двух форм вины (ч. 3 ст. 281). Заметим, что до

внесения изменений в уголовное законодательство РФ Федеральным законом от 9.05.2023 г. № 157-ФЗ [2] данная норма предусматривала ответственность исключительно в случаях умышленного причинения смерти.

Таким образом, исходя из проведенного сравнительного анализа уголовно-правовых норм стран СНГ, можно сделать вывод, что в настоящее время в законодательной практике наметилась тенденция к отходу от принципа использования концепта двух форм вины при конструировании квалифицированных составов умышленных преступлений с тяжкими (особо тяжкими) последствиями. Эта тенденция отчетливо просматривается в составах преступлений, совершаемых общеопасным способом (взрыв, поджог и т. п.), который предполагает высокую вероятность наличия косвенного умысла (отсутствие желания наступления особо тяжких последствий, но сознательное допущение их наступления или безразличное к ним отношение). Из этого следует, что совокупность преступлений возможна лишь в случае установления (доказанности) прямого умысла к наступлению тяжкого (особо тяжкого) последствия.

Уголовно-правовая норма «причинение тяжкого вреда, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего», в большинстве уголовных кодексов стран СНГ содержит две формы вины. Однако подобная конструкция особо квалифицированного состава вызывает многочисленные коллизии в практике правоприменения. В этой связи, исходя из вышеизложенного и с учетом опыта законотворчества Молдовы (ч. 4 ст. 151) и Узбекистана (п. «д» ч. 3 ст. 104), нам представляется, что субъективная сторона ч. 4 ст. 111 УК РФ должна включать как косвенный умысел, так и неосторожность по отношению к смерти потерпевшего. Соответственно, диспозиция ч. 4 ст. 111 УК РФ может выглядеть следующим образом: «Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие смерть потерпевшего».

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект, 2022. 272 с.
2. Федеральный закон от 28.04.2023 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304280051> (дата обращения: 03.12.2023).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275> (дата обращения: 30.11.2023).
4. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 30.11.2023).

5. Уголовный кодекс Туркменистана [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 30.11.2023).

6. Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show> (дата обращения: 30.11.2023).

7. Уголовный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/acts/111457> (дата обращения: 30.11.2023).

8. Уголовный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/taj197648.pdf> (дата обращения: 30.11.2023).

9. Уголовный кодекс Киргизской Республики [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 30.11.2023).

10. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 30.11.2023).

11. Алиева С.Ю. Субъективное содержание преступлений с двумя формами вины: проблемы квалификации // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 1А. С. 345–351.

12. Бикеев И.И., Латыпова Э.Ю. Ответственность за преступления, совершённые с двумя формами вины. Казань, 2009. 228 с.

13. Ведищев А.В. Отдельные вопросы уголовной ответственности за преступления с двумя формами вины // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 163–167.

14. Копшева К.О., Пономаренко Е.В. Проблемные аспекты преступлений, совершенных с двойной формой вины, с учетом соблюдения принципа справедливости // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 66–70.

15. Никитина Н. А. Преступления с двумя формами вины: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2011. 185 с.

16. Похлеба Т.И. Техника конструирования составов нарушения правил безопасности при ведении работ: ст. 143, 216, 217 УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2013. 225 с.

17. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1987. 187 с.

Об авторе:

ФРОЛОВ Михаил Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент Смоленского государственного университета (214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4), SPIN-код: 3237-5534, AuthorID: 742141, e-mail: michailfroloff@mail.ru

CRIMES WITH TWO FORMS OF GUILT: CONCEPTUAL APPROACHES AND CONFLICTS OF LAW ENFORCEMENT

M.G. Frolov

Smolensk State University, Smolensk

The article, in a comparative aspect, examines the conceptual approaches of domestic and foreign legislators to understanding the action of the psychological mechanism in crimes committed with two forms of guilt, and to the construction of legal norms regulating responsibility for intentional criminal acts that negligently entail grave consequences. The purpose of the study is to identify the features of the theoretical substantiation of the phenomenon of two forms of guilt in domestic and foreign criminal law. The solution to two interrelated scientific and theoretical problems is aimed at achieving this goal - studying the concept of “complex form of guilt” in the legislation of the CIS countries and analyzing approaches to constructing elements of intentional crimes with careless consequences. During the study, comparative legal and formal logical methods were used. Based on the analysis of the criminal legislation of the Russian Federation and neighboring countries, similarities and differences have been identified in the theoretical justification of crimes with two forms of guilt in criminal law and features of the legislative regulation of intentional crimes, the qualifying features of which include grave consequences resulting from negligence. The author's vision of the relationship between objective and subjective characteristics in crimes committed with two forms of guilt is presented.

Keywords: *crime, form of guilt, intent, negligence, consequences of a crime, criminal liability.*

About author:

FROLOV Mikhail – PhD in Law, Docent, Associate Professor of Smolensk State University (4 Przhevalsky St., Smolensk, 214000), SPIN-code: 3237-5534, AuthorID: 742141, e-mail: michailfroloff@mail.ru

Фролов М.Г. Преступления с двумя формами вины: концептуальные подходы и коллизии правоприменения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 60–68.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

Обзор и анонсы научных мероприятий

28 марта 2024 года состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Теоретические и практические вопросы охраны и защиты семейных ценностей», организаторами которой выступили юридический факультет Тверского государственного университета и Тверской областной суд.

Научное мероприятие включало доклады доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации, декана юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной академии», члена Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ Ольги Юрьевны Ильиной; доктора юридических наук, профессора, ректора ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» Владимира Викторовича Кулакова; главного научного сотрудника – руководителя Междисциплинарного центра правовых исследований в сфере энергетики ордена Трудового Красного Знамени Института государства и права Российской академии наук, члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, заслуженного юриста Российской Федерации Андрея Владимировича Габова; доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации, первого проректора, заведующей кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Инны Владимировны Ершовой; доктора юридических наук, профессора, заведующей кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» Варвары Владимировны Богдан; доктора юридических наук, декана Высшей школы правоведения, профессора кафедры правового обеспечения рыночной экономики Института государственной службы и управления РАН-ХиГС, члена Правления Ассоциации юристов России Олега Владимировича Зайцева; доктора юридических наук, профессора кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» Ольги Анатольевны Кузнецовой; кандидата юридических наук, председателя судебной коллегии по уголовным делам Тверского областного суда Бориса Самуиловича Райкеса; доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации, профессора кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной академии» Лидии Владимировны Тумановой; доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственной академии» Владимира

Ивановича Крусса, при этом каждое из выступлений сопровождалось, как отметила В.В. Богдан, «профессорской дискуссией».

Примечательно, что объектом внимания участников конференции были и общетеоретические аспекты, и вопросы применения отдельных норм семейного законодательства, и законодательные инициативы.

Заметим, что юридический факультет имеет две научные школы: «Проблемы защиты прав и охраняемых законом интересов (руководитель – Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., профессор Туманова Лидия Владимировна) и «Проблемы гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве» (руководитель – Заслуженный юрист РФ, д.ю.н., профессор Ильина Ольга Юрьевна), развитие которых происходит в постоянном взаимодействии с известными учеными ведущих вузов России и представителями правоприменения, в том числе Тверским областным судом.

*Главный редактор серии,
Заслуженный юрист РФ,
д.ю.н., профессор О.Ю. Ильина*

ЗАЩИТА ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПАРАДИГМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ: БАЛАНСИРУЕМ НА ГРАНИ...

В.В. Богдан

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Объектом исследования выступает трансформация семейных отношений через призму защиты традиционных семейных ценностей в контексте реализации Концепции государственной семейной политики до 2025 г. (далее - Концепция). Предметом исследования выступают нормы семейного законодательства, содержание Концепции, положения отдельных законопроектов, направленных на изменение семейного законодательства. Целью является выявление условий и факторов, объективно оказавших негативное влияние на достижение результатов реализации Концепции. Конкретными задачами выступают установление позитивных и негативных направлений реализации государственной семейной политики в свете трансформации семейных правоотношений, обоснование несостоятельности отдельных предложений по изменению семейного законодательства, формирование некоторых предложений по обеспечению защиты традиционных семейных ценностей. Основными методами исследования явились формально-юридический и системно-аналитический, позволившие установить и систематизировать нормативный и эмпирический материал, описать полученные результаты, сформулировать некоторые предложения по защите традиционных семейных ценностей. Результаты исследования нацелены на формирование объективной оценки итогов реализации Концепции в разрезе трансформации семейных отношений. Делается вывод, что при разработке новой Концепции авторы должны учесть очевидные промахи, допущенные предшественниками и при создании, и при реализации ее положений.

***Ключевые слова:** традиционные семейные ценности, государственная семейная политика, трансформация семейных правоотношений, фактический брак, принципы семейного законодательства.*

Вопросы сохранения традиционных семейных ценностей, их защиты, неизбежного влияния на них трансформации семейных правоотношений – главные вызовы государственной семейной политике. Не подвергается сомнению взаимозависимость политики и права, равно как и то обстоятельство, что политика – более эластичная сфера, и в идеале для достижения своих целей они должны выступать в унисон.

Реализация государственной семейной политики входит в круг основополагающих междисциплинарных и межотраслевых задач. В следующем году исполняется 10 лет со дня утверждения Распоряжением

Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 г. № 1618-р Концепции государственной семейной политики до 2025 г. (далее – Концепция). Этот документ отразил основы российской семейной идеологии и свидетельствует о ее возведении в ранг национальных интересов. Последнее обстоятельство заслуживает всемерной поддержки, поскольку самоидентичность человека закладывается в семье с самого первого дня жизни.

Приоритетом государственной семейной политики, установленной в Концепции, является утверждение, в числе прочего, традиционных семейных ценностей, достигаемых через поддержку, укрепление и защиту семьи и ценностей семейной жизни. Реализацию этой цели предполагалось осуществлять посредством нормативно-правового обеспечения, включая совершенствование семейного законодательства Российской Федерации. Создатели Концепции к 2025 г. намеревались создать систему мер, направленных на укрепление престижа брака и семейного образа жизни.

Положительно следует оценить некоторые изменения, внесенные в Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) и иные нормативные правовые акты, укрепившие общие положения охраны семьи, материнства, отцовства и детства. В частности, речь идет об обновленных редакциях ст. 89 и 90 СК РФ [1] в части обеспечения предоставления содержания, ст. 16, 127, 146 СК РФ [2] о последствиях смены пола одним из супругов, новой статье 45.1 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» о запрете смены пола и др.

Немало положительных изменений и в социальной сфере: например, сохранение ежемесячного пособия на детей до полутора лет для работающих родителей (Федеральный закон от 19.12.2023 г. № 620-ФЗ «О внесении изменений в статью 13 Федерального закона “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей” и статью 11-1 Федерального закона “Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством”»), рост размера единого пособия семьям с детьми (Постановление Правительства РФ от 16.12.2022 г. № 2330 (в ред. от 09.04.2024 г.) «О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка»). В русле Концепции в Государственную Думу Российской Федерации внесен законопроект № 535069-8 «О дополнительной мере социальной поддержки лиц, состоящих в браке длительное время» [5], в котором предлагается выплачивать материальное стимулирование пар, состоящих в зарегистрированном браке не менее 20 лет.

Однако следует констатировать, что несмотря на значительное количество мер поддержки семьи, имеющих в своей основе социальный,

а не правовой характер, эффективных мер, и тем более системы мер, до настоящего времени не создано.

В 2014 г., когда утверждалась Концепция, лишь намечалась гипердинамика трансформации семейных правоотношений. За прошедшее десятилетие существенной трансформации подверглись ключевые семейные правоотношения, призванные обеспечивать проведение государственной семейной политики по сохранению традиционных семейных ценностей, ее основные концепты: родительские правоотношения и брачные правоотношения. Родительские правоотношения трансформировались через развитие биомедицинских и вспомогательных репродуктивных технологий. Брачные правоотношения – через социальную переориентацию отношений между мужчиной и женщиной, выразившуюся в укреплении позиции простого сожительства без государственной регистрации брака. Во многом содержание Концепции, изначально предполагающей принципиально иную степень обобщения и стратегического прогнозирования, даже не включает возможность таких трансформаций, что, несомненно, отразилось на результативности применения ее положений. Как представляется, недостижение результатов обусловлено комплексом взаимосвязанных условий и факторов, объективно оказавших свое негативное влияние на реализацию Концепции.

Во-первых, существенным рассогласованием реалий. Экспансия и постепенное, «мягкое» насаждение европейских ценностей с начала 1990-х гг. при полном попустительстве государства привело к объективному формированию пассивной и активной толерантности, чему способствовала, в том числе, и проводимая политика в сфере культуры. За это время выросло и сформировалось поколение, которое в лучшем случае индифферентно относится к проявлениям открытого гомосексуализма, идеологии *childfree*, внебрачному сожительству, проституции, возможностям смены пола и т. п., и в такой же толерантности воспитывают своих детей.

Так, например, И.С. Алихаджиева отмечает, что «либерализация традиционной половой морали повлияла на формирование новых трендов в этой сфере. <...> Высокая динамичность изменений единой половой морали с автономизацией сферы сексуального поведения способствуют изысканию новых форм сексуальной практики и способов удовлетворения интимной потребности, в том числе запретных» [10, с. 32]. Исследование позволило автору сделать вывод, что «проституция способствует сохранению и упрочению института брака в условиях моногамии» [10, с. 77].

Не менее ярким примером подобной трансформации нравственности является и институт суррогатного материнства: задумываясь как инструмент, помогающий восполнить репродуктивную функцию

женщины, он стал использоваться как метод борьбы с социальным одиночеством лиц мужского пола, а также показателем благосостояния.

Последствием непрозорливости авторов Концепции явилось создание в настоящее время тотальных запретов, которые в обществе воспринимаются неоднозначно, что явно не способствует формированию доверия и позитивного отношения к проводимой государственной семейной политике.

Во-вторых, следует назвать практические проблемы реализации государственной семейной политики по защите традиционных семейных ценностей вследствие поспешных, необдуманных действий законодателя, иногда идущих вразрез с постулатами Концепции.

Фундамент семейного законодательства и права, Концепции – это добровольность. И в первую очередь это относится к брачным отношениям, как думается, самым сложным по своей социальной и правовой сути для достижения такого результата Концепции, как укрепление престижа брака. Нельзя отрицать старания государства поднять этот престиж, главным образом, финансовым стимулированием. Но выбрав в качестве основного материальный способ, не было учтено, что эта работа, например, нивелируется социальными выплатами матерям-одиночкам, которые либо не вступают в брак, либо специально расторгают его, чтобы не потерять право на социальное обеспечение. По справедливому утверждению Н.В. Печерской, «для роста благосостояния семьям нужен не контроль, а создание благоприятных для семьи условий, которые не сводятся к материальным выплатам» [14, с. 103].

Не соответствуют идеям Концепции, действующему законодательству и здравому смыслу некоторые законодательные инициативы. В частности, популистский законопроект № 539969-8 от 30.01.2024 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” путем дополнения федерального закона от 26 ноября 2001 года № 147-ФЗ “О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации”» ст. 14 [6] о легализации фактических брачных отношений с погибшими, признанными безвестно отсутствующими или объявленными умершими в связи с участием в специальной военной операции либо в связи с проживанием или временным пребыванием на территориях осуществления специальной военной операции. Авторы законопроекта (в настоящее время он находится в Государственной Думе РФ, Правовое управление концептуальных замечаний не нашло) в нарушение всех системных связей гражданского и семейного законодательства и права, решили, что фактические брачные отношения можно признать после смерти / признания безвестно отсутствующим лишь при достижении двух условий: совместное проживание в течение 3 лет / 1 года при наличии ребенка и ведение общего хозяйства. И самое странное: согласно данному законопроекту, фактические брачные

отношения признаются браком (!), о чем вносится соответствующая запись в единый государственный реестр записей актов гражданского состояния. Да, действительно, российский законодатель в последние четыре года вынужден действовать в условиях социальной чрезвычайности. Но какие бы социальные причины не побуждали законодателя в экстренном порядке (а, как представляется, данная ситуация не является экстраординарной, в отличие, например, от обстоятельств, связанных с проведением антисанкционной политики в отношении нашего государства, или созданием нормативной базы в период пандемии новой коронавирусной инфекции) создавать законопроекты в сфере семейного права, предлагаемые идеи в свете проводимой государственной семейной политики, направленной на всемерную поддержку государственной регистрации брака, и в том числе легализация фактических брачных отношений, должны иметь под собой прочную непротиворечивую правовую основу, исключая возможные злоупотребления и социальную поддержку нормальности сожительства.

Не способствует стабильности развития и укрепления традиционных семейных ценностей и законопроект № 157281-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], внесенный в Государственную Думу Российской Федерации в июле 2022 г. Многостраничный документ, направленный на «регулирование отношений, связанных с правами и законными интересами детей», в ряде положений подвергается обоснованной критике [12, 13], вследствие чего до настоящего времени не принят, в том числе и по причинам выявления несоответствий действующему законодательству [8].

К числу явно не проработанных в свете Концепции законопроектов следует отнести № 534677-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» об изменении названия и содержания ст. 57 СК РФ: с «Право ребенка выразить свое мнение» на «Право ребенка на учет его интересов и мнения его родителей». В пояснительной записке указано, что «концепт обязательного учета мнения ребенка не только противоречит концепту традиционной российской семьи, но и угрожает традиционным российским семейным ценностям, создает объективную угрозу национальной безопасности Российской Федерации (п. 14, 15, 16 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей)» [9]. Оценить подобное утверждение с доктринальных позиций не представляется возможным: ученые в большинстве поддерживают действующую редакцию ст. 57 СК РФ [11, 15, 16]. Представляется, что столь радикальное интерпретирование обязательности учета мнения ребенка («угроза национальной безопасности» (!)) основано на неверном понимании истинного смысла права ребенка выразить свое мнение,

ограниченного при этом его же интересами, которые должны быть учтены в обязательном порядке в условиях реального конфликта.

В-третьих, в результате вышеназванных условий происходит дезориентация правоприменителя ввиду пробельности в праве и противоречивости нормативных правовых актов. Непроработанные и не устраненные на стадии создания закона противоречия приходится устранять суду в условиях реального конфликта. Сложно представить, как, в случае принятия вышеупомянутого законопроекта № 539969-8, будут устанавливаться факты фактических брачных отношений постмортем, если об этом заявят две женщины в разные суды в разных субъектах, чьи фактические отношения полностью подпадают под предложенные критерии. Не иначе как посмертное многоженство. Или как будет разрешаться ситуация в случае явки лица, с которым признали браком фактические брачные отношения. Существующие механизмы не могут быть применены к таким случаям.

Но вышеназванные проблемы – потенциальные. Реальная проблема в настоящее время – регулирование имущественных отношений между сожителями. В целом, судебная практика по разрешению имущественных споров между сожителями устоялась, но возник новый «изыск» – применение норм главы 60 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Так, Верховным Судом Российской Федерации дважды (в 2022 г. и 2023 г.) рассматривались жалобы по делам о взыскании неосновательного обогащения, в основу которых положены факты перечисления денежных средств на содержание лица и/или его имущества в период сожительства. Высшая инстанция в обоих случаях подтвердила невозможность применения гл. 60 ГК РФ (определение № 78-КГ22-48-К3 от 13.12.2022 г. [3], определение от 05.12.2023 г. № 80-КГ23-5-К6 [4]), однако тенденция наглядно свидетельствует о двух важных моментах. Первый – правовой: в период фактического брака и совместного проживания объективно возможно приобретение движимого и недвижимого имущества, несение расходов по содержанию имущества, принадлежащего одному из сожителей. Ввиду отсутствия легальных способов признания фактических брачных отношений, единственной проблемой, связанной с защитой имущественных прав и законных интересов лиц после их прекращения, является невозможность доказать свое участие в приобретении / содержании имущества, о чем свидетельствует судебная практика¹. Второй – социальный. Отношения сожительства могут приводить к

¹ См. например: Решение Шпаковского районного суда Ставропольского края от 30.11.2021 г. по делу № 2-2295/2021; Решение Курского районного суда от 10.12.2013 г. по делу № 2-977/2013; Решение Джанкойского районного суда Республики Крым от 14.01.2022 г. по делу № 2-200/2022; Решение Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону от 06.02.2017 г. по делу № 2-795/2017; Решение Московского районного суда г. Нижний Новгород Нижегородской области от 02.06.2021 г. по делу № 2-1355/2021.

возникновению родительских правоотношений, алиментных правоотношений, правоотношений иждивения и содержания. Следовательно, не поддерживаемые государственной политикой отношения вне зарегистрированного брака выступают социальным катализатором развития политики демографической. Парадокс заключается в том, что, будучи, например, матерью ребенка, рожденного в сожителстве, и получая защиту в рамках социального и семейного законодательства, женщина остается полностью бесправной в имущественной сфере.

Итоги реализации Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 г. трудно признать удовлетворительными. Проводимая до недавнего времени политика открытости «западным» ценностям способствовала индифферентности российского общества к проявлениям «нетрадиционности» в рамках семейных отношений. Этот процесс был проигнорирован в 2014 году при принятии Концепции, что негативным образом сказалось на ее результатах. Кроме того, сама постановка вопроса «что есть такое “традиционные семейные ценности”?» ввиду своего многообразия и разноплановости понимания делает весьма сложным формирование эффективных и адекватных правовых мер по их охране и защите. Мораль и нравственность подвижны в своем развитии, технологический прогресс опережает развитие права, и условные «Kinder, Küche, Kirche», определяющие социальную роль женщины, потеряли актуальность в современном мире. Разрабатывая в стратегическом направлении государственную семейную политику (и, как представляется, в неразрывном единстве с концепцией развития семейного законодательства), исполняя Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» о разработке до 01.09.2024 г. национального проекта «Семья» для достижения национальных целей, следует исходить в сложившихся реалиях из понимания необходимости обеспечения сбалансированного сочетания права граждан на неприкосновенность частной жизни, их законных прав и свобод и государственных национальных приоритетов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.07.2023 г. № 403-ФЗ «О внесении изменений в статьи 89 и 90 Семейного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6135.
2. Федеральный закон от 24.07.2023 г. № 386-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 31 (Часть III). Ст. 5812.
3. Определение Верховного Суда РФ № 78-КГ22-48-К3 от 13 декабря 2022 г. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2192024. Дата обращения: 12.02.2024 г.

4. Определение Верховного Суда российской Федерации от 5 декабря 2023 г. № 80-КГ23-5-К6. 73RS0004-01-2022-006358-36 [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/38v3r8>. Дата обращения: 17.02.2024 г.

5. Законопроект № 535069-8 «О дополнительной мере социальной поддержки лиц, состоящих в браке длительное время» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/535069-8?ysclid=lvvavw06zf446837021> (дата обращения: 15.04.2024).

6. Законопроект № 539969-8 от 30.01.2024 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8> (дата обращения: 02.02.2024).

7. Законопроект № 157281-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8>. (дата обращения: 15.04.2024).

8. Заключение Правового управления на проект федерального закона № 157281-8 от 06.03.2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8> (дата обращения: 15.04.2024).

9. Пояснительная записка к законопроекту № 534677-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/534677-8> (дата обращения: 15.04.2024).

10. Алихаджиева И.С. Проституция как социальное явление: уголовно-правовые и криминологические последствия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 526 с.

11. Ильина О.Ю. Учет мнения ребенка при нотариальном удостоверении соглашений, затрагивающих его интересы: аксиома или теорема? // Нотариус. 2019. № 3. С. 18–21.

12. Комиссарова Е.Г. Лица, заменяющие родителей, в букве действующего закона // Lex Russica. 2023. № 1. С. 126–141.

13. Лиджиева С.Г. Трудная жизненная ситуация безнадзорных и беспризорных детей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 1. С. 38–42.

14. Печерская Н.В. Перспективы Российской семейной политики: принуждение к традиции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4. С. 94–105.

15. Пирогова Е.Е. Проблемы реализации права ребенка выразить свое мнение в суде по делам о защите его прав // Семейное и жилищное право. 2016. № 3. С. 10–13.

16. Ульянова М.В. Право ребенка выразить свое мнение: содержание, порядок и пределы осуществления // Lex Russica. 2022. № 11. С. 31–41.

Об авторе:

БОГДАН Варвара Владимировна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305016, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94), SPIN-код: 8619-9471, AuthorID: 276429, e-mail: kurskpravo@yandex.ru

PROTECTION OF TRADITIONAL FAMILY VALUES UNDER THE PARADIGM OF FAMILY RELATIONSHIP TRANSFORMATION: TEETERING ON THE EDGE...

V.V. Bogdan

Southwest State University, Kursk

The object of the study is the transformation of family relationships in terms of the protection of traditional family values in the context of the implementation of the Concept of State Family Policy until 2025 (hereinafter - the Concept). The subject of the study involves the norms of family law, the content of the Concept, and the provisions of some bills aimed at changing family law legislation. The purpose is to identify the conditions and factors that objectively had a negative impact on the achievement of the results of the Concept implementation. The specific objectives are to identify positive and negative directions for the implementation of the state family policy in the light of the transformation of family legal relations, to substantiate the invalidity of certain proposals to change family law legislation, and to formulate some proposals to ensure the protection of traditional family values. The main research methods were formal-legal and system-analytical methods which made it possible to establish and systematize normative and empirical materials, describe the obtained results, and formulate some proposals for the protection of traditional family values. The results of the study are aimed at forming an objective assessment of the results of the Concept in terms of the transformation of family relations. It is concluded that when developing a new Concept, the authors should take into account the obvious mistakes made by the predecessors in the creation and implementation of its provisions.

Keywords: *traditional family values, state family policy, transformation of family legal relations, de facto marriage, principles of family law.*

About author:

BOGDAN Varvara – Doctor of Legal Sciences, associated Professor, head of Civil Law Department, Southwest State University (305016, Kursk, 50 years of October st., 94), SPIN-code: 8619-9471, AuthorID: 276429, e-mail: kurskpravo@yandex.ru

Богдан В.В. Защита традиционных семейных ценностей в парадигме трансформации семейных отношений: балансируем на грани... // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 71–79.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВООТНОШЕНИЯ ПО ВОСПИТАНИЮ И СОДЕРЖАНИЮ ДЕТЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ РОДИТЕЛЕЙ

А.В. Гринева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

В статье представлено и обосновано новое для теории семейного права понимание сути правоотношения по воспитанию и содержанию детей несовершеннолетних родителей. Исследуя данную тему, автор доказывает, что семейное правоотношение этого вида не может быть отнесено к разновидности родительского правоотношения. В качестве доказательства своей позиции автор демонстрирует особенности субъектного состава, содержания и формы правоотношения по воспитанию и содержанию детей несовершеннолетних родителей, а также юридических фактов, определяющих его возникновение, изменение и прекращение.

Ключевые слова: *родительское правоотношение, несовершеннолетние родители, дети несовершеннолетних родителей, опекун ребенка несовершеннолетних родителей, права и обязанности несовершеннолетних родителей.*

Правоотношение по воспитанию и содержанию детей несовершеннолетних родителей занимает особое место в системе семейных правоотношений, что обусловлено несколькими факторами. На первый взгляд, данное правоотношение может быть определено как один из видов родительских правоотношений, поскольку обладает спецификой субъектного состава, представленного родителями и детьми. Такой подход к пониманию особенностей правоотношения названного вида спровоцирован самим законодателем, ведь ст. 62 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2] именно так и называется – «Права несовершеннолетних родителей», акцентируя тем самым внимание, во-первых, на именовании субъекта – «родители», следовательно, у данных субъектов есть дети, во-вторых, на возрасте родителей и, в-третьих, исключительно на правах несовершеннолетних родителей.

Полагаем, что правоотношение, возникающее вследствие рождения детей у несовершеннолетних родителей, что, кстати, не исключает несовершеннолетия только одного из родителей, не является родительским правоотношением в том понимании, которое сложилось в теории семейного права. Представляется, что это особый вид семейного правоотношения.

Еще в 2006 г. О.И. Величкова на достаточно высоком теоретическом уровне представила концепцию правового положения несовершеннолетних родителей как субъектов семейных правоотношений [6]. Однако вопросы осуществления родительских прав несовершеннолетними родителями сохраняют свою актуальность, о чем свидетельствуют периодические публикации представителей науки семейного права и сферы правоприменения.

Прежде всего, коллеги пытаются обозначить категории несовершеннолетних родителей, учитывая признаки, отмеченные в ст. 62 СК РФ. Так, некоторые ученые указывают на три категории: «1) несовершеннолетние родители, не достигшие шестнадцатилетия и не заключившие брак; 2) шестнадцатилетние родители, которые не состоят в браке; 3) несовершеннолетние родители, вступившие в брак» [13, с. 21–23]. Другие ученые предлагают разграничивать правомочия несовершеннолетних родителей: «1) совокупность прав, которые принадлежат им независимо от возраста и нахождения в браке; 2) совокупность прав не достигших 16 лет и тех, кто старше 16 лет; 3) совокупность прав несовершеннолетних родителей, которые состоят в браке, и тех, которые не состоят в браке» [10].

Представляется, что указанные авторы, как, впрочем, и некоторые другие, не учитывают еще факт установления материнства и (или) отцовства. Если в отношении материнства, как правило, вопросов не возникает, то установление отцовства не всегда может быть инициировано несовершеннолетним родителем, достигшим возраста четырнадцати лет. Заметим, что законодатель не очень корректно сформулировал право несовершеннолетних родителей «признавать и оспаривать свое отцовство и материнство на общих основаниях», поскольку какой-либо специальной процедуры признания отцовства (материнства) не предусматривается.

Кроме того, немаловажным фактором является и то, что несовершеннолетним может быть только один из родителей, а другой (в равной степени как отец, так и мать ребенка) совершеннолетним. Данное обстоятельство, по нашему мнению, фактически обосновывает наличие неравного объема родительских прав и обязанностей у каждого из родителей, естественно, не в пользу несовершеннолетнего родителя. В рамках наших рассуждений не обозначаются и не исследуются вопросы привлечения к уголовной ответственности совершеннолетнего родителя за половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации) [3], хотя, несомненно, это тоже имеет значение при создании семьи вследствие рождения ребенка.

Буквальное толкование положений ст. 62 СК РФ позволяет однозначно утверждать, что соответствующие правила применяются только в том случае, если оба родителя являются несовершеннолетними.

В связи с этим наши последующие рассуждения будут основаны на этой гипотезе.

Итак, если:

1) несовершеннолетние родители не состоят в браке и не достигли еще возраста шестнадцати лет, они не могут самостоятельно осуществлять родительские права;

2) несовершеннолетние родители вступили в брак до достижения возраста шестнадцати лет, они могут осуществлять самостоятельно родительские права с момента государственной регистрации заключения брака между ними;

3) несовершеннолетние родители не состоят в браке между собой, то по достижении возраста шестнадцати лет они также самостоятельно могут осуществлять родительские права;

4) отцовство в отношении ребенка несовершеннолетних родителей не установлено, то по достижении возраста четырнадцати лет в суд с заявлением об установлении отцовства могут обратиться и несовершеннолетняя мать, и несовершеннолетний отец.

В первом и последнем случаях ребенку несовершеннолетних родителей назначается опекун, вследствие чего такие родители могут участвовать в воспитании своего ребенка совместно с опекуном, но именно опекун является законным представителем ребенка.

Что же касается несовершеннолетних родителей-супругов, то здесь никаких исключений нет, они, будучи и младше шестнадцати лет, самостоятельно осуществляют родительские права. Примечательно, что при таких обстоятельствах законодатель соотнес момент наступления полной дееспособности (ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации) гражданина, вступившего в брак до достижения совершеннолетия, и момент приобретения несовершеннолетним родительских прав.

Необходимо отметить, что законодатель, определяя статус несовершеннолетнего родителя, говорит о праве «самостоятельно осуществлять родительские права». Означает ли это, что речь идет об осуществлении несовершеннолетними родителями своих прав не только самостоятельно, но и в полном объеме? Полагаем, что есть ряд оснований для того, чтобы усомниться в соответствующем выводе.

Специфика правоотношения с участием ребенка несовершеннолетних родителей во многом определяется тем, что последние сохраняют статус детей в семейных правоотношениях, даже если и приобрели полную гражданскую дееспособность вследствие заключения брака. Да, в соответствии со ст. 61 СК РФ родительские права, предусмотренные гл. 12 кодекса, прекращаются при заключении брака несовершеннолетними детьми, но есть и специальное предписание в ст. 120 СК РФ: выплата алиментов, взыскиваемых в судебном порядке на несовершеннолетних детей, прекращается в случае приобретения

последними полного объема дееспособности до достижения возраста восемнадцати лет. Но не стоит отождествлять полную дееспособность несовершеннолетних в гражданских правоотношениях и семейно-правовое положение несовершеннолетних, их статус детей в пределах родительского правоотношения.

Статья 1 Конвенции ООН о правах ребенка [1], ст. 54 СК РФ признают ребенком лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), абсолютно не соотнося это с моментом наступления дееспособности в гражданских или иных отраслевых правоотношениях. Для целей правового регулирования статус ребенка определен однозначно, кроме того, следует учитывать, что правоотношения между родителями и детьми вовсе не исчерпываются алиментными обязательствами, которые в подобной ситуации прекращаются. Не стоит забывать и том, что несовершеннолетний ребенок может быть нетрудоспособным и нуждающимся в помощи, вследствие чего даже после достижения им совершеннолетия родители могут быть обязаны судом к выплате алиментов на его содержание и к участию в несении дополнительных расходов (ст. 85, 86 СК РФ).

В то же время не согласимся с авторами, утверждающими, что «по сравнению с родителями, достигшими совершеннолетнего возраста, несовершеннолетние ограничены в своих правах в отношениях с детьми, что явствует из ст.ст. с 61 по 65 СК РФ» [10]. Признак ограниченности уместен лишь в том случае, когда объем прав и обязанностей был полным, а затем его ограничили при наличии оснований и в порядке, предусмотренных законом. В отношении же несовершеннолетних родителей мы не можем утверждать о наличии соответствующих обстоятельств, если только это не ограничение родительских прав в порядке применения ст. 73 СК РФ.

Особого внимания в контексте обсуждения объема родительских прав заслуживают правоотношения по воспитанию опекуном ребенка несовершеннолетних родителей в возрасте младше 16 лет. Законодатель говорит о том, что опекун осуществляет его воспитание «совместно» с несовершеннолетними родителями. Значит ли это, что родители, не достигшие возраста шестнадцати лет, все-таки имеют определенные правомочия в пределах соответствующего правоотношения? Более того, законодатель не исключает и возникновения разногласий между несовершеннолетними родителями и опекуном ребенка, которые подлежат разрешению органом опеки и попечительства, предполагая тем самым, что несовершеннолетние родители участвуют в принятии решений, затрагивающих интересы их детей.

Очевидно, что отношения по воспитанию опекуном ребенка несовершеннолетних родителей регулируются, в том числе, и нормами ст. 148 и 148.1 СК РФ. Так, опекун имеет право и обязан воспитывать ребенка, заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и

нравственном развитии ребенка. При этом опекун самостоятельно определяет способы воспитания ребенка при соблюдении требований, указанных в п. 1 ст. 65 СК РФ. Опекун не имеет права препятствовать общению ребенка с его родителями и другими родственниками, за исключением случаев, если такое общение не соответствует интересам ребенка.

Совместное воспитание ребенка опекуном и несовершеннолетними родителями, очевидно, предполагает учет мнения родителей при принятии того или иного решения, затрагивающего интересы ребенка. При этом надлежит учитывать, что, хотя родители, в том числе и несовершеннолетние, обладают преимущественным правом на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами (п. 1 ст. 63 СК РФ), родители утрачивают свои права и обязанности по представительству и защите прав и законных интересов ребенка с момента назначения ребенку опекуна (п. 2 ст. 148.1 СК РФ).

По мнению Е.Е. Лекановой, особенностью исследуемых правоотношений является «сочетание родительства и опеки, в связи с чем такое попечение можно назвать опекуно-родительским» [9, с. 22–25]. На наш взгляд, данный автор отметил лишь некоторые признаки соответствующих правоотношений, оставив, в частности, за пределами внимания правоотношения между несовершеннолетними родителями и непосредственно их родителями, если несовершеннолетние родители не состоят в браке.

Кстати, безотносительно назначения ребенку опекуна несовершеннолетние родители не могут самостоятельно защищать права и интересы своих детей в судебном порядке. Некоторые авторы в связи с этим вполне обоснованно заявляют о необходимости дополнения ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а именно: после слов «свои права, свободы и законные интересы» продолжить «а также права, свободы и законные интересы своих несовершеннолетних детей» [11].

Считаем необходимым указать, что назначение опекуна является следствием признания ребенка оставшимся без попечения родителей в контексте применения ст. 121–123 СК РФ. В связи с этим более отчетливые формы, на наш взгляд, приобретает признак «совместно», характеризующий процесс воспитания ребенка. Очевидно, опекун выясняет мнение несовершеннолетних родителей при решении тех или иных вопросов, связанных с воспитанием ребенка, учитывает их мнение, но решение принимает именно опекун.

Признавая таким образом наличие определенных возможностей (назовем это так) у несовершеннолетних родителей в возрасте младше шестнадцати лет и не состоящих в браке по воспитанию своих детей, логичным было бы говорить и о перспективе лишения таких родителей

родительских прав при наличии оснований, предусмотренных ст. 69 СК РФ.

Так, Е.Н. Алешина и Д.В. Постный весьма категорично заявляют о несостоятельности родителей такого возраста в вопросах воспитания детей, поскольку сами они еще не имеют соответствующего социального опыта и не осознают всю степень ответственности за воспитание детей, следовательно, и привлекать к ответственности за ненадлежащее осуществление родительских прав таких родителей нельзя [4]. Напротив, другие авторы считают необходимым установить в СК РФ правило, в соответствии с которым несовершеннолетние родители, достигшие возраста шестнадцати лет, могут быть и лишены, и ограничены в родительских правах, а также быть подвергнутыми мерам административной и уголовной ответственности за совершение соответствующих деяний [5]. Считаю обоснованной высказанную по этому вопросу точку зрения О.И. Величковой: «Лишение родительских прав несовершеннолетнего родителя допустимо лишь в крайних случаях при очевидной невозможности исправления его поведения. Рекомендуемой мерой ответственности несовершеннолетних родителей должно стать ограничение родительских прав» [6].

Достаточно сложным видится вопрос содержания ребенка несовершеннолетних родителей, не достигших возраста шестнадцати лет и не состоящих в браке. Хотя этот вопрос сохраняет свою актуальность и в период до достижения несовершеннолетним родителем, не состоящим в браке, возраста восемнадцати лет, поскольку юридически он сохраняет статус ребенка в правоотношениях со своими родителями, которые обязаны его содержать. Значит ли это, что родители несовершеннолетнего родителя должны содержать и его ребенка? Семейное законодательство не предусматривает такого «двойного» алиментного обязательства, но фактически получается, что при отсутствии у несовершеннолетнего родителя (уточняем, не состоящего в браке) самостоятельного дохода, алименты на содержание его ребенка могут быть взысканы с бабушки (дедушки).

Вполне обоснованным считаю и предложение об установлении обязанности родителей несовершеннолетнего родителя, т. е. бабушек и дедушек ребенка по воспитанию последнего до достижения его родителями совершеннолетия [13, с. 21–23]. Однако с уточнением – до достижения шестнадцатилетнего возраста несовершеннолетними родителями, раз именно этот возрастной порог обозначен законодателем. Заметим, что именно бабушки и дедушки, т. е. родители одного из несовершеннолетних родителей, назначаются в качестве опекуна внука, хотя зачастую принимают на себя обязанности по воспитанию и содержанию внука при отсутствии специальных полномочий [8, с. 20–28]. Как подмечает Н.Н. Тарусина, «выстраивается своеобразная попечительская лестница: родители продолжают оставаться

попечителями своих несовершеннолетних чад и одновременно становятся (или кто-то из них) опекунами внебрачных детей этих чад, осуществляя с последними совместное воспитание детей своих детей, то есть внуков или внучек» [12, с. 21].

Как уже отмечалось, законодатель, определяя права несовершеннолетних родителей, исходит из презумпции, что несовершеннолетними являются оба родителя, что, по понятным причинам, совершенно не обязательно. При таких обстоятельствах совершеннолетний родитель имеет определенные преимущества, а сама модель правоотношения по воспитанию и содержанию ребенка в такой семье заслуживает самостоятельных характеристики и осмысления. Так, И.В. Воробьевой было высказано мнение, что «для такого несовершеннолетнего родителя будет применяться дополнительно ст. 66 СК РФ, регулирующая осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно» [7, с. 87]. Позволим себе не согласиться с такой позицией, потому как нет оснований считать тождественным режим осуществления родительских прав при раздельном проживании ребенка с одним из родителей и режим осуществления родительских прав несовершеннолетним родителем.

Проведенное исследование правового регулирования отношений, возникающих при рождении детей у несовершеннолетних лиц, позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, законодатель исходит из презумпции несовершеннолетия обоих родителей ребенка, что в то же время не исключает формирование такой модели правоотношения, когда несовершеннолетним является только один из родителей.

Во-вторых, при определении семейно-правового статуса несовершеннолетних родителей необходимо учитывать факт удостоверения происхождения ребенка (материнство и отцовство) от несовершеннолетних лиц, возраст несовершеннолетних родителей на момент рождения ребенка, наличие брака между несовершеннолетними родителями.

В-третьих, правоотношение по воспитанию и содержанию детей несовершеннолетних родителей представляет собой семейное правоотношение особого вида, сочетающее правоотношения между ребенком и его несовершеннолетними родителями; между несовершеннолетними родителями, их ребенком и назначенным ребенку опекуном; между несовершеннолетними родителями и их родителями и т. д.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Алешина Е.Н., Постный Д.В. К вопросу о семейных правах несовершеннолетних родителей // *Инновации. Наука. Образование*. 2021. № 30. С. 1165–1171.

5. Бобракова Н.В., Сухомлинова Л.А., Тхаровская О.Ю. Об особенностях осуществления родительских прав несовершеннолетними родителями // *Ленинградский юридический журнал*. 2020. № 3 (61). С. 96–108.

6. Величкова О.И. Семейно-правовое положение несовершеннолетних родителей по семейному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.

7. Воробьева И.В. Реализация личных неимущественных прав несовершеннолетними родителями, не состоящими в браке до достижения ими возраста шестнадцати лет // *Юридические науки*. 2007. № 4. С. 87.

8. Ильина О.Ю. О правах и обязанностях бабушек и дедушек в семейных правоотношениях с участием детей // *Вестник ТвГУ. Серия: Право*. 2021. № 4 (68). С. 20–28.

9. Леканова Е.Е. Правовые особенности попечения ребенка несовершеннолетних родителей с неполным родительским статусом // *Семейное и жилищное право*. 2020. № 6. С. 22–25.

10. Меняйло Л.Н., Тищенко И.В., Меняйло Д.В. Правовой статус несовершеннолетних родителей // *право и государство: теория и практика*. 2023. № 11 (227). С. 371–374.

11. Семенова С.Ю., Сухова А.В. Проблемы реализации родительских прав несовершеннолетними родителями // *Парадигмы управления, экономики и права*. 2023. № 1 (7). С. 73–80.

12. Тарусина Н.Н. Бабушки и дедушки как субъекты семейного права // *Семейное и жилищное право*. 2017. № 2. С. 19–21.

13. Швец А.В., Чубукина А.Е. Правовое положение несовершеннолетних родителей // *Семейное и жилищное право*. 2022. № 5. С. 21–23.

Об авторе:

ГРИНЕВА Анна Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94), SPIN-код: 2936-2603, e-mail: annagrין@gambler.ru

FEATURES OF THE LEGAL RELATIONSHIP REGARDING THE UPBRINGING AND MAINTENANCE OF CHILDREN OF MINOR PARENTS

A.V. Grineva

Southwest State University, Kursk

The article presents and justifies a new understanding of the essence of the legal relationship for the upbringing and maintenance of children of minor parents for the theory of family law. The author, by examining this legal relationship, proves that this type of family legal relationship cannot be classified as a type of parental legal relationship. As proof of this idea, the author shows the features of the subject composition, content and form of the legal relationship for the upbringing and maintenance of children of minor parents, as well as legal facts determining its emergence, change or termination.

Keywords: *parental legal relationship, minor parents, children of minor parents, legal guardian of a child of minor parents, rights and duties of minor parents.*

About author:

GRINEVA Anna – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Southwest State University (305040, Kursk region, Kursk, st. 50 years of October, 94), SPIN-code: 2936-2603, e-mail: annagrין@rambler.ru

Гринева А.В. Особенности правоотношения по воспитанию и содержанию детей несовершеннолетних родителей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 80–88.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕЗУМПЦИИ ОБЩНОСТИ ДОЛГОВ СУПРУГОВ ПРИ РАЗДЕЛЕ ИМУЩЕСТВА

Л.А. Емелина¹, С.А. Яворский²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва

² Компания ООО «БизнесИнТел», г. Москва

Авторы исследуют проблему раздела долговых обязательств при разводе супругов. Существующий подход судов неоднозначен: с одной стороны, законодатель считает долги суверенными, с другой – по долгам может наступить солидарная ответственность, однако в последнем случае супруг-должник должен доказать, что заемные средства потрачены на нужды семьи. Спорным вопросом остается и солидарная ответственность добросовестного супруга по обязательствам супруга-должника при банкротстве. Изучая материалы отечественной правоприменительной практики, авторы усматривают в работе судов прокредиторскую позицию в разрешении данных споров, что противоречит принципам Конституции РФ и процессуального права. Научная новизна исследования состоит в том, что при защите своей позиции добросовестный супруг в суде может опереться на отсутствие формализованных документов при доказывании семейных трат. Авторы делают вывод, что презумпция общности долгов входит в противоречие с презумпцией общности расходов семьи, и рекомендуют законодателю ввести обязательное письменное согласие добросовестного супруга как поручителя, что, по их мнению, нивелирует порочные презумпции общности долгов и согласия второго супруга на возникновение кредитного обязательства.

Ключевые слова: раздел имущества, презумпция общности долгов, презумпция общности затрат семьи, супруг-заемщик.

Как справедливо отметил Президент В.В. Путин, необходимо защищать интересы семьи [1], тем не менее институт общих долговых обязательств супругов не имеет правового регулирования. Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) и Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) регламентируют спорные вопросы вокруг совместно нажитого имущества супругов, которое может формироваться только в законном браке [15, с. 28]. Более всего распространен законный режим имущества супругов, при котором каждый из супругов имеет $\frac{1}{2}$ от совместно нажитого имущества [14, с. 8]. Но если имущество признается по закону совместным, согласно ст. 34 СК РФ и п. 1 ст. 256 ГК РФ, может возникнуть вопрос, будут ли личные долги каждого из супругов общими? Рассмотрим, как же работает на практике известная презумпция общих долгов супругов.

© Емелина Л.А.,
Яворский С.А., 2024

Разделить совместно нажитое имущество несложно, а вот разделить долговые обязательства – достаточно серьезная задача как для судов, так и для обоих супругов. Не стоит забывать и тот факт, что суды прямо указывают на обязательный раздел общих обязательств супругов [4, 6].

В частности, суды могут признать долг одного из супругов как суверенным [7, 8], так и подлежащим разделу между обоими супругами [9, 10]. Законодатель считает, что на основании п. 1 ст. 45 СК РФ ответственность по долгу принадлежит тому супругу, который брал кредит. Однако, с другой стороны, согласно п. 2 ст. 45 СК РФ, ответственность по кредиту может действительно стать солидарной для супругов, если, конечно, супруг-должник докажет, что заемные средства были использованы для семейных нужд.

Кредитор в таком случае будет использовать норму ст. 321 ГК РФ для расширения круга ответственных лиц по выданному займу. Доказывать общую ответственность супругов перед кредитором должен тот супруг, на имя которого был взят кредит, или супруг, настаивающий на распределении долга. Как правило, добросовестный супруг освобожден от подобных обязательств доказывания [5], хотя некоторые ученые считают, что доказательством должен заниматься супруг, возражающий против признания такого долга общим [22, с. 58].

Общие долги супругов могут быть включены в общую конкурсную массу при банкротстве любого из них. Эти долги могут быть погашены как за счет личного имущества супруга-должника, так и за счет добросовестного супруга, в том числе и бывшего [16, с. 93]. Поэтому признание долга общим позволяет кредитору на основании п. 2 ст. 45 СК РФ взыскивать недостающую часть долга с личного имущества добросовестного супруга согласно п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве, даже если супруги развелись.

Важным остается момент появления долга, который может находиться в период уже закончившихся брачных отношений. Кроме того, банкротство одного супруга не освобождает второго супруга от солидарной ответственности согласно ст. 323 ГК РФ. Права требования кредитора будут сохранены до полного погашения данного обязательства.

Как показывает судебная практика, вопрос взыскания кредиторами долгов с добросовестного супруга стоит очень остро и тесно связан с наличием доказательств использования заемных средств для нужд семьи. Жалобы граждан относительно несоответствия спорной нормы п. 2 ст. 45 СК РФ самой Конституции не были рассмотрены самим Конституционным Судом РФ по формальным причинам. Можно сделать вывод, что это обстоятельство вызовет пересмотр всех судебных дел по иску заявителей, а оспариваемая норма п. 2 ст. 45 СК РФ не будет произвольно применена [2, 3].

Исключение добросовестного супруга из солидарной ответственности по долгу супруга-должника может быть следствием незнания кредитора матримониального статуса заемщика, учитывая, что денежные средства будут потрачены на нужды семьи.

Однако кредитор, на основании п. 3 ст. 213.28 Закона о банкротстве, может восстановить право такого требования и свою добросовестность [21, с. 125], и тогда неосвобождение второго супруга от обязательств будет отменено.

Чтобы признать солидарность в ответственности добросовестного супруга перед кредитором, последнему необходимо доказать (ст. 56 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ)), что заемные средства использовались на нужды семьи (п. 2 ст. 45 СК РФ). Однако предоставить такие доказательства могут только сами супруги, в чем у них нет никакой заинтересованности, т. к. добросовестный супруг возражает против признания долга супруга-заемщика общим. Это является перераспределением бремени доказывания в интересах слабой стороны, т. к. добросовестный супруг эти заемные деньги не тратил, и такое обязательство по доказыванию не может быть справедливым.

Следующей слабой стороной кредитора является то, что, не смотря на право истребования доказательств (ст. 57 ГПК РФ, ст. 66 АПК РФ), кредитор не знает, какие именно документы необходимо запросить для доказывания трат заемных средств на семейные нужды. Отсутствие формализации в этом вопросе, по нашему мнению, создает сильную позицию защиты добросовестного супруга в суде: супругу-должнику будет сложно доказать, что именно являлось семейной тратой и как именно связаны эти расходы с кредитными средствами.

Должен ли добросовестный супруг нести на себе риски своего супруга? Этот вопрос остается на повестке и в теории так называемого «наименьшего зла»: должен ли тогда супруг-заемщик доказывать, что трата заемных средств носила исключительно личный характер, защищая тем самым второго супруга от солидарной ответственности? Здесь появляется первое противоречие с презумпцией общности расходов семьи, поэтому кредитору можно только посоветовать не заключать кредитный договор без поручительства второго супруга. Этот момент может быть и рекомендацией законодателю внести дополнение об обязательном участии второго супруга при подписании кредитного договора в роли поручителя. Только в этом случае и должна возникать солидарная ответственность супругов по долгам перед кредитором, что ломает устоявшийся порочный стереотип презумпций общности долгов, основанной на презумпции молчаливого одобрения и согласия добросовестного супруга при создании кредитного обязательства супруга-должника.

Как показывают исследования [19, с. 85], в отечественной правоприменительной практике действительно существует презумпция общности имущества, например, в случае, когда кредитные средства тратились супругом-заемщиком на семейные нужды. Однако не исключением являются некоторые примеры, когда суды признают, например, покупку автомобиля одним из супругов на заемные средства семейной тратой [12]. Нужно отметить, что спорный автомобиль использовался только одним супругом и был им продан, а денежные средства после развода бывшей супруге в размере $\frac{1}{2}$ от его стоимости им переданы не были.

Суды чаще выносят прокредиторские решения, нарушая положения п. 2 ст. 45 СК РФ без необходимых доказательств, что противоречит принципам Конституции РФ и процессуального права.

В соответствии с позицией Конституционного Суда в части запрета на произвольное применение нормы п. 2 ст. 45 СК РФ, судами также не принимается во внимание эта норма при решении соответствующих дел. Суды требуют от одних истцов предоставления доказательств использования заемных средств на нужды семьи и отказывают им, а другим могут удовлетворить подобный иск, игнорируя требование нормы п. 2 ст. 45 СК РФ. Такая судебная практика является неудовлетворительной [17, с. 38], т. к. согласно п. 1 ст. 56 ГПК РФ и п. 3 ст. 308 ГК РФ именно заемщик должен доказывать, что кредитные средства были использованы на семейные нужды, поэтому долг и является общим. Однако суд может не предложить заемщику перейти к реализации данных норм права и считает, раз кредит получен в период брака, то презюмируется его использование на семейные нужды [11].

По нашему мнению, такое положение дел основано на том, что добросовестный супруг, согласно существующей парадигме в отечественной судебной практике презумпции общности долгов супругов, не оспаривал кредитный договор супруга-заемщика, возникший в период брака. Кроме того, добросовестный супруг не доказал и обратное, что денежные средства были потрачены не на нужды семьи.

Данный подход противоречит основам Семейного кодекса, который не презюмирует общность долгов [20, с. 134]. Тем не менее некоторые ученые имеют противоположную точку зрения, считая, что пассивы есть источники формирования активов, определяющие общность совместных обязательств супругов [13, с. 9].

На наш взгляд, требует корректировки законодателем и сложившаяся презумпция согласия одного супруга на распоряжение совместно нажитым имуществом по общему правилу ст. 253 ГК РФ и ст. 35 СК РФ, которые, в свою очередь, дискриминируют данного супруга в обязательственных правоотношениях. Согласие добросовестного супруга в кредитном договоре не означает, что полученные супругом-

заемщиком денежные средства пойдут на семейные нужды, а не на личный автомобиль, который будет продан, как в описанном выше примере.

Не защищено и личное имущество добросовестного супруга, который не брал кредит. Создается правовая асимметрия: один супруг берет кредит для развития бизнеса, прибыль от которого поступает в общество, и может затем эти средства вывести из компании. А вот второй супруг, не участвующий де-юре в обязательстве, разделяет с супругом-должником ответственность по взятому кредиту.

Таким образом, нарушается принцип справедливости, а супруг-заемщик еще и злоупотребляет правом. В итоге порождается правоприменительная практика, позволяющая отступать от конструкции нормы п. 2 ст. 45 СК РФ, не дающая определить, какие семейные обязательства становятся общими, а какие – личными обязанностями определенного супруга. Кроме того, презумпция общности долгов оказывает негативное влияние на личные отношения супругов и тем самым входит в конфликт с морально-этическими нормами. Необходимо заметить, что указанная презумпция общности долгов противоречит и основам действующего семейного законодательства, о чем сегодня говорят отечественные ученые [18, с. 122].

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 17.05.2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3696.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2018 г. № 69-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барышева Евгения Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 324 и 812 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьями 39 и 45 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 г. № 1405-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Минибаевой Светланы Борисовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и абзацем первым пункта 2 статьи 45 Семейного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант».
4. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.04.2016 г. № 19-КГ16-7 // СПС «Гарант».
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 11, № 12.
6. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.12.2016 г. № 78-КГ16-54 // СПС «Гарант».
7. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.12.2019 г. № 33-КГ19-8 // СПС «Гарант».

8. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.08.2021 г. № 5-КГ21-91-К2 // СПС «Гарант».
9. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.02.2022 г. № 5-КГ21-156-К2 // СПС «Гарант».
10. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 04.07.2023 г. № 41-КГ23-27-К4 // СПС «Гарант».
11. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 13.05.2014 г. по делу № 33-5891/2014 // СПС «Гарант».
12. Решение Железнодорожного районного суда г. Читы Забайкальского края от 03.11.2016 г. по делу № 2-1370/2016 // СПС «Гарант».
13. Белецкая О.С. Ответственность супругов по обязательствам (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.
14. Емелина Л.А. Вопросы применения брачного договора в отношении бизнеса одного из супругов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 2. С. 6–21.
15. Ивахненко С.Н. Актуальные проблемы определения состава общей совместной собственности супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 28–31.
16. Ломакина П.А. Общие обязательства супругов в деле о банкротстве одного из них // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 5. С. 90–119.
17. Ломакина П.А. Добровольный раздел общих долгов супругов по российскому праву // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15, № 4. С. 36–53.
18. Мазовка Е.Н. Морально-этические аспекты долговых правоотношений супругов / Е.Н. Мазовка, В.И. Смирнов, Т.К. Кириллова // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3 (65). С. 117–127.
19. Мазовка Е.Н. Признание долговых обязательств общими обязательствами супругов: анализ судебной практики // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 12 (121). С. 82–89.
20. Моисеева Т.М. Совместная собственность супругов и (или) общее имущество супругов: анализ современного семейного и гражданского права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 131–136.
21. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. Научный журнал. М.: ООО «Издат. дом В. Ема», 2006. Т. 6, № 1. С. 124–181.
22. Олевинский Э.Ю. Правовое регулирование несостоятельности граждан – коротко о важном // Закон. 2015. № 12. С. 53–62.

Об авторах:

ЕМЕЛИНА Людмила Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (1175571, Москва, проспект Вернадского, 82), SPIN-код: 4545-3214, AuthorID: 451805, e-mail: urconsul1@yandex.ru

ЯВОРСКИЙ Сергей Анатольевич – юрист компании ООО «БизнесИнТел» (108808, г. Москва, вн.тер.г. поселение Первомайское, п. Первомайское,

NEGATIVE CONSEQUENCES OF THE PRESUMPTION OF COMMONALITY OF DEBTS OF SPOUSES IN THE DIVISION OF PROPERTY

L.A. Emelina¹, S.A. Yavorskiy²

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow

² LLC «BusinessInTel», Moscow

The authors investigate the problem of debt division at divorce of spouses. The existing approach of the courts is not unambiguous: on the one hand, the legislator considers debts sovereign, on the other hand, joint and several liability may arise for debts, but in the latter case the debtor spouse must prove that the borrowed funds were spent on the needs of the family. The joint and several liability of a bona fide spouse for the obligations of the debtor spouse in bankruptcy remains a controversial issue. Studying the materials of domestic law enforcement practice, the authors see in the work of courts a pro-creditor position in the resolution of these disputes, which contradicts the principles of the Constitution of the Russian Federation and procedural law. Scientific novelty of the research consists in the fact that in defending its position a bona fide spouse in court can determine the absence of formalized documents in proving family expenses. The authors also managed to conclude that the presumption of community of debts is in conflict with the presumption of community of family expenses and recommend the legislator to introduce a mandatory written consent of a bona fide spouse as guarantor, which, in their opinion, will level the vicious presumptions of community of debts and consent of the second spouse to the emergence of a credit obligation.

Keywords: *division of property, presumption of community of debts, presumption of community of family expenses, borrowing spouse.*

About authors:

EMELINA Liudmila – PhD in Law, Associate Professor Department of Legal Support Market Economics Institute public service and management RANEPА under the President of the Russian Federation (1175571, Moscow, Vernadsky Avenue, 82), SPIN-code: 4545-3214, AuthorID: 451805, e-mail: urconsul1@yandex.ru

YAVORSKY Sergey – lawyer, «BusinessInTel» LLC (108808, Moscow, Pervomayskoye settlement, 24, Tsentralnaya str.), SPIN-code: 1205-5526, AuthorID: 1246219, e-mail: 491899@mail.ru

Емелина Л.А., Яворский С.А. Негативные последствия презумпции общности долгов супругов при разделе имущества // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 89–95.

Статья поступила в редакцию 11.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА КАК ГЛАВНОЙ СЕМЕЙНОЙ ЦЕННОСТИ

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Рассматриваются особенности защиты прав и законных интересов ребенка как главной семейной ценности. Сегодня, когда конституционно закреплён приоритет семейного воспитания, следует исходить из того, что именно государство должно определять традиционные духовно-нравственные ценности, на которые необходимо ориентироваться при воспитании детей в семье. Поскольку любой спор между родителями всегда затрагивает интересы детей, обосновывается положение о том, что интересы ребенка не должны оставаться в стороне и иметь лишь формальное значение. Напротив, необходимо исходить, прежде всего, из интересов ребенка. В статье проанализирована практика учета интересов ребенка при рассмотрении дел о лишении родительских прав, в случае отказа от оказания медицинской помощи ребенку, при осуществлении контроля за реализацией права несовершеннолетнего на информацию.

Ключевые слова: защита прав, интересы ребенка, семейные ценности.

Под традиционными ценностями следует понимать нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [3].

Важно, что крепкая семья относится к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, защита которых, среди прочего, обеспечивается укреплением института семьи, сохранением традиционных семейных ценностей. Семья, дети, семейное воспитание, солидарность поколений являются ценностями для всех традиций и культур нашей страны [9, с. 68–75]. Семья дает основы становления личности, добросовестности, разумности, достоверности, честности, ответственности друг за друга, перед обществом и государством. Семья

открывает каждому ее члену дорогу в жизнь, выступает связующим звеном ее членов с обществом и государством. Семья создает необходимые условия для благополучного воспитания, развития и жизнедеятельности человека в целом, она связывает каждого ее члена с другими людьми, обществом и государством [4, с. 6–8]. Поэтому положения о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а воспитание детей – равное право и обязанность родителей (ст. 38 Конституции РФ) [1], определяют необходимость сочетания при воспитании ребенка сложившихся семейных ценностей, ориентируясь на утвержденные государством духовно-нравственные ценности.

В связи с тем, что предметом основной заботы родителей является обеспечение интересов ребенка (ст. 65 Семейного кодекса РФ – далее СК РФ) [2], важно понимать, что вкладывается в понятие «интересы ребенка». Несмотря на то, что в юридической литературе этот вопрос является предметом дискуссии уже давно и представлены различные точки зрения на содержание интересов ребенка [5, с. 44–49; 6; 13, с. 332–363; 14, с. 27], до сих пор не только отсутствует законодательное закрепление определения «интересы ребенка», но и нет критериев установления соответствия интересов родителей интересам детей. Необходимо отметить, что в настоящее время в Государственной Думе ФС РФ на рассмотрении находится законопроект, который разработан в целях единообразного понимания категории «интересы ребенка», включающий в себя понятия «наилучшие интересы ребенка» (ст. 3 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г.) и «законные интересы ребенка», «охраняемый законом интерес» в федеральном законодательстве РФ [23].

Представляется, что при определении интересов ребенка необходимо исходить из тех обязанностей, которые закреплены по отношению к родителям. Ведь родители не только несут ответственность за воспитание и развитие своих детей, но и обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей; обеспечить получение детьми общего образования (ст. 63 СК РФ), защищать их права и интересы (ст. 64 СК РФ) и т.д. С одной стороны, интересы ребенка – это его собственные представления, желания, которые он хотел бы реализовать (например, посещать какие-то определенные спортивные секции или творческие кружки и т. д.). С другой стороны, в связи с тем, что именно родители несут ответственность за воспитание своего ребенка, они влияют на выбор и формирование его интересов, создают условия для его всестороннего развития, исходя из собственных представлений о ценностях. Безусловно, содержание интересов детей может постоянно меняться. Интересы ребенка зависят и от возраста, состояния его физического, психического, духовного и нравственного развития. В силу присущих

объективных и субъективных особенностей ребенок не всегда может осознавать свои интересы [8]. Поэтому важно, каким образом на формирование интересов ребенка влияют его законные представители, их нравственные и иные личные качества; отношения, существующие между родителями и каждым из родителей со своим ребенком, возможности создания ребенку условий для его развития. Ведь любой спор между родителями затрагивает интересы детей: при разводе, разделе совместно нажитого имущества, банкротстве законных представителей и т. д. Сложно представить, какие у ребенка будут сформированы семейные ценности, если родители не могут договориться о его месте жительства или определить порядок общения, а для разрешения своих разногласий обращаются в суд. В этих случаях интересы ребенка точно остаются в стороне, имея лишь формальное значение, фактически же превалируют интересы законных представителей.

В связи с этим трудно согласиться с предложением П.А. Якушева о том, что «в целях обеспечения единства и стабильности судебной практики п. 3 ст. 65 СК РФ целесообразно дополнить нормой, согласно которой один из родителей ребенка вправе предъявить иск об определении места жительства ребенка с другим родителем, а п. 2 ст. 66 СК РФ – положением о том, что родитель, с которым проживает ребенок, вправе обратиться в суд с иском об определении порядка общения ребенка с родителем, проживающим отдельно от ребенка» [18, с. 188–193]. Представляется, что закрепление подобных предложений в семейном законодательстве – явное противоречие интересам ребенка. Более того, при обращении в суд с такими требованиями родители не только нарушают интересы ребенка, но и фактически отказываются от обязанности воспитывать своих детей и заботиться об их развитии. Ведь ребенок имеет определенную привязанность к родителю и другим членам семьи, с которыми он проживает, в месте проживания ему созданы условия для развития, он посещает образовательное учреждение, общается со сверстниками и т. д. Помещение ребенка в другую семью может отрицательно сказаться и на его психическом здоровье. Поэтому представляется недопустимым закреплять право одного родителя «перебрасывать как мячик» ребенка другому родителю. О каких семейных ценностях можно говорить в таких случаях? Наоборот, обращение с подобными требованиями в суд необходимо рассматривать как отрицание семейных ценностей, поскольку для каждого родителя ребенок должен быть самым ценным, что у него есть.

Безусловно, споры о детях, связанные с их семейным воспитанием, с определением порядка общения с ребенком, относятся к числу наиболее сложных. Стороны такого спора, как правило, находятся в постоянном противостоянии, которое, безусловно, отражается и на ребенке. В этой связи очень важен учет его интересов не только при рассмотрении дела

по существу и вынесении судебного решения, но и в ходе его непосредственного исполнения. Поскольку большинство решений судов об определении порядка общения с детьми выносятся тогда, когда один из родителей запрещает другому такое общение или оба родителя запрещают другим родственникам (например, бабушкам и дедушкам) общаться с детьми [17, с. 68–79].

Именно интересами ребенка необходимо руководствоваться и при рассмотрении дел о лишении родительских прав. К сожалению, в судебной практике получили распространение случаи, когда один из родителей обращается в суд с требованием о лишении другого родительских прав. Так, например, А. (мать ребенка) обратилась в суд с иском к К. (отец ребенка) о лишении родительских прав в интересах несовершеннолетнего. Отец ребенка обратился в суд со встречным иском к А. об устранении препятствий в воспитании и общении с ребенком, определении порядка общения с ребенком. В своих возражениях К. пояснил, что от уплаты алиментов никогда не уклонялся, всегда помогал детям материально, на учете в наркологическом диспансере не состоял, родительскими правами никогда не злоупотреблял, жестокого обращения с детьми не допускал. Нечасто общался с детьми в связи с тем, что неоднократно получал от истицы отказы взять детей к себе домой. В последующем ответчик признал иск, утверждая, что хотел бы осуществлять родительские права в отношении детей, но из-за того, что истица обещала ему не взыскивать алименты, забрать от судебных приставов исполнительный лист, а также не препятствовать навещать детей по его усмотрению, он вынужден согласиться на лишение его родительских прав. Суд, принимая во внимание, что лишение родительских прав является крайней мерой ответственности, которая применяется только в ситуации, когда защитить права и интересы детей другим путем невозможно, пришел к выводу о нецелесообразности лишения ответчика родительских прав в отношении его несовершеннолетних детей, и не принял признания иска ответчиком [22]. С одной стороны, суд рассмотрел дело исходя из интересов детей, не допустил того, чтобы прерывались семейные связи между ребенком и его родителями. Но, с другой стороны, суд не дал оценку доводам К. о том, что он готов признать иск и отказаться от своих родительских прав ради того, чтобы не выполнять своих родительских обязанностей по содержанию ребенка. Суду необходимо было разъяснить ответчику положение ст. 71 СК РФ о том, что в случае вынесения решения о лишении родительских прав, он не лишился бы обязанности содержать своего ребенка материально.

Можно привести и противоположный пример из судебной практики, который подтверждает положение о том, что, если в течение жизни ребенка один из родителей не несет ответственности за воспитание и развитие своего ребенка, не заботится о его здоровье, физическом,

психическом, духовном и нравственном развитии, он фактически может быть лишен родительских прав даже после смерти своего ребенка. Так, Н.О. обратилась в суд с иском к Н.А. о лишении права на меры социальной поддержки как родителя при гибели военнослужащего. Н.О. (мать военнослужащего) считала, что Н.А. (отец) должен быть лишен права на получение страховой суммы, единовременного пособия и единовременной выплаты, поскольку при жизни сына его отец от исполнения обязанностей родителя уклонялся, с ребенком практически не общался, не занимался его воспитанием, материально не содержал, судьбой сына не интересовался, не предпринимал каких-либо мер для создания сыну условий жизни, необходимых для его физического, духовного и нравственного развития. Короткое общение через социальные сети имело место по инициативе ребенка. Сам ответчик попыток для дальнейшего общения не предпринимал. До достижения ребенком совершеннолетия Н.О. обращалась в суд с заявлением о взыскании алиментов. Судебным приказом мирового судьи с Н.А. в ее пользу были взысканы алименты на содержание ребенка ежемесячно в размере 1/4 части со всех видов заработка и иных видов доходов. На основании судебного приказа Н.А. выплачивал истцу алименты на содержание сына в размере 600 руб. в месяц, в дальнейшем – 1 200 руб. в месяц, иной помощи сыну ответчик не оказывал. Верховный Суд РФ отменил судебные акты нижестоящих судов и направил дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, поскольку страховая сумма, единовременная выплата и единовременное пособие в связи с гибелью военного выплачиваются с целью не только возполнить членам его семьи нравственные и материальные потери, но и выразить им от имени государства признательность за развитие, содержание и воспитание военнослужащего, а также отметил, что отец военнослужащего может быть лишен такого права при наличии обстоятельств, которые служат основаниями к лишению родительских прав, поскольку от исполнения обязанностей родителя уклонялся, с ребенком не общался, не содержал его, алименты выплачивал в незначительном размере. Фактические семейные связи между ними были утрачены. Истица одна вырастила и воспитала сына [21].

К сожалению, в практике встречаются случаи, когда родители не исполняют свои обязанности и не заботятся о здоровье своего ребенка, а, наоборот, препятствуют оказанию медицинской помощи или отказываются от нее. Законодательно закреплено право одного из родителей отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения (ч. 3 ст. 20 ФЗ «Об основах здоровья граждан»). При отказе от медицинского вмешательства родителям в доступной форме должны быть разъяснены возможные последствия такого отказа. Конечно, у нас нет родительской власти, как это закреплялось когда-то законодательно [16, с. 31–41], но фактически это в определенной степени

существует. Не всегда в соответствии с мнением ребенка его отдают в школу с определенным уклоном, водят в кружки, секции, определяют режим дня и т. д., но особо это относится к вопросам здоровья. Ведь только родители решают, обращаться ли вообще за медицинской помощью [7, с. 57–60]. Стремясь защитить своего ребенка от возможных ошибочных, по их мнению, агрессивных процедур они выдвигают собственные, далеко не всегда правомерные и адекватные требования, не задумываясь об их последствиях. Часть 2 ст. 20 «Об основах охраны здоровья граждан» закрепляет положение о том, что информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство в отношении несовершеннолетнего дает один из родителей или иной законный представитель. Вместе с тем, ст. 61 СК РФ устанавливает положение о том, что родители имеют равные права и несут равные обязанности. Это означает, что как мать, так и отец ребенка, могут дать согласие или отказаться от медицинского вмешательства, поскольку все вопросы, касающиеся воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию, исходя из интересов детей и с учетом мнения детей. Родители (один из них) при наличии разногласий между ними вправе обратиться за разрешением этих разногласий в орган опеки и попечительства или в суд (ч. 2 ст. 65 СК РФ). Представляется, что это правило семейного законодательства может применяться для иных случаев, а не когда речь идет об угрозе жизни и здоровью ребенка. Пока родители будут согласовывать свою позицию, обращаться за разрешением разногласий в орган опеки и попечительства или в суд, может быть поздно. Поэтому при оказании медицинской помощи несовершеннолетнему врач вправе получить согласие на медицинское вмешательство от любого из родителей, взаимного согласия родителей не требуется. При отказе законных представителей от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни ребенка, медицинская организация должна обратиться в суд в порядке, предусмотренном гл. 31.1 КАС РФ [15, с. 202–231].

Вероятно, необходимо говорить и об особой ответственности родителей при выборе способов воспитания детей, за их действия в информационной сфере. Представляется, что угроза воспитанию и формированию личности ребенка, если родитель, например, нарушает возрастные критерии распространения информации в отношении своих детей, будет не менее опасной, чем личный пример родителей, которые больны хроническим алкоголизмом или наркоманией, что является основанием для лишения родительских прав. Безусловно, семья не в состоянии обеспечить полную информационную безопасность, она может направлять интересы ребенка, но самое главное, чтобы ребенок был защищен от негативного влияния и возможности получения этой информации. Какие бы ограничения и запреты по распространению информации не были государством законодательно установлены, именно

семья создает условия для воспитания и развития ребенка. С учетом того, что сегодня мы живем в информационном обществе, это должно быть отражено и в семейном законодательстве в отношении прав и обязанностей родителей по воспитанию детей. Нужно изменить отношение к осуществлению родительских прав в информационной сфере [11, с. 22–26]. В частности, самым распространенным в судебной практике основанием для лишения родительских прав является уклонение от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов (ст. 69 СК РФ). Представляется, что на современном этапе нельзя ограничиваться только имущественными обязательствами родителей. Необходимо дополнительно разъяснить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ положение об уклонении от выполнения обязанностей родителей по воспитанию детей, предусмотренное ст. 63 СК РФ. В настоящее время в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ [19] закреплено только то, что уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их здоровье, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обучении [10, с. 126–127].

Трудно говорить о построении семейных отношений на взаимопонимании, взаимоуважении родителей и детей, заботе друг о друге, если в суде начинают спорить между собой дети и их родители. Можно с уверенностью утверждать, что, не смотря на то, в чью пользу будет вынесено окончательное судебное решение, вряд ли в будущем будут сохранены семейные отношения между близкими людьми. Можно привести пример из судебной практики, в котором к моменту достижения 18 лет дети решили сами взыскать оставшийся долг по алиментам и попросили суд о замене взыскателя в исполнительном производстве. В обосновании своих требований они указали, что взыскиваемые по исполнительному документу алименты являются собственностью ребенка, а не его законного представителя; с момента достижения совершеннолетия именно ребенок, на которого взысканы алименты, является полноправным взыскателем. Спор между детьми и их матерью рассматривался в суде в течение двух лет в трех судебных инстанциях, которые не пришли к единому мнению. Верховный Суд РФ подтвердил тот факт, что достижение совершеннолетия не влечет замену взыскателя алиментов, и отметил, что необходимым условием процессуального правопреемства должна являться замена стороны в материальном правоотношении. Однако родитель не выбывает из такого правоотношения с достижением ребенком совершеннолетия. Задолженность по алиментам не снимает с него бремя содержания ребенка, поэтому погашение долга носит компенсационный характер. Суммы, причитающиеся ребенку в качестве алиментов, пенсий, пособий, поступают в распоряжение родителей и расходуются ими на содержание,

воспитание и образование ребенка. Образовавшаяся к моменту достижения ребенком совершеннолетия или к моменту признания его дееспособным до достижения совершеннолетия задолженность по алиментам подлежит взысканию в пользу взыскателя на основании исполнительного документа. Неполучение взыскателем (получателем алиментов) средств на содержание ребенка от должника в установленном в исполнительном документе размере влечет дополнительное обременение взыскателя, так как алименты в силу закона должны уплачиваться регулярно и в полном размере. Соответственно, погашение образовавшейся задолженности по алиментам носит компенсационный характер для получателя алиментов, и право требовать образовавшуюся задолженность при достижении ребенком совершеннолетия у родителя, в чью пользу они взысканы, не утрачивается [20]. Вместе с тем в юридической литературе уже давно высказана точка зрения, прямо противоположная позиции Верховного Суда РФ, что алиментные правоотношения – это правоотношения, которые складываются между ребенком и родителем, а не между двумя родителями [12]. Ведь, как закреплено в ст. 80 СК РФ, алименты – это средства, которые предоставляются одним из родителей на содержание именно несовершеннолетних детей, а не на содержание другого родителя или каких-то иных членов семьи. Представляется, эта проблема заслуживает более глубокого исследования.

В заключение необходимо отметить, что в связи с тем, что спор между родителями всегда затрагивает интересы детей, нельзя допустить, чтобы интересы ребенка оставались в стороне и имели лишь формальное значение. Напротив, при рассмотрении любого спора необходимо исходить прежде всего из интересов ребенка как главной семейной ценности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

3. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

4. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 6–8.

5. Бондаренко О.А. «Интересы ребенка» как правовая категория // Legal Concept. 2017. № 1. С. 44–49 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 15.04.2024).

6. Дорина В.В. Наилучший интерес ребенка как материальное право // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и

юридические науки. 2022. № 12. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 15.04.2024).

7. Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Отказ родителей от медицинского вмешательства в отношении ребенка: право или преступление? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 57–60.

8. Дубровская И.А. Права ребенка. М., 2008. 176 с.

9. Елисеева А.А. Традиционные семейные ценности как объект интересов: частноправовой и публично-правовой аспекты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 68–75.

10. Жукова О.В. Значение семьи в обеспечении права детей на информацию // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2023. С. 115–127.

11. Жукова О.В. Судебный контроль за реализацией права несовершеннолетнего на информацию // Законодательство. 2024. № 1. С. 22–26.

12. Иванова С.А. Процессуальные особенности рассмотрения дел о взыскании алиментов. М., 1975. 88 с.

13. Идрышева С.К., Комиссарова Е.Г. Интерес ребенка, законный интерес ребенка и охраняемый законом интерес ребенка: теоретико-методологические подходы к исследованию // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2021. № 3. С. 332–363.

14. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. 192 с.

15. Очерки по правовым вопросам в сфере медицины: монография / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2023. 360 с.

16. Ульянова М.В. Право ребенка выражать свое мнение: содержание, порядок и пределы осуществления // Lex Russica. 2022. Т. 75. № 11. С. 31–41.

17. Федина А.С. Исполнимость судебных актов об определении порядка общения с ребенком // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2017. № 4. С. 68–79.

18. Якушев П.А. Нетипичные истцы в спорах о воспитании детей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 188–193.

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. 2017. 20 ноября.

20. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.12.2023 г. № 69-КГ23-13-К7 // СПС «Гарант».

21. Определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.01.2024 г. № 30-КГ23-9-К5 // СПС «Гарант».

22. Решение Ядринского районного суда Чувашской Республики от 29.11.2018 г. по делу № 2-Ч-249/2018 [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 07.04.2024).

23. Законопроект № 534677-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 16.04.2024).

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

PROTECTION OF THE RIGHTS AND INTERESTS OF THE CHILD AS THE MAIN FAMILY VALUE

O.V. Zhukova

Tver State University, Tver

The features of protecting the rights and legitimate interests of the child as the main family value are considered. Today, when the priority of family education is constitutionally fixed, it should be assumed that it is the state that must determine the traditional spiritual and moral values that must be guided in the family when raising children. Since any dispute between spouses always affects the interests of children, the position is justified that the interests of the child should not be left aside and have only a formal meaning. On the contrary, it is necessary to proceed, first of all, from the interests of the child. The article analyzes the practice of taking into account the interests of a child when considering cases of deprivation of parental rights, in case of refusal to provide medical care to a child, when monitoring the implementation of a minor's right to information.

Keywords: *protection of rights, interests of the child, family values.*

About author:

ZHUKOVA Olesya – PhD in Law, Associate Professor, Head at the Department of Judicial Power and Law Enforcement of the Tver State University (Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru

Жукова О.В. Защита прав и интересов ребенка как главной семейной ценности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 96–105.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРИ ПРОФИЛАКТИКЕ АНТИОБЩЕСТВЕННОГО И ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

О.В. Зайцев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва

Сложный и длительный процесс социализации личности подвержен влиянию многочисленных факторов, что требует глубокого анализа с целью выработки адекватных мер предупреждения, пресечения и коррекции антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, которые, в свою очередь, должны учитывать их права и законные интересы. Складывающаяся судебная практика показывает, что действующее законодательство не в полной мере обеспечивает решение этих задач, не вполне отражает потребности времени. В силу этого судам приходится вносить коррективы в деятельность субъектов профилактики, иногда отменяя принимаемые ими решения, обеспечивая защиту прав несовершеннолетних при профилактике антиобщественного и противоправного поведения. Все это указывает на необходимость поиска законодательных решений, обеспечивающих совершенствование профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, которые должны предусматривать ревизию используемой юридической терминологии, отражающей современные реалии, переосмысление принципов организации такой работы, ее систематизацию и наполнение качественно новым содержанием, отражающим главную идею – защиту прав и законных интересов ребенка и сохранение его семьи.

Ключевые слова: *система профилактики, антиобщественное и противоправное поведение, защита прав несовершеннолетних, Комиссия по делам несовершеннолетних и защите детей.*

Социализация личности представляет собой довольно сложный по содержанию и весьма длительный по времени процесс становления человека как члена общества. С одной стороны, есть понимание того, что его поведение должно соответствовать сложившимся ценностям и стандартам, с другой, очевидно, что достижение этой цели является результатом воздействия целого ряда факторов социальной среды, в которой оказывается ребенок на разных этапах своей жизни. В некоторых случаях значение имеют и его психофизиологические особенности. Все это требует глубокого анализа с целью выработки адекватных мер предупреждения, пресечения и коррекции антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, которые, в свою

очередь должны учитывать их права и законные интересы. В противном случае возникает риск распространения идеи изоляционизма, базирующейся на представлении о необходимости защиты общества от лиц с девиантным поведением. Между тем специалисты видят решение проблемы асоциального поведения в принятии социальных, правовых, педагогических и иных мер по предупреждению различных отклонений в поведении, профилактике и при необходимости психолого-педагогической коррекции посредством четкого, целенаправленного воспитательного воздействия, организуемого в семье, образовательном учреждении при содействии специалистов в этой области [6, с. 9–11].

Эта идея была воспринята и законодателем, о чем свидетельствует принятие Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [1], хотя используемые формулировки, как представляется, отражают слишком узкий подход к проблеме. Неслучайно в 2003 г. в него были внесены дополнения, связанные с профилактикой антиобщественного поведения, что, правда, привело к несоответствию содержания нормативного правового акта его названию. В связи с этим представляется целесообразным изложение законопроекта в новой редакции, назвав его Федеральный закон «О профилактике антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних и защите их прав». Последнее дополнительно будет подчеркивать характер осуществляемой деятельности, которая должна учитывать права и законные интересы несовершеннолетних. Соответственно, и предмет правового регулирования будет охватывать не только общественные отношения, возникающие в сфере профилактики их антиобщественного и противоправного поведения, но и защиту прав несовершеннолетних, обеспечивая их неразрывное единство.

При этом целесообразно пересмотреть используемые законодателем правовые категории и принципы с учетом сложившихся реалий, в том числе с учетом опыта имплементации Гаагских Детских конвенций [11], а также опыта других государств [8, с. 601–608]. В частности, представляется необходимым, с одной стороны, отказаться от понятия «беспризорность», которое, как показывает судебная практика, не применяется, и ввести категорию «самовольный уход» для обозначения одной из форм отклоняющегося поведения несовершеннолетнего, требующего анализа причин и условий его реализации в целях предупреждения негативного сценария развития ситуации, включая выявление склонности к бродяжничеству, а также принятия решений о дальнейшей судьбе ребенка. Так, наличие фактов самовольного ухода, установление его причин являются обязательными при оценке надлежащего исполнения родительских обязанностей [16, 25, 28].

На наш взгляд, стоит отказаться и от понятия «социально опасное положение», которое весьма неоднозначно оценивается в судебной практике. В то время как одни суды, опираясь на законодательное определение, считают, что «понятие социально опасного положения ... не является абстрактным» и «предполагает безусловное установление безнадзорности или беспризорности несовершеннолетнего, либо наличие угрожающей обстановки, либо совершение им правонарушений (антиобщественных действий)» [22], другие, напротив, полагают, что это понятие «допускает очень широкое толкование», указывая на необоснованность принимаемых уполномоченными органами решений [26]. В результате разная оценка одних и тех же жизненных обстоятельств может повлечь нарушение прав и законных интересов самого несовершеннолетнего. Периодически суды выявляют факты принятия решений о постановке семьи и самого ребенка на учет органов системы профилактики без достаточного характеризующего материала в отношении несовершеннолетнего и его родителей, без приведения фактов о ранее совершенных антиобщественных действиях [12, 13, 23], а также решений о помещении несовершеннолетнего в Центр временного содержания несовершеннолетних в отсутствие данных, свидетельствующих о необходимости обеспечения защиты жизни или сохранения здоровья несовершеннолетнего либо предупреждения совершения им повторного общественно опасного деяния [18].

Как отмечается специалистами, сложная междисциплинарная природа такого явления, как «социально опасное положение», при его весьма широком нормативном определении в современном обществе, позволяет органам профилактики поставить на учет как минимум каждую вторую семью в России (неполные семьи; семьи, в которых один или оба родителя не являются кровными; распространение практики существования «дистантных» семей и др.), что обоснованно усиливает опасения родителей относительно возможности вторжения социальных работников и специалистов органов опеки в любой момент в жизнь их семьи [10, с. 49].

Данное понятие, как представляется, необходимо заменить на широко используемую в российском законодательстве категорию «трудная жизненная ситуация» [2–4], которая, во-первых, охватывает значительно более широкий круг несовершеннолетних, что важно с точки зрения ранней профилактики антиобщественного поведения, а во-вторых, ориентирована на реализацию различных форм поддержки семьи в целом и несовершеннолетнего в частности при возникновении любых обстоятельств, которые ухудшают условия их жизнедеятельности и последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно.

Оценивая факторы, негативно влияющие на формирование антиобщественного поведения несовершеннолетних, суды обращают внимание на то, что трудная жизненная ситуация может возникнуть у

несовершеннолетнего из-за сложных взаимоотношений с лицом, совместно проживающим с ним, но не являющимся его законным представителем. Так, суд, установив, что ребенок сбегал из дома, поскольку периодически страдал от физического и морального насилия со стороны отца, определил его место жительства с отцом [14]. По другому делу, приняв во внимание отрицательную характеристику члена семьи нанимателя Ш., неоднократное привлечение его к уголовной ответственности, отбывание наказания в колонии для осужденных, пришел к выводу о том, что совместное проживание в закреплённой квартире несовершеннолетнего Л. в случае его вселения будет невозможным и противоречит его гражданским интересам [32]. Однако, несмотря на значимость подобных жизненных обстоятельств для развития ребенка, действующее законодательство такой правовой категорией в контексте защиты его прав и законных интересов не оперирует, хотя при положительном решении данного вопроса можно было бы говорить о включении в профилактическую работу лиц, совместно проживающих с несовершеннолетним и в силу этого оказывающих непосредственное влияние на его личность, закрепив обязанности такого лица по отношению к последнему, невыполнение которых при определенных обстоятельствах могло бы послужить основанием для привлечения к ответственности.

В нормативном закреплении, как представляется, нуждается и понятие «несуицидальное самоповреждающее поведение», характеризующееся нанесением себе повреждений с целью привлечения внимания, снятия напряжения или улучшения самочувствия, не поддерживаемых желанием уйти из жизни [5], что может быть как симптомом некоторых психиатрических заболеваний, так и носить самостоятельный характер. Между тем выявление масштабов этого, весьма распространенного не только в России, но и во всем мире, явления затруднено ввиду недостаточной согласованности в концептуализации этого феномена [7, с. 8, 12], которым, судя по принимаемым документам, все больше обеспокоено Министерство просвещения России.

В целом, анализ судебной практики позволяет сделать вывод о наличии ряда проблем в организации и осуществлении профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, которые требуют переосмысления основных начал осуществления подобной работы. Показательно в этом смысле решение суда, который признал неправомерным привлечение приемного родителя к ответственности, установив, что законодательно период времени, в течение которого с момента пропажи детей родители должны сообщить в полицию, не закреплён, в силу чего оценка ситуации становится результатом субъективного мнения родителя. Для должностных лиц существует внутренний алгоритм действий при выявлении случаев самовольного ухода детей из семьи, где также не указано, в течение

какого времени это должно быть сделано. Кроме того, разработанный алгоритм действий в подобной ситуации, направленный из Департамента по труду и соцзащите в Комиссию по делам несовершеннолетних и защите детей (далее – КДН), до приемных родителей не доводится, поскольку разработан для внутреннего использования всеми службами профилактики [31]. Эта ситуация, ставшая предметом судебного разбирательства, демонстрирует не только нескоординированность деятельности КДН с органами опеки и попечительства, но и игнорирование прав и законных интересов человека и гражданина при осуществлении профилактики, а также необходимости реализации индивидуального подхода к организации такой работы.

Учитывая, что подобные ситуации не единичны, представляется целесообразным пересмотреть основополагающие начала деятельности по профилактике антиобщественного и противоправного поведения. Прежде всего, необходимо законодательно закрепить принцип приоритетности прав и законных интересов человека и гражданина при осуществлении профилактики, что должно найти свое логическое воплощение в положениях, закрепляющих права и правовые механизмы защиты прав лиц, в отношении которых проводится профилактика антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних. Особое значение в контексте вышеприведенной судебной практики имеет право несовершеннолетних, родителей (законных представителей) несовершеннолетних, и лиц, совместно проживающих с последними, на возмещение вреда, причиненного при проведении в отношении них профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних.

В настоящее время этот вопрос перед судами ставится довольно редко, поскольку родители и иные категории законных представителей зачастую считают для себя удачей саму отмену постановлений о привлечении их к административной ответственности, постановке на учет и т. п. Между тем неправомерно принятое в данной сфере общественных отношений решение способно нанести существенный вред и репутации ребенка, и его родителей, повлияв на складывающиеся в ближайшем окружении взаимоотношения. Статья 9 Федерального закона от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», закрепляя гарантии его исполнения, к сожалению, ограничивается положениями об ответственности должностных лиц за невыполнение своих обязанностей, что на практике связывается исключительно с несвоевременным и ненадлежащим их выполнением [17], а также о праве органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также несовершеннолетних, их родителей или иных законных представителей обратиться в суд с иском о возмещении вреда, причиненного здоровью несовершеннолетнего, его имуществу, и

(или) морального вреда, что ассоциируется преимущественно с противоправным поведением законных представителей [21, 24, 30] и, как правило, не рассматривается как последствие вынесения решения субъектом профилактики, хотя исключения имеют место [19, 20, 27]. В силу этого все заявляемые требования базируются на общих положениях Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Принципиальной при этом является оценка обстоятельств дела. Так, суд, отказывая в удовлетворении заявленных требований, отметил, что «факт совершения ответчиком действий по реагированию в рамках правового поля на поступающую информацию о имеющих место конфликтных отношениях в семье истца в целях обеспечения прав ребенка не влечет безусловную компенсацию гражданину морального вреда, в том числе в случае принятия судом решения об отказе в удовлетворении гражданского иска, предъявленного в интересах такого ребенка» [15].

Особое значение при организации такой работы имеет принцип обеспечения в интересах несовершеннолетнего целостности семьи, а также беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, что в сочетании с принципом реализации индивидуального подхода к организации профилактической работы должно обеспечить ее качественно иной уровень, отвечающий истинным интересам ребенка. Отсутствие их законодательного закрепления не позволяет в полной мере формировать нравственно-целевые установки субъектов профилактики, что приводит к ошибкам в принятии значимых для несовершеннолетнего и его семьи решений. Так, суд, удовлетворяя требования о признании незаконными действий и решений по изъятию ребенка из семьи, отметил, что понятие «жестокое обращение» допускает широкое толкование и требует в каждом конкретном случае тщательной проверки. В данном случае, вопреки доводам ответчиков и соответчиков, оно не являлось законным поводом для отобрания ребенка, а только поводом для индивидуально-профилактической работы с его отцом, который ударил сына за то, что тот плакал, потому что не хотел идти в детский сад, начал кричать и мог разбудить младших детей, которые болели и всю ночь не спали [29].

Значимым для организации профилактики антиобщественного поведения несовершеннолетних является реализация принципа системности и единства подходов при ее осуществлении и защите прав несовершеннолетних. Деятельность значительного числа вовлеченных в этот процесс субъектов, отличающихся по своему статусу и объему реализуемых полномочий общего и специального характера, объективно требует координации в целях обеспечения их согласованного функционирования и взаимодействия в соответствии с действующим законодательством. С этой точки зрения заслуживает внимания идея о создании аппаратов комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, выведение этих аппаратов на уровень субъектов Федерации, а

также предоставлении права высшим должностным лицам субъектов Федерации формировать такие комиссии. Предполагается, что результатом подобного нововведения станут централизация обеспечения их деятельности и, как следствие, решение широкого спектра организационных, финансовых, информационно-коммуникационных, материально-технических проблем, упорядочение, повышение эффективности профилактической работы.

В целом можно констатировать наличие объективной необходимости выстраивания четкой системы профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, которая должна включать общую, индивидуальную и специальную профилактическую работу, осуществляемую на основе межведомственного взаимодействия. Первая должна быть ориентирована на раннее выявление и предупреждение антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, нарушения их прав, а также способствующих этому причин и условий и реализовываться как в отношении несовершеннолетнего, так и его родителей или иных законных представителей, а также лиц, совместно проживающих с ним. В свою очередь, индивидуальная профилактика должна быть направлена на выявление и пресечение уже проявившегося антиобщественного и противоправного поведения, нарушения прав несовершеннолетних, устранения причин и условий, способствующих этому, предупреждения повторного совершения ими антиобщественных действий и правонарушений. Здесь особое значение имеет организация межведомственного взаимодействия субъектов профилактики, реализующих свои полномочия в отношении несовершеннолетнего, его родителей или иных законных представителей, а также лиц, совместно проживающих с несовершеннолетними. Необходимость выделения в системе профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних специальной профилактической работы обусловлено спецификой реализуемых социальных, правовых, педагогических и иных мер, предопределенных существенной деформацией личности несовершеннолетних, совершивших правонарушения, подпадающие под признаки преступления, в том числе, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы в условиях изоляции от общества, а также случаи их задержания [9].

Таким образом, складывающаяся судебная практика, в которой все более отчетливо прослеживаются тенденции к защите прав несовершеннолетних при профилактике антиобщественного и противоправного поведения, подталкивает к поиску законодательных решений, обеспечивающих совершенствование профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних, которые должны предусматривать ревизию используемой юридической терминологии, отражающей современные реалии, переосмысление

принципов организации такой работы, ее систематизацию и наполнение качественно новым содержанием, отражающим главную идею – защиты прав и законных интересов ребенка и сохранение его семьи.

Список литературы

1. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022 г.) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5880.
3. Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 24.07.2023 г.) «О государственной социальной помощи» // СЗ РФ. 1999. № 29. Ст. 3699.
4. Письмо Минобрнауки России от 18.01.2016 г. № 07-149 «О направлении методических рекомендаций по профилактике суицида» // Вестник образования. 2016. № 5.
5. Амосова О.С. Асоциальное поведение молодежи: факторы, причины, методы профилактики и коррекции // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 9. С. 9–11.
6. Дарьин Е.В. Несуицидальное самоповреждающее поведение у подростков // Медицинский вестник Юга России. 2019. Т. 10. № 4. С. 6–14.
7. Дородонова Н.В., Евстифеева Е.В., Ильгова Е.В. Предупреждение преступности несовершеннолетних: опыт США и Новой Зеландии // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 601–608.
8. Ильгова Е.В., Соколов А.Ю. О некоторых проблемах применения административного задержания к несовершеннолетним лицам // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 2 (27). С. 71–75.
9. Никитина Н.А. Ситуация социально опасного положения как совокупность обстоятельств, порождающих профилактические правоотношения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 1(51). С. 48–54.
10. Zaitsev O.V., Zaitsev V.V. The russian implementation of the Hague children conventions // В сборнике: Yearbook of Private International Law. Romano, 2018. С. 421–449.
11. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.11.2023 г. № 88а-27368/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2023 г. № 88А-19042/2023 по делу № 2а-4250/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02.11.2023 г. по делу № 88-28638/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 05.09.2023 г. по делу № 88-20893/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 17.10.2023 г. ипо делу № 22-3776/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Апелляционный приговор Амурского областного суда от 05.09.2023 г. по делу № 22-1572/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

17. Решение Таврического районного суда Омской области № 2А-345/2020 2А-345/2020~М-293/2020 М-293/2020 от 27.05.2020 г. по делу № 2А-345/2020 [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru/regular/doc/AhfQhy7SkwdT/ (дата обращения: 12.01.2024)

18. Решение Котласского городского суда Архангельской области от 03.07.2018 г. по делу № 2-1462/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Решение Ленинского районного суда города Уфы от 28.02.2014 г. по делу № 2-94/2014(2-4403/2013;)-М-4043/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Решение Ухтинского городского суда Республики Коми от 16.05.2014 г. по делу № 2-1758/2014~М-3888/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Решение Карагинского районного суда Камчатского края № 2А-11/2017 2А-11/2017(2А-146/2016;)-М-155/2016 2А-146/2016 М-155/2016 от 25.01.2017 г. по делу № 2А-11/2017 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/8vAXrxsK9LLI/](http://sudact.ru/regular/doc/8vAXrxsK9LLI/) (дата обращения: 12.01.2024)

22. Решение Читинского районного суда № 2А-873/2019 2А-873/2019~М-702/2019 М-702/2019 от 19.07.2019 г. по делу № 2А-873/2019 [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru/regular/doc/kO67i6DJQhJ1/ (дата обращения: 12.01.2024)

23. Решение Октябрьского районного суда города Ставрополя от 28.01.2019 г. по делу № 2-241/2019(2-3350/2018;)-М-3272/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

24. Решение Дзержинского районного суда города Волгограда от 27.03.2023 г. № 12-160/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Решение Томпонского районного суда Республики Саха от 26.05.2020 г. по делу № 2А-М40/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1KtsJ8bmswZv/> (дата обращения: 12.01.2024)

26. Решение Зонального районного суда Алтайского края от 15.07.2020 г. по делу № 2-215/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

27. Решение Ленинского районного суда города Смоленска от 14.12.2021 г. по делу № 12-590/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

28. Решение Тигильского районного суда Камчатского края от 09.06.2023 г. по делу № 2а-1-120/2023(М-85/2023) // СПС «КонсультантПлюс».

29. Решение Одинцовского городского суда Московской области от 02.03.2023 по делу № 2-2738/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

30. Решение Макарьевского районного суда Костромской области от 23.11.2023 по делу № 12-28/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

31. Решение Норильского городского суда № 2-2177/2020 2-2177/2020~М-1759/2020 М-1759/2020 от 03.07.2020 г. по делу № 2-2177/2020 [Электронный ресурс]. URL: [//sudact.ru/regular/doc/lbguWCWAKyр/](http://sudact.ru/regular/doc/lbguWCWAKyр/) (дата обращения: 12.01.2024).

Об авторе:

ЗАЙЦЕВ Олег Владимирович – доктор юридических наук, профессор, декан высшей школы правоведения ИГСУ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации – РАНХиГС (г. Москва, пр. Вернадского, 82), SPIN-код: 1954-8034, AuthorID: 324279, e-mail: zaytsev-ov@ranepa.ru

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF JUDICIAL PRACTICE TO PROTECT THE RIGHTS OF MINORS IN THE PREVENTION OF ANTISOCIAL AND ILLEGAL BEHAVIOR

O.V. Zaytsev

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow

The complex and lengthy process of personal socialization is influenced by numerous factors, which requires in-depth analysis in order to develop adequate measures to prevent, suppress and correct antisocial and illegal behavior of minors, which, in turn, must take into account their rights and legitimate interests. The emerging judicial practice shows that the current legislation does not fully ensure the solution of these tasks, does not fully reflect the needs of the time. Because of this, the courts have to make adjustments to the activities of the subjects of prevention, sometimes canceling their decisions, ensuring the protection of the rights of minors in the prevention of antisocial and illegal behavior. All this points to the need to find legislative solutions to improve the prevention of antisocial and illegal behavior of minors, which should include an audit of the legal terminology used, reflecting modern realities, rethinking the principles of organizing such work, systematizing it and filling it with qualitatively new content reflecting the main idea – the protection of the rights and legitimate interests of the child and the preservation of his family.

Keywords: *prevention system, antisocial and illegal behavior, protection of the rights of minors, Commission on Juvenile Affairs and Child Protection.*

About author:

ZAYTSEV Oleg – Doctor of Law, Professor, Dean of the School of Law IPACS of the Russian Presidential academy (Moscow, Vernadsky Avenue, 82), SPIN-code: 1954-8034, AuthorID: 324279, e-mail: zaytsev-ov@ranepa.ru

Зайцев О.В. Тенденции развития судебной практики по защите прав несовершеннолетних при профилактике антиобщественного и противоправного поведения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 106–115.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ: ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье рассматриваются положения действующего законодательства в контексте обеспечения традиционных семейных ценностей и ценности семьи как социально-правовой категории. Автор акцентирует внимание на основаниях и формах проявления частного интереса членов семьи, демонстрируя возможные варианты игнорирования ценности семьи как социальной ячейки. Одновременно представлен критический анализ отдельных законоположений, применение которых, по мнению автора, направлено на искусственное сохранение семьи, что, наоборот, приводит к нивелированию ценности семейно-правового статуса. Автор также апеллирует к нормам действующего законодательства, нуждающимся в совершенствовании с точки зрения сохранения традиционных семейных ценностей.

Ключевые слова: семья, семейные правоотношения, частные интересы, публичный интерес, семейные ценности.

Семья и семейные отношения в том или ином формате, в том или ином ключе исследования стали в течение последних нескольких лет особо притягательным объектом внимания со стороны представителей различных общественных наук, политиков, общественных деятелей. Первый своеобразный виток повышенного интереса к семье и возможности установления нового формата правового регулирования отношений между членами семьи совпадает с внесением поправки в Конституцию Российской Федерации [7]. Укрепление и защита семьи, сохранение традиционных семейных ценностей – в определенной степени конституционные положения стали слоганом, используемым как в различных программных документах, выступлениях должностных лиц, так и представителями юриспруденции, исследующими предмет и метод семейно-правового регулирования. Провозглашение 2024 года Годом семьи [2], безусловно, очередной раз подтверждает значимость института семьи, подчеркивает уровень его поддержки и охраны в контексте реализации государственной политики. В то же время, согласимся, текущий период весьма опасен с точки зрения проявления инициатив по внесению изменений и дополнений в семейное законодательство, прежде всего в Семейный кодекс Российской Федерации [1] (далее – СК РФ), а также в иные законодательные акты. Напомним, что семейное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, в

связи с чем соответствующая активность наблюдается уже и на уровне субъектов РФ.

Представляется, что реализация мер государственной политики в сфере решения вопросов демографии, оказания дополнительной поддержки семьям, имеющим детей, не может быть соотнесена с совершенствованием непосредственно семейного законодательства. Статья 2 СК РФ, именуемая как «Отношения, регулируемые семейным законодательством», устанавливает определенные пределы предмета, то есть той сферы семейных отношений, где именно СК РФ и иные источники, упомянутые в ст. 3 СК РФ, могут устанавливать права и обязанности участников семейных отношений, формы и способы осуществления, защиты семейных прав. Именно поэтому в рамках настоящей статьи мы будем рассуждать о тех семейных ценностях, которые явствуют из содержания норм семейного законодательства, а также о тех, которые нуждаются в поддержке и сохранении посредством установления соответствующего правового регулирования.

Семья как социально-правовой институт не может быть охарактеризована вне учета морально-нравственных критериев, которые так или иначе прослеживаются в нормах СК РФ и, прежде всего, в ст. 1 СК РФ «Основные начала семейного законодательства». Законодатель отмечает взаимную любовь и уважение, взаимопомощь и ответственность перед семьей всех ее членов, взаимное согласие как основу разрешения внутрисемейных вопросов – это ли не семейные ценности? И если да, то почему они нуждаются в охране и сохранении, в чем заключается угроза при наличии, казалось бы, стабильного соответствующего правового регулирования? К сожалению, провозглашенные ценности нуждаются в защите именно посредством совершенствования семейного законодательства, поскольку ценность самой семьи девальвирована настолько, что уйдет далеко не один год на возможное восстановление авторитета семьи и осознание ценности своего состояния в ней.

Нельзя отрицать, что определенные шаги законодателем уже предприняты. Так, в ст. 16 СК РФ наконец-то появилось самостоятельное основание для прекращения брака – внесение изменения в запись акта гражданского состояния об изменении пола одним из супругов [3]. Кстати, совершенно оправданным, на наш взгляд, видится включение этого же обстоятельства в перечень оснований для лишения родительских прав (ст. 69 СК РФ). Существующая практика рассмотрения судами дел об ограничении родительских прав родителей, изменивших пол, но претендующих на продолжение воспитания своих детей, явно не соответствует интересам детей. Согласимся, изменение пола обусловлено исключительно интересами соответствующего супруга/родителя, при этом обеспечение интересов ребенка либо вообще за пределами внимания, либо имеет второстепенный характер. Однако

утверждать, что в подобной ситуации родитель исполняет свою обязанность по надлежащему воспитанию ребенка и заботится о психическом, духовном и нравственном развитии своих детей, вряд ли возможно.

Внесение изменения в запись акта гражданского состояния об изменении пола порождает самостоятельное последствие в плоскости воспитания детей, в частности, такие граждане теперь не могут быть усыновителями, опекунами (попечителями), приемными родителями ребенка (соответствующие коррективы внесены упомянутым федеральным законом в ст. 127, 146 СК РФ). Считаем, что такая позиция законодателя выступает дополнительной аргументацией нашего предложения о расширении перечня оснований для лишения родительских прав родителей, изменивших пол.

В рамках настоящей статьи нет намерения представить рассуждения о правовых, социальных и нравственных аспектах смены пола, заметим лишь, что названный федеральный закон коренным образом изменил существовавший до июля 2023 года порядок реализации соответствующих намерений граждан. Как следует из пояснительной записки к данному закону, по статистике, представленной органами МВД РФ, за период с 2016 по 2022 гг. за заменой паспорта гражданина РФ по основанию «изменение пола» обратилось 2 990 человек. Учитывая, что закон обратной силы не имеет, соответствующие новеллы Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4], Федерального закона «Об актах гражданского состояния» [6] не распространяются на лиц, в отношении которых хирургические вмешательства, направленные на изменение половых признаков человека, осуществлены до 24.07.2023 г. и подтверждены соответствующим заключением. Но ведь сколько таких операций и квазиопераций было совершено до того момента, как государство остановило соответствующий процесс? И если вновь вернуться к осознанию ценности семьи и критериям ее определения, то, увы, значительная часть граждан, изменивших пол, вовсе не была озабочена своим семейно-правовым статусом, превалировала совершенно иная цель. Кстати, те лица, которые изменили пол до указанной даты, не обязаны представлять медицинское заключение о соответствии их половых признаков мужскому или женскому полу соответственно (ст. 70) [6]. Это означает, например, что мужчина, получив паспорт женщины после изменения пола, может вступать в брак в другом мужчиной...

Весьма актуальным на сегодняшний день является вопрос приобретения семейно-правового статуса иностранными гражданами, в частности, посредством заключения брака с лицом, имеющим гражданство РФ, а также при установлении отцовства в административном порядке. Согласно п. 2 ст. 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [5]

(в редакции на момент написания настоящей статьи) без получения разрешения на временное проживание вид на жительство выдается иностранному гражданину, имеющему родителя (усыновителя, опекуна, попечителя), сына или дочь, состоящих в гражданстве Российской Федерации и постоянно проживающих на территории Российской Федерации.

Таким образом, иностранный гражданин может заключить брак с лицом, состоящим в гражданстве РФ (как правило, это женщина), и усыновить (удочерить) её ребенка (детей) либо может быть рожден совместный ребенок в этом браке. В то же время можно обойтись и без регистрации заключения брака: всего лишь найти женщину, состоящую в гражданстве РФ, имеющую детей, отцовство в отношении которых не установлено, и обратиться с совместным заявлением в орган записи актов гражданского состояния об установлении отцовства. Заметим, орган загса оказывает административную услугу, не обладает полномочиями рассмотрения споров и не вправе отказывать в предоставлении государственной услуги при отсутствии оснований, предусмотренных законом. Даже если у сотрудника органа загса возникают обоснованные подозрения, в частности, в отсутствии кровной связи между иностранным гражданином и ребенком, имеющим гражданство РФ, он не может отказать в принятии совместного заявления матери ребенка и лица, заявляющего о своем отцовстве.

Кстати, осенью 2023 г. Брянская областная Дума направила на рассмотрение в Государственную Думу РФ законопроект, предполагающий внесение изменений в ст. 48 и 49 СК РФ: установление отцовства лица, являющегося иностранным гражданином или не имеющим гражданства, в отношении ребенка, состоящего в гражданстве РФ, возможно только в судебном порядке [10]. В заключении профильного Комитета Государственной Думы РФ приводится статистика Министерства юстиции РФ, согласно которой иностранными лицами и лицами без гражданства в 2021 г. было установлено отцовство в отношении 14 007 детей, в 2022 г. – в отношении 11 641 ребенка.

Возможно, в пределах страны эти цифры покажутся незначительными, но это конкретные дети, представление которых о семье может быть искажено соответствующим юридическим фактом. Даже если определенный процент совместных заявлений посчитать основанными на любви и желании мужчины создать семью, увы, в большинстве случаев это обман, поскольку и мать ребенка, и мужчина, претендующий на статус отца, знают, что кровное родство отсутствует. Вряд ли можно утверждать в такой ситуации о ценности семьи для каждого из них, поскольку основание ее уже является порочным.

Названный законопроект был отклонен, и на сегодняшний день, хотя миграционное законодательство существенно изменилось, в процедуре установления отцовства по совместному заявлению мужчины –

гражданина иностранного государства и женщины, состоящей в гражданстве РФ, ничего не изменилось.

Что же касается заключения брака с иностранными гражданами, то, по нашему мнению, чаще всего это тоже свидетельствует об отсутствии у лиц, вступающих в брак, морально-нравственных установок, свидетельствующих об уважении института семьи, осознании его ценности. Брак, заключенный без цели создания семьи, может быть признан недействительным в судебном порядке, что весьма часто встречается в материалах судебной практики. Примечательно, что фиктивным брак может быть признан, если при его заключении отсутствовала цель создания семьи как у одного, так и обоих супругов. В последнем случае мы вновь наблюдаем не что иное, как отсутствие представления о ценности семьи, поскольку предварительно заключение брака сопровождалось договоренностью о взаимовыгодной сделке, а не о создании семейного союза.

Вышеизложенное позволяет нам утверждать, что в СК РФ прослеживается публичный интерес в признании ценности семьи как социально-правового института, в связи с чем различные попытки дискредитировать семью как особый союз могут повлечь аннулирование соответствующих состояний, в данном случае – недействительность брака.

Необходимо отметить и позицию Конституционного Суда Российской Федерации: «наличие семьи не обеспечивает иностранным гражданам беспорного иммунитета от законных принудительных мер миграционной политики, соразмерных опасности миграционных правонарушений (особенно массовых) (Постановление от 06.10.2022 г. № 41-П; определения от 04.06.2013 г. № 902-О и от 05.03.2014 г. № 628-О), в том числе распространенности практики их совершения» [9].

Недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи как один из принципов семейного законодательства (ст. 1 СК РФ) тоже, на наш взгляд, обеспечивает ценность семьи как особой ячейки общества (хотя иногда это определение воспринимается с высокой долей иронии или даже сарказма), не просто изолированной от других семейных сообществ, но и автономной с точки зрения государства. Основания и пределы вмешательства органов публичной власти в семейные правоотношения прямо предусмотрены законом, что, к сожалению, не всегда имеет место, если речь идет о вмешательстве физических лиц. Так, например, с иском об оспаривании отцовства (материнства) может обратиться лицо, фактически являющееся отцом или матерью ребенка (ст. 52 СК РФ), хотя намерение при обращении в суд может быть обусловлено совершенно иной целью, например, желанием отомстить кому-либо из родителей ребенка. Лица, состоящие в браке между собой и давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине в целях вынашивания и рождения ребенка, могут быть

записаны родителями ребенка только с согласия суррогатной матери (ст. 51 СК РФ).

Стоит отметить, что законодатель в определенных случаях, наоборот, по нашему мнению, предпринимает чрезмерные меры по сохранению семьи и брака как ее основания. Так, согласно ст. 22 СК РФ расторжение брака при отсутствии согласия одного из супругов производится в судебном порядке, при этом суд вправе назначить супругам примирительный срок в пределах трех месяцев, в том числе и по своему усмотрению. Если же такая мера оказалась безрезультатной, суд расторгает брак, даже если один из супругов продолжает возражать. Полагаем, что установление судебного порядка при намерении только одного из супругов расторгнуть брак и одновременном несогласии другого супруга нецелесообразно, поскольку, во-первых, отсутствует спор как таковой и, во-вторых, данная категория дел лишь увеличивает нагрузку судей. Ведь по истечении примирительного срока судья обязан удовлетворить иск о расторжении брака. В связи с этим полагаем необходимым внести соответствующие изменения в действующее законодательство и определить порядок расторжения брака в органах загса при отсутствии согласия одного из супругов, увеличив при этом срок для расторжения брака до трех месяцев. Распространенная в настоящее время практика обращения супругов к медиатору основана на самостоятельном решении супругов, не является обязательным условием рассмотрения судом дела о расторжении брака, поэтому супруги, которые обратились в орган загса, также смогут, если захотят, обратиться к медиатору с целью урегулирования конфликта и, возможно, сохранят свой брак и семью. Каждый из супругов должен осознать значение семьи в своей жизни и иметь возможность принять самостоятельное решение, руководствуясь, по нашему мнению, прежде всего принципом личной ответственности перед семьей (ст. 1 СК РФ).

Представители науки семейного права, к сожалению, фиксируют и такое явление, как «невыгодность» наличия семьи, определенного семейно-правового статуса. Обусловлено это, например, интересами женщины, родившей ребенка вне брака и получившей статус матери-одиночки, поскольку в графе «отец» в записи о рождении ребенка стоит прочерк. Причем интерес может заключаться не только в возможности получать соответствующее пособие и пользоваться льготами, но и сохранить определенную независимость от мужчины, являющегося отцом ребенка. Кстати, это достаточно распространенное заблуждение, ведь в любой момент до достижения ребенком совершеннолетия мужчина может обратиться в суд с заявлением об установлении отцовства (ст. 49 СК РФ). Впрочем, то, что мать ребенка выбирает такую формальную модель семьи с «усеченным» субъектным составом, не исключает фактических семейных отношений и восприятия третьими лицами этого союза как «нормальной» семьи.

«Невыгодность» состояния в браке и наличия несовершеннолетних детей проявляется и в тех семьях, где один из супругов/родителей состоит на государственной службе, поскольку обязанность по представлению декларации о доходах супруга и общих несовершеннолетних детей рассматривается зачастую как нежелательное обременение.

Приведенные примеры отнюдь не единичны и представляют собой определенное социальное явление, демонстрирующее, на наш взгляд, игнорирование ценности семьи в угоду личным интересам одного или нескольких членов семьи.

Представляется, что семейные ценности следует воспринимать как нравственные основы взаимоотношений между членами семьи, обусловленные соблюдением традиций, обычаев, а также норм права. Речь идет о взаимном согласии, чувствах взаимной любви и уважения, что находит отражение и в нормах СК РФ, хотя некоторые из существующих законоположений, на наш взгляд, нуждаются в корректировке.

Безусловно, речь идет о личных неимущественных правоотношениях между супругами, а также между родителями и детьми. Во-первых, что касается личных взаимоотношений супругов, то законодатель весьма корректно, но категорично устанавливает в ст. 42 СК РФ запрет на включение в брачный договор условий, регулирующих данную сферу отношений между супругами. Представляется, что это особый метод регулирования личных неимущественных отношений: всё, что не запрещено, разрешено. Супруги могут заключить какие-либо непоименованные соглашения, условия которых будут регулировать, возможно, место жительства и место пребывания каждого из супругов (ст. 31 СК РФ), но при этом они «обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи».

В контексте наших рассуждений считаем необходимым отметить инициативу органов законодательной власти субъектов Российской Федерации, в частности, Тверской области. В ст. 1 Закона Тверской области «О запрещении склонения к искусственному прерыванию беременности на территории Тверской области» [8] провозглашается, что «склонение к искусственному прерыванию беременности признается в Тверской области угрозой для семьи, материнства, отцовства и детства», с чем нельзя не согласиться. Однако среди лиц, которые посредством совершения действий, выдвижения требований с целью понуждения беременной женщины к искусственному прерыванию беременности путем уговоров и предложений склонили женщину к аборту, может оказаться и ее супруг. Между прочим, административная ответственность за такое правонарушение наступает независимо от того, прервала ли жена беременность. В связи с этим вполне закономерным

видится вопрос: соответствует ли сохранению традиционных семейных ценностей и непосредственно брака/семьи привлечение супруга к ответственности за обоснование свободы своего репродуктивного выбора? Очевидно, нет.

Во-вторых, «при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей» (ст. 65 СК РФ). Однако ориентиры обозначены только для родителей.

Можно поставить под сомнение соответствие идее сохранения традиционных семейных ценностей (в частности, уважение и почет родителей) содержания некоторых норм СК РФ.

Так, ст. 56 СК РФ предоставляет право несовершеннолетнему, достигшему возраста четырнадцати лет, самостоятельно обратиться в суд за защитой, в том числе при невыполнении или ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами. Это означает, что ребенок, как объект воспитательного воздействия со стороны родителей, может самостоятельно оценить, надлежащим или ненадлежащим образом воспитывают его родители, посчитать, что родители злоупотребляют своими правами, и обратиться в суд с иском. Кстати, в ст. 69 СК РФ среди оснований для лишения родительских прав названо и злоупотребление родительскими правами, следовательно, ребенок может обратиться с иском о лишении родителей (одного из них) родительских прав.

Полагаем, что сам факт предоставления ребенку такого права, не говоря уже о реализации данного права, подрывает институт родительства, авторитета родителей, в связи с чем комментируемая норма подлежит корректировке. И сказанное вовсе не означает, что при наличии оснований родители останутся безнаказанными. Ребенок может обратиться за защитой своих прав посредством информирования классного руководителя, врача, сотрудника органа опеки и попечительства и других лиц, наделенных соответствующими полномочиями, в том числе и по обращению в суд, но не выступать истцом в деле против своих родителей.

В соответствии со ст. 67.1 Конституции РФ государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. В связи с этим полагаем вполне обоснованным с точки зрения сохранения традиционных семейных ценностей дополнить абзац первый п. 2 ст. 54 СК РФ, изложив его в следующей редакции: «Каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, насколько это возможно, право

знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Ребенок должен относиться с уважением к родителям и другим старшим членам семьи».

Полагаем, что современная действительность характеризуется особым вниманием со стороны государства к семье, к вопросам защиты семьи, материнства, отцовства и детства. Значительная часть реализуемых программ имеет социальную составляющую, что предполагает предоставление дополнительных мер государственной поддержки семьям с детьми. В то же время семейное законодательство, регулирующее личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи, имеет совершенно иные цели и задачи, достижение и решение которых должно быть основано на гармонизации частных и публичных интересов при сохранении традиционных семейных ценностей и ценности непосредственно семьи для каждого из ее членов.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СЗ РФ. 2023. № 48. ст. 8560.
3. Федеральный закон от 24.07.2023 г. № 386-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 31 (Часть III). Ст. 5812.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024 г.) // РГ. 2011. № 263.
5. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 10.07.2023 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
6. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024 г.) // РГ. 1997. № 224.
7. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // РГ. 2020. № 55.
8. Закон Тверской области от 09.11.2023 г. № 50-ЗО «О запрещении склонения к искусственному прерыванию беременности на территории Тверской области» // Тверские ведомости. 2023. № 44 (15–21 ноября).
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.04.2024 г. № 830-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Молдова Атаманчука Валерия на нарушение его конституционных прав статьей 4.1 и частью 3.1. статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Законопроект № 451019-8 «О внесении изменений в статьи 48 и 49 Семейного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/451019-8> (дата обращения: 25.03.2024).

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8737-6386, e-mail: Iina.OY@tversu.ru

FAMILY VALUES AND THE VALUE OF THE FAMILY: UNITY AND THE FIGHT OF OPPOSITES

O.Y. Ilyina

Tver State University, Tver

The article examines the provisions of the current legislation in the context of ensuring traditional family values and the value of the family as a socio-legal category. The author focuses on the grounds and forms of manifestation of private interest of family members, demonstrating possible options for ignoring the value of the family as a social unit. At the same time, a critical analysis of certain legal provisions is presented, the application of which, in the author's opinion, is aimed at artificially preserving the family, which, on the contrary, leads to leveling the value of family legal status. The author also appeals to the norms of current legislation that need improvement from the point of view of preserving traditional family values.

Keywords: *family, family legal relations, private interests, public interest, family values.*

About author:

ILYINA Olga – Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tver State University" (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8737-6386, e-mail: Iina.OY@tversu.ru

Ильина О.Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей (договор) // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 116–125.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

О.А. Кузнецова

ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь;
ФГКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России», г. Пермь

В статье анализируются основные подходы к пониманию семейных ценностей в диссертационных исследованиях по социально-гуманитарным наукам. Семейные ценности рассматриваются в значениях «ценность семьи и брака», «ценности, присущие семейному быту», «семейные ценности супругов / членов конкретной семьи». Показаны зависимость семейных ценностей от вида и типа семьи, соотношение семейных и внесемейных ценностей, традиционных и противоположных семейных ценностей. Сделан вывод о том, что выделяемые в общественных науках перечни семейных ценностей многообразны, во многом зависят от ценностных установок самих исследователей, что препятствует их единообразному пониманию и эффективному правоприменению. Предлагается сформировать официальный перечень семейных ценностей, поддерживаемых и защищаемых российским государством и обществом.

Ключевые слова: семейные ценности, традиционные семейные ценности, внесемейные ценности, диссертационные исследования семейных ценностей, конституционные семейные ценности, защита семейных ценностей.

Аксиологическая проблематика всегда относилась к важнейшим сферам социально-гуманитарных исследований, поскольку преимущественно через ценностную оптику можно непосредственно увидеть и понять тенденции и перспективы развития общества и отдельных социальных институтов. Семья является важнейшим социальным институтом, отвечающим за усвоение человеком ценностей, позволяющих не только формировать настоящий образ общества, но и прогнозировать его будущее. На стыке семьи и ценностей формируются семейные ценности, которые имеют не только сугубо персональную важность для конкретного гражданина, но и государственное, политико-правовое значение. Российское государство взяло на себя конституционное обязательство по сохранению своих традиционных семейных ценностей: «общество должно изменить структуру своих ценностных установок таким образом, чтобы сбалансировать соотношение ценностей приобретенных с исконными, исторически устоявшимися» [40, с. 12].

При этом для того, чтобы что-то эффективно сохранять, поддерживать и развивать, необходимо четко понимать, о каком объекте идет речь. Понятие семейных ценностей, границы их традиционности и нетрадиционности, конкретное перечневое наполнение, доктринальная и практическая интерпретация продолжают оставаться в центре социально-гуманитарного, в том числе юридического, дискурса. Справедливо констатируется, что «современное социальное нездоровье во многом обусловлено глубочайшей проблемностью вопроса о семейных ценностях, не находящего позитивного разрешения» [44, с. 4], а семья постепенно утрачивает свою ценность [29, с. 59].

Семейные ценности являются предметом пристального научного внимания со стороны представителей различных социально-гуманитарных наук: социологии, психологии, философии, этики, культурологии, истории, антропологии, педагогики и права. Большинство диссертаций о семейных ценностях – не юридические. Вместе с тем юридическая наука и практика о семейных ценностях должна максимально учитывать междисциплинарность понятия семьи и семейных ценностей, т. к. их содержание простирается далеко за границы права. При этом встает закономерный вопрос: что и в каких объемах может использовать законодатель и правоприменитель из результатов исследований о семейных ценностях специалистов в области иных общественных наук?

Термин «семейные ценности» в диссертационных исследованиях используется при анализе различных, далеко не синонимичных (или лишь частично совпадающих), хотя и созвучных понятий: «ценности, прививаемые семьей», «ценности, присущие семейному быту», «общие семейные ценности супругов (членов конкретной семьи)», «ценность семьи и брака», «приобретенные семейные ценности», «традиционные (исторически устоявшиеся) семейные ценности», «кризис семейных ценностей» и др.

Семейные ценности в значении «ценность семьи и брака» видятся в их необходимости для социализации и индивидуализации человека, в том, что большая часть человеческого бытия происходит в лоне семьи, а также в том, что в семье человек формируется, «вызревает» как личность и получает духовно-нравственное взросление. Именно в этом значении говорится о семье как о ячейке общества, гаранте стабильности общества, непреходящей ценности цивилизации, важнейшем институте культуры и государства, который осуществляет первичный социальный контроль. Здесь усилия ученых-социологов, психологов, педагогов и представителей других социальных наук направлены на обоснование и укрепление аксиологического потенциала семьи, на усиление аргументации того, что семья – это жизненно необходимая потребность человека, на стимулирование ценностного отношения к семье и принятия ценностного смысла семейной жизни [18, 34, 43, 45].

Вряд ли нуждается в дополнительных научных доказательствах ценность семейного образа жизни (для большинства членов общества), однако стоит заметить, что эти «семейные образы» многообразны. Социологи выделяют множество типов семей: эгалитарные и авторитарные, семья-«отдушина», семья детоцентрического типа, семья типа спортивной команды или дискуссионного клуба, семья по образцу хозяйственно-бытовой ячейки, семья, ставящая на первое место комфорт, здоровье, порядок, содружество, бикарьерные семьи, семья-партнерство, конкубинат, «брак между добрыми друзьями», «гражданский брак», семья на основе гостевого брака, регулярно-раздельного брака, открытого брака (свининг), суаньянтаж (союз, приводящий к рождению ребенка замужней женщины от холостого мужчины, который берет на себя обязанности по воспитанию и содержанию ребенка), семья-коммуна и др. [41, с. 8]. Для каждой из этих видов семей их семья видится ценностью, хотя реальные жизни, принципы и ценности таких семей могут различаться кардинальным образом.

В связи с этим в социальных науках вводятся категории «базовые семейные ценности», присущие семье как социальному институту в целом и содержательно изменяющиеся в процессе эволюции института семьи и «специфические семейные ценности», которые присущи конкретному виду/типу семьи. Однако вопрос о том, какую семью следует выбрать для демонстрации базовых ценностей, остается по-прежнему открытым.

Семейные ценности в значении «ценности, присущи семейному быту» охватывают такие понятия, как: брак, верность в браке; дети, их воспитание и образование; комфортный морально-психологический климат в семье, общение, чувство духовной близости; материальное благополучие (недвижимое имущество, доход, материально-вещная среда, продукты питания, высоко оплачиваемый труд); творческая и познавательная деятельность (образование, овладение профессией, чтение, информация); самосохранительная деятельность (поддержание здоровья, сон, уход за собой (гигиенический, медицинский и т. п.), рекреативная деятельность (восстановление сил, спорт, активный и пассивный отдых); забота о близких, домашний неоплачиваемый труд; безопасность, чувство защищенности; духовно-религиозные ценности [40, с. 13]. Такие семейные ценности отвечают на вопрос, что дает человеку жизнь в семье, и демонстрируют преимущественно функции семьи.

Семейные ценности в значении «семейные ценности супругов / членов конкретной семьи» могут существенным образом отличаться в отдельно взятых семьях: «семейные ценности, как социокультурные предпочтения людей в различных брачно-семейных сферах (сфере добрачного поведения и выбора брачного партнера, сфере родительства, сфере брачно-семейных отношений, сфере брачно-семейных ролей,

сфере супружества), способны удовлетворять потребности индивидов, служить их интересам и целям. Кроме того, они тесно связаны с ценностными ориентациями членов семьи» [50, с. 7]. Ценностные семейные установки исследуются в диссертациях учеными у разных социальных групп (преимущественно молодежных) [39]. У каждого человека могут быть свои семейно-ценностные установки, которые подвергаются изменениям под влиянием различных объективных и субъективных факторов, т. к. «они выражают представления о желаемом типе семьи и семейных отношениях, регулируют поведение индивидов в сфере семейных отношений, детерминируют принятие решений семейного характера и обеспечивают сохранение и воспроизводство в обществе семейных образцов, моделей, норм» [27, с. 12–13].

Не является психологическим секретом утверждение, что для счастливой и гармоничной семейной жизни семейные ценности супругов должны совпадать. Однако семейные ценности конкретных супругов или семьи могут совсем не совпадать с семейными ценностями, которые разделяются большинством членов общества и поддерживаются государством посредством правовой политики и законотворческих решений.

Таким образом, мы видим, что социологическое понятие семейных ценностей может иметь множество значений и кардинально отличающихся объемов содержания, что обусловлено большим количеством выделяемых типов и видов семей.

Семейные и внесемейные (альтернативные) ценности

Авторы диссертаций нередко противопоставляют «традиционные семейные ценности» (супружество, родительство (дети), прочность брака) и «альтернативные ценностные ориентации» (не семейные) (профессиональная деятельность, карьерный рост, самостоятельно достигнутое социальное положение, личная и материальная независимость): «в настоящее время все большее число людей отдает предпочтение самореализации во внесемейной сфере жизнедеятельности, профессиональной и социально-статусной сферах» [48, с. 14]. Диссертанты пишут о семейных ценностях и наряду с ними о внесемейных ценностях, а исследование их соотношения «подтверждает дальнейшее ослабление ценностей долговременного брака с несколькими детьми, нарастание ориентации на малодетный и даже несемейный образ жизни, а также обострение противоречия между ценностями профессионального роста, повышения собственного социального статуса и семейными ценностями, рост индивидуализма и эгоцентризма» [49, с. 12; см. также: 46].

Здесь мы видим, что профессиональный рост, повышение социального статуса, индивидуализм и эгоцентризм и подобные явления относятся учеными к внесемейным ценностям и противопоставляются

семейным. Хотя в других исследованиях указанные ценности причисляют к либеральным семейным ценностям.

Традиционные и противоположные (либеральные, западные, европейские) семейные ценности

В общественных науках очевидно просматривается тенденция к разделению семьи/брака и семейных ценностей на традиционные и либеральные (порожденные западным образом жизни, постмодернистской культурой, релятивизмом, идеологией рынка, рационализмом).

По мнению исследователей, «привнесенные западные семейные ценности» характеризуются: плюрализацией форм семейной жизни, прагматизацией партнерских отношений, угасанием смысла семейной жизни, изменением отношения к правовому статусу брака, материнской депривацией (базовый материнский инстинкт терпит существенную деформацию, которая приводит, соответственно, к деформированным формам современной семьи, которые сегодня становятся «патологической нормой»), планированием семьи, феминизмом, сексуальным просвещением и свободой, уменьшением численности заключенных браков, их «старением», увеличением числа нерегистрируемых браков, падением рождаемости и ее «старением», преобладанием малодетных семей, увеличением числа внебрачных детей и распространением добровольной бездетности, распространением неполных семей, нормальностью внебрачных семейных связей, депопуляцией и распространением феномена «единственного ребенка» [47, с. 19], абсолютной свободой выбора партнеров для обоих полов, либерализацией половой морали, эгалитарностью отношений, широкими возможностями самореализации, расширением свободных отношений, гражданскими браками (сожительством) [52, с. 8], укреплении комплексной модели малодетности и многоразводного сожительства [41, с. 9], либерализацией добрачного сексуального поведения, изменением традиционной семейной и свадебной обрядности, снижением значения и ценности кровно-родственных связей и межсемейных отношений, легким отношением к разводам и установками на непрочность семейных уз [38, с. 8] и др.

При этом утверждается, что только традиционное представление о семье даст возможность «обрести в семье счастье, смысл жизни и достойное человека существование» [44, с. 11] и именно традиционные семейные ценности устранят такие негативные явления, как: увеличение количества разводов, усиление девиантного поведения в семье, увеличение количества аборт, брошенных детей, предание забвению понятия материнства, падение количества заключаемых браков, увеличение числа одиночек, снижение детности семей и проч. «Традиционная семья, детерминированная национально-конфессиональной спецификой бытия народов, конституирует социум и

направляет общественные силы в созидательное русло. Традиционная семья способствует трансляции ценностей и моделей поведения, функционирующих в обществе, обеспечивает конструктивную межпоколенную коммуникацию, передачу социального опыта и не препятствует развитию гармонически развитой личности. Традиционные семейные ценности выступают как главные факторы сохранения национально-конфессиональной идентичности» [19, с. 7].

Как правило, под традиционной семьей понимают патриархальную семью, сохраняющую формальные признаки института семьи, а ей противопоставляют эгалитарную семью: «традиционные семейные ценности, еще заметно определяющие ценностные ориентации молодежи относительно форм брака и семьи, распределения супружеских ролей и функций, постепенно вытесняются современными эгалитарными ценностями, ориентирующими молодежь в семейной сфере на создание эгалитарных (равноправных) отношений, толерантное отношение к различным формам семейно-брачных отношений и стилям семейного поведения, а в демографической сфере – на современный тип демографического поведения семьи и, соответственно, модель малодетной семьи [27, с.13].

Традиционной семье противопоставляют не только эгалитарную семью, демонстрирующую «отход от формального, социоцентрического начала в семье в сторону неформального, индивидуально-личностного», но и «варианты полигамной семьи, внебрачной кровнородственной неполной (материнской), внебрачной неформальной, полной (конкубинат) либо семьи в открытом браке» [31, с. 13].

Традиционные семейные ценности

Наиболее сложным вопросом в рассматриваемой проблематике является понимание традиционных семейных ценностей. Например, выделяют христианскую, идеологическую советскую, гендерно-либеральную модели брака и семьи [44, с. 12]. Какую из них считать безусловно традиционной, в том числе для конкретного государства и общества? Кроме того, семейные ценности различаются по национальному, этническому признаку даже внутри одного государства [21, 26, 30, 37, 42].

В диссертационных исследованиях есть попытки дефинирования традиционных семейных ценностей – «это традиционные мировоззренческие и нравственные ориентиры и установки в отношении семьи и брачно-семейных отношений, социально одобряемые и разделяемые большинством людей, служащие эталоном, идеалом и определяющие целенаправленный процесс создания полной и многодетной семьи и возможность для индивида: продолжить свой род, фамилию; сохранить и расширить родственные связи; следовать национальным традициям, обычаям, образу и укладу семейной жизни в соответствии с общепринятыми культурными ценностями; учитывать

педагогический опыт человечества в сохранении и воспроизводстве нравственных традиций семейного воспитания» [17, с. 15].

Ученые-исследователи обосновывают и формулируют различные наборы (перечни) традиционных семейных ценностей. Так, выделяют абсолютные и видовые семейные ценности. К абсолютным (заглавным) ценностям относятся: любовь, добро, уважение, целомудрие, истина, культура, благо, вера, надежда, красота, соборность, а среди видовых семейных ценностей выделяют: духовно-нравственные, природно-географические (природные условия и ресурсы, труд), общественно-государственные (Родина, гражданственность, свобода и равенство, безопасность, правда, достоинство, мир), культурно-национальные кровные ценности семьи (кровное родство, дети, мать (материнство), отец (отцовство), дом (домашний очаг), здоровье, семейный уклад, традиции, обычаи, обряды) [17, с. 15–16]. К традиционным семейным ценностям относят: верность, уважение и любовь супругов, семейный отдых, традиции [47, с. 25], ориентацию в семейных и межличностных отношениях на уважение, любовь, взаимную моральную ответственность и готовность к ответственному родительскому поведению [28, с. 12], семейное счастье, любовь, уважение, верность, доверие, взаимопонимание [24, с. 18].

В диссертациях по социальным наукам отмечается и трансформация традиционных семейных ценностей. Такие традиционно-патриархальные семейные ценности, как коллективизм, престиж родительства, семейный досуг изменяются под влиянием новой системы социальных ценностей, «среди которых основополагающими являются: уважение к индивидуальности, признание права собственности, осуществление самореализации и самоидентификации, право на социальную и правовую защищенность» [23, с. 10–11].

Традиционные семейные ценности в российском законодательстве и юридической науке

Термин «традиционные семейные ценности» употребляется в нескольких десятках нормативно-правовых актах федерального уровня. В Конституции РФ указывается, что Правительство РФ обеспечивает проведение единой социально ориентированной государственной политики, в том числе, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей [1].

Из других нормативных правовых актов можно узнать, что традиционные семейные ценности нужно сохранять [2–4], защищать [5], продвигать [7], популяризировать [8], укреплять [6, 9], утверждать в общественном сознании [10], формировать [11], уважать [12], принимать [13], вести их пропаганду [15], возвращаться к ним [16] и др.

Несмотря на то что законодатель усилил терминологическое присутствие «традиционных семейных ценностей» в нормативных актах, правоприменительная сложность в этой сфере состоит прежде всего в

том, что ни в одном правовом акте нормотворцы прямо не называют эти ценности. При этом есть нормативное упоминание о существовании, например, иудейских традиционных семейных ценностей [14].

В большинстве научных правоведческих источников «традиционные семейные ценности» используются как некоторое общепризнанное, общеизвестное, конвенционное и единообразно понимаемое понятие.

Ученые-юристы поддерживают законодательный призыв необходимости сохранения традиционных семейных ценностей, предлагается даже соответствующий новый семейно-правовой принцип [20], однако единообразные подходы к пониманию этих ценностей и их перечней отсутствуют.

В единственной на сегодняшний день диссертации, специально посвященной правовой проблематике традиционных семейных ценностей, под последними её автор предлагает понимать «нормативные модели должного в семейных отношениях, обеспечивающие выполнение семьей основных функций (демографической, воспитательной, экономической, социально-культурной, хозяйственно-бытовой, первичного социального контроля, социально-статусной, духовной, эмоциональной, досуговой и др.), составляющие нравственную основу семейных отношений, обладающие естественной императивностью для большинства членов общества» [54, с. 20], и, основываясь на конституционных положениях, выделяет следующие традиционные семейные ценности: брак как добровольный союз мужчины и женщины; семья как основа общества; материнство, отцовство и детство; забота о детях, о благе ребенка; семейное воспитание детей; построение семейных отношений на основе высоких духовно-нравственных начал и чувств; забота о нетрудоспособных членах семьи; равенство супругов; автономность семейных отношений [54, с. 20–21].

В научных публикациях юристы выделяют такие традиционные семейные ценности, как:

семья, брак, материнство, воспитание ребенка в семье, равноправие супругов, забота о родителях, совместное ведение быта [36, с. 28];

брак, семья, забота о детях и их благе [53, с. 4];

любовь, супружеская верность, отношение к семье как главной опоре в жизни человека, многодетность, семейное воспитание, забота о каждом члене семьи, авторитет родителей, уважительное отношение к старшим, связь поколений, патриотизм [25];

взаимная любовь и взаимное уважение, понимание членами семьи друг друга, взаимное согласие, забота членов семьи друг о друге, справедливость, здоровье, образование, взаимное решение вопросов семейной жизни, благополучие членов семьи, семейный интерес, семейное правосознание и мировоззрение, продолжение здорового рода, сохранение семейных традиций, отвечающих общечеловеческим

ценностям, и передача их новому поколению, ведение быта всеми членами семьи, сохранение семьи, укрепление ее нравственной, физической, психической, духовной, интеллектуальной основ, установление и укрепление связей с другими социальными образованиями, осознание ответственности перед семьей, обществом и государством [32, с. 19];

любовь, взаимное уважение, взаимное согласие по вопросам семейной жизни, взаимная ответственность членов семьи друг перед другом, особая взаимная верность, забота о ребенке, престарелых членах семьи, членах семьи, нуждающихся в помощи в силу состояния здоровья, взаимные уступки, взаимопонимание, способность прощать и верить в добрые отношения, равенство каждого члена семьи, достоверность сведений, предоставляемых каждым друг другу, сочетание личных интересов, самостоятельности и независимости каждого члена семьи с интересами других членов семьи и семьи в целом, самостоятельность и независимость других лиц (личная и семейная), способность в необходимых случаях пожертвовать личным общим интересом, соблюдение семейных традиций, общечеловеческих ценностей, содействие укреплению семьи, ее благополучию [22, с. 7] и др.

Как мы видим, эти перечни далеко не в полной мере корреспондируют традиционным семейным ценностям, выделяемым в других общественных науках. Помимо ценности брака как союза мужчины и женщины, упоминаемые в качестве традиционных ценности могут быть характерны и для иных типов семей, а такие ценности, как равенство супругов и автономность семьи в большей степени присущи либеральной, а не патриархальной семье.

Нетрудно заметить, что упоминаемые семейные ценности имеют практически всеохватное содержание. К примеру, такая традиционная семейная ценность, как «семья и брак» может интерпретироваться как свобода создания семьи и брака, равенство полов, партнерство, или как предполагающая ограничение и запреты аборт [51], или как обязывающая государство запретить разводы, или как означающая, что «одинокая мать (отец) с сыном (дочерью) не должны законодателем рассматриваться в качестве семьи» [25, с. 73].

И здесь вновь встает вопрос о том, что следует понимать под традиционной семьей, чтобы выделить соответствующие её ценности.

Совершенно верно, на наш взгляд, заметила Л.В. Щенникова, что «традиционные семейные ценности, к сохранению которых сегодня призывает законодатель, нельзя считать тождественными ценностям традиционных и патриархальных обществ, поскольку они носят не ретроспективный, а перспективный характер, обеспечивая как развитие семейных отношений, так и модернизацию самого общества» [53, с. 4]. Более того, в научной литературе обращается внимание на то, что в принципе допустима любая правовая интерпретация традиционных

семейных ценностей с ориентацией, «например, на ценности многопоколенной семьи или на равноправие полов» [36, с. 29]. Справедливо и то, что ценности, в том числе семейные, «обусловлены самыми разными факторами развития общества и требуют постоянного переосмысления, соотнесения с приоритетами, целями, стратегиями развития страны, нахождения смыслов, наполнения смыслом» [33, с. 19].

Правоприменительное значение семейных ценностей

Любые законодательные призывы к укреплению и сохранению семейных ценностей без соответствующей правореализационной работы окажутся не более чем декларативными лозунгами. Однако для эффективности такой работы важно официально определиться с пониманием и хотя бы примерным перечнем семейных ценностей.

Конституционный Суд РФ «конституционной значимостью семейных ценностей» обосновал, например, «стремление сохранить в собственности жилое помещение, где проживает семья гражданина-должника, его супруг, родители, дети» [55].

В подавляющем большинстве случаев суды обращаются к категории «семейные ценности» в делах, связанных с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений и однополых браков [56–59, 61–62]. Российский законодатель, а вслед за ним и правоприменитель, очевидно относят «брак как союз только мужчины и женщины» к числу семейных ценностей. Можно констатировать, что по этому вопросу достигнут и доктринальный, и законодательный, и правоприменительный консенсус. Но каковы иные семейные ценности и их официальная интерпретация?

К примеру, в РФ уже более 30 лет действует конституционное правило о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и являются составной частью ее правовой системы» (ч. 4 ст. 15). Несмотря на наличие некоторых разъяснений Верховного суда РФ [60, 63], официальный перечень таких принципов и норм отсутствует, что затрудняло и затрудняет их понимание, квалификацию и активное применение. Хотя некоторые государства на уровне своих конституционных судов приняли перечни норм и принципов международного права, которые они считают общепризнанными и подлежащими применению внутри страны [35].

Если государство и общество берет на себя обязательства поддерживать, популяризировать и защищать традиционные семейные ценности, то представляется крайне важным определиться с тем, что такое традиционная семья в современных условиях свободы брака и развода, репродуктивной свободы, индивидуальной свободы, равенства членов семьи, множества семейных стилей жизни. Именно в разрезе поддерживаемых государством семейных ценностей дифференцируются семейные ценностные установки на положительные и отрицательные (негативные): первые надлежит поощрять, со вторыми – бороться.

Многие выделяемые в общественных науках семейные ценности являются скорее универсальными общечеловеческими семейными ценностями, а вот их трактовка, интерпретация, толкование в различных государствах могут различаться. Возможно, в правовом поле следует говорить не столько о традиционных/нетрадиционных семейных ценностях, с учетом того, что понимание «традиционности» крайне не единообразно, сколько о семейных ценностях, разделяемых большинством россиян и поддерживаемых идеологией и политикой российского государства.

Утверждение, сохранение, поддержка, популяризация, защита и особенно правоприменение семейных ценностей должно сопровождаться формулированием официального примерного перечня таких ценностей со значительно большей конкретизацией, чем максимально абстрактные заявления о том, что «семья, брак, дети – это традиционные семейные ценности».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 13.07.2023).

2. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 45. Ст. 7061.

3. Указ Президента РФ от 28.06.2022 г. № 411 «О Дне семьи, любви и верности» // СЗ РФ. 2022. № 27. Ст. 4811.

4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II), ст. 5351.

5. Указ Президента РФ от 24.12.2014 г. № 808 (ред. от 25.01.2023 г.) «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // СЗ РФ. 2014. № 52 (часть I). Ст. 7753.

6. Указ Президента РФ от 17.05.2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3696.

7. Приказ Минтруда России от 14.12.2023 г. № 873 «Об утверждении временных методических рекомендаций по реализации пилотного проекта, направленного на стимулирование рождаемости, и мероприятий, включенных в комплекс мероприятий, планируемых к реализации в рамках пилотного проекта» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Распоряжение Правительства РФ от 16.09.2021 г. № 2580-р (ред. от 23.01.2024 г.) «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2021. № 39. Ст. 6751.

9. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2015. № 23. Ст. 3357.

10. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 г. № 326-р (ред. от 30.03.2018 г.) «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2016. № 11. Ст. 1552.

11. Приказ Росмолодежи от 21.03.2016 г. № 54 «Об утверждении системы ключевых показателей реализации государственной молодежной политики региональными органами исполнительной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Приказ Минпросвещения России от 18.05.2023 г. № 370 «Об утверждении федеральной образовательной программы основного общего образования» (зарегистрировано в Минюсте России 12.07.2023 № 74223) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.07.2023).

13. Приказ Минпросвещения России от 18.05.2023 г. № 371 «Об утверждении федеральной образовательной программы среднего общего образования» (зарегистрировано в Минюсте России 12.07.2023 № 74228) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.07.2023).

14. Приказ Минпросвещения России от 18.05.2023 г. № 372 «Об утверждении федеральной образовательной программы начального общего образования» (зарегистрировано в Минюсте России 12.07.2023 г. № 74229) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.07.2023).

15. Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. протоколом Президиума ФАС России от 03.07.2019 г. № 6) // СПС «КонсультантПлюс».

16. Письмо Минобрнауки России от 20.02.2023 г. № МН-5/168376 «О направлении информации» (вместе с «Концепцией преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования», утв. протоколом Экспертного совета по развитию исторического образования от 15.02.2023 № ВФ/15-пр) [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru> (дата обращения: 13.07.2023).

17. Акутина С.П. Формирование у старшеклассников семейных духовно-нравственных ценностей во взаимодействии семьи и школы: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2010. 50 с.

18. Алибекова З.Н. Формирование эмоционально-ценностного отношения старшеклассников к семье в условиях этнокультурной среды: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Махачкала, 2012. 23 с.

19. Артамонова А.В. Социально-философский анализ семейных отношений: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2009. 26 с.

20. Астапова Т.Ю. Традиционные семейные ценности как направление совершенствования семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2023. № 3. С. 2 - 4.

21. Басаева К.Д. Семья и брак у бурят, вторая половина XIX - начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2002. 46 с.

22. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 4-6.

23. Глушкова А.Е. Роль современной российской семьи в формировании и сохранении социальных ценностей: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2011. 25 с.
24. Дюльдина Ж.Н. Формирование у юношей семейных ценностей в условиях поликультурной среды: на примере курсантов военного вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2010. 27 с.
25. Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 67–74.
26. Енчинов Э.В. Семейные ценности алтайцев: трансформация обычного права в современной культуре: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 27 с.
27. Завгородный Д.А. Семейные ценности и ориентации российской молодежи в условиях демографического кризиса: факторы влияния и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2014. 30 с.
28. Заярная М.В. Социально-педагогическое взаимодействие семьи и сельской школы по формированию семейных ценностей у подростков: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2023. 27 с.
29. Ильина О.Ю. "Непринципиальные" принципы семейного права и законодательства // Социально-юридическая тетрадь. 2020. № 10. С. 52–59.
30. Исрапилова З.А. Брак и семейно-бытовые обряды аварцев Андалала: традиции и инновации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002. 22 с.
31. Карцева Л.В. Семья в условиях трансформации российского общества: Теоретическая модель и эмпирическая реальность: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2001. 42 с.
32. Касаткина А.Ю. Семейные ценности в доктрине семейного права и семейного законодательства Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2020. № 1. С. 18–20.
33. Конева Н.С. Конституционализация традиционных ценностей: диалог общества и государства // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 17–19.
34. Королева Ю.Г. Актуализация ценностей семьи в жизненных планах студентов колледжа: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2008. 24 с.
35. Кузнецова О.А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в гражданском праве: от перечня к системе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 2 (4). С. 111–118.
36. Масленникова С.В., Матвеева М.В. Традиционные семейные ценности: конституционно-правовая интерпретация // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 12. С. 23–29.
37. Медведева Т.Н. Обычное семейное право хакасов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 28 с.
38. Мисиров Р.Б. Трансформация традиционных семейно-брачных ценностей в условиях современных социокультурных изменений: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нальчик, 2006. 20 с.
39. Немова О.А. Ценностные установки учащейся молодежи в контексте социокультурного потенциала семьи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2005. 29 с.

40. Нестеренко А.И. Динамика семейных ценностей: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2006. 28 с.

41. Николаев Н.Н. Типы семей в современном российском обществе: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2007. 22 с.

42. Нурудинова П.А. Современная семья и семейный быт даргинцев-переселенцев: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2010. 30 с.

43. Платонова А.А. Актуализация витагенного жизненного опыта семьи в воспитании у старшеклассников ценностного отношения к браку и семье: пед. наук. Екатеринбург, 2005. 23 с.

44. Попова В.В. Проблемы семейных ценностей в этико-философской перспективе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2012. 26 с.

45. Рудова Н.Е. Система воспитания ценностного отношения к материнству: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2009. 21 с.

46. Токмакова М.А. Методология исследования соотношения семейных и внесемейных ценностных ориентаций: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1999. 30 с.

47. Тучкова В.В. Государственная информационная политика в продвижении семейных ценностей в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013. 27 с.

48. Уварова В.А. Динамика системы семенных ценностей в российской культуре конца XX – начала XXI века: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д, 2004. 24 с.

49. Узик А.В. Ценностные ориентации и семейное поведение городского населения современной России на рубеже веков: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2009. 25 с.

50. Федулова А.Б. Семья и семейные ценности: философско-аксиологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2003. 24 с.

51. Фиошин А.В. Об основах формирования государственной политики по поддержке семей и сохранению традиционных семейных ценностей (или Концепция четырех «И») // Нотариус. 2022. № 6. С. 22–26.

52. Шевченко А.Н. Семья в условиях трансформации современного российского общества: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2011. 26 с.

53. Щенникова Л.В. Наследственное право на службе охраны традиционных семейных ценностей // Наследственное право. 2023. № 1. С. 2–5.

54. Якушев П.А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2021. 49 с.

55. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2023 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Шеставина» // СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3793.

56. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования

отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 2.

57. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 г. № 550-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Фокина Артема Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Кодекса административного судопроизводства, а также положениями федеральных законов "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации", "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" и "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию"» // СПС «КонсультантПлюс».

58. Постановление Верховного Суда РФ от 13.05.2021 г. № 58-АД21-7-К9 // СПС «КонсультантПлюс».

59. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 07.10.2015 № 46-АПГ15-39 // СПС «КонсультантПлюс».

60. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 8 (ред. от 03.03.2015 г.) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

61. Определение Верховного Суда РФ от 27.02.2013 г. № 46-АПГ13-2 // СПС «КонсультантПлюс».

62. Апелляционное определение Московского городского суда от 23.01.2024 г. № 33а-556/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

63. Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел (утв. Президиумом Верховного суда 08.12.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 2.

Об авторе:

КУЗНЕЦОВА Ольга Анатольевна – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса; ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», (614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15); профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России» (614012, г. Пермь, ул. Карпинского, 125), SPIN-код: 9888-8090, ORCID: 0000-0001-6880-5604, ResearcherID: D-1066-2016, e-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

THE CONCEPT AND TYPES OF FAMILY VALUES IN DISSERTATIONS AND THEIR MEANING IN LAW ENFORCEMENT

O.A. Kuznetsova

Perm State University;

Russia Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm

The article analyzes the main approaches to understanding the family values in dissertations in the social sciences and humanities. The family values are considered in the meanings of “the value of family and marriage”, “the values inherent in family life”, “the family values of spouses/ members of a particular family”. The dependence is shown of the family values on the kind and type of the family, as well as the correlation between family and non-family values, traditional and opposed family values. It is concluded that the lists of family values allocated in the social sciences are diverse and largely depend on the value attitudes of the researchers; and this prevents from uniform understanding of the values and effective law enforcement. It is proposed to develop an official list of family values recognized, supported and protected by the Russian state and society.

Keywords: *family values, traditional family values, non-family values, dissertations on family values, constitutional family values, protection of family values.*

About author:

KUZNETSOVA Olga – Doctor of Law, professor of Perm State University (614068, Perm, Bukireva st., 15), professor of Russia Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (614012, Perm, Karpinskogo st., 125), SPIN-code: 9888-8090, ORCID: 0000-0001-6880-5604, ResearcherID: D-1066-2016, e-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Кузнецова О.А. Понятие и виды семейных ценностей в диссертационных исследованиях и их значение для правоприменения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 126–141.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

В.В. Кулаков

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

В статье рассматриваются юридические процедуры в семейном праве. Проводится разграничение процедур в процессуальном и материальном праве. Определяется юридическая природа процедур в праве и их правовое значение. Устанавливается влияние публичного права на осуществление семейных прав с точки зрения юридических процедур.

Ключевые слова: юридические процедуры, межотраслевые связи семейного права, процедуры в семейном праве.

Известна классификация действий как юридических фактов на юридические акты и поступки в зависимости от волевого аспекта. Юридические акты (публично-правовые и частноправовые) предполагают совершение действий, которые свидетельствуют о намерении создать конкретные правовые последствия. Объединяет их то, что они совершаются в рамках определенной юридической процедуры.

Деятельность суда подчиняется строгой процессуальной форме, установленной процессуальными кодексами, деятельность государственных и муниципальных органов (должностных лиц) регулируется административными регламентами. Нарушение процессуальной формы и регламентов может повлечь отмену решения суда или недействительность соответствующего правового акта. Не исключением является и частное право. Например, динамика договора также сопряжена с необходимостью соблюдения достаточно жестких процедурных правил, пусть и не столь строгих, причем это свойственно не только для гражданско-правового, но и для трудового и семейно-правового договоров. В частном праве имеются и иные процедуры, требующие соблюдения, например, проведение общих собраний, конференций трудового коллектива, заключения/расторжения брака.

Значение юридических процедур трудно переоценить. Ритуалы, продолжением которых во многом являются современные юридические процедуры, вообще характерны для права. Об их значении говорил еще Конфуций: «...если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд и исправится» [12, с. 20–26]. С появлением письменности и писаных законов юридическая функция ритуала не утрачивает своей силы [6]. В начале развития гражданского права его процедуры были сложны. А.Я. Гуревич писал, что в раннее Средневековье к письменному документу большинство населения испытывало недоверие и не понимало его юридической природы. Поэтому наряду с составлением и вручением

грамоты по-прежнему практиковали старинные обычаи символического бросания или вручения горсти земли, дерна, ветви и т. п. [7, с. 184–198]. Особое значение ритуал имел в суде. Клятвам, ритуалам, ордалиям и поединкам верили больше, чем каким-либо вещественным доказательствам и уликам, ибо полагали, что в присяге раскрывается истина и торжественный акт не может быть выполнен вопреки воле Бога. Малейшее отклонение от раз и навсегда принятой формулы, несоблюдение всех обрядов означали одно: сбившийся с текста, нарушивший процедуру – не прав, и Бог не допускает, чтобы виновный выиграл тяжбу. Истина могла быть явлена только в совершенно четком и ничем не нарушенном формализме судебного процесса [7]. Естественно, что ритуалы более важны для права публичного, однако право частное исключением не является.

Развитие права показывает тенденцию к упрощению процедур, однако некая ритуальность предусмотренных законом процедур остается, хотя порой уже и излишняя. К примеру, непонятна роль рукоприкладчика, подпись которого удостоверяет нотариус, хотя и сам способен убедиться в действительности воли немощного лица, совершающего сделку.

Юридические процедуры позволяют обеспечить само существование права, преемственность его конструкций, понятий, легитимируют то или иное фактическое, политическое решение субъекта, способного сформулировать свою волю. Соответственно, нарушение ритуала, процедуры могут свидетельствовать об отсутствии правового последствия, желаемого этим субъектом.

Нужно напомнить, что есть межотраслевые связи между частным и публичным правом. Применительно к теме настоящей статьи отмечу следующее.

Если говорить о связях частного и публичного права, нужно иметь в виду, что есть нормы публичного права, во-первых, предназначенные для урегулирования исключительно публичных правоотношений (например, уплата налогов, выборы и т. п.); а во-вторых, вспомогательные к частному, поскольку их назначение заключается в урегулировании частных отношений, хотя в итоге предполагается достижение общего блага (публичный интерес). Это нормы о государственной регистрации, вводе объектов в гражданский оборот, государственных закупках, банкротстве, антимонопольные нормы. Они не имеют иного значения вне их связи с нормами чисто частноправовыми. Равным образом и семейные правоотношения, частноправовые по природе, «имеют» свои публично-правовые институты: регистрация актов гражданского состояния, процедуры усыновления и т. п. Значительная часть их, если не все, это нормы процедурные. Нарушение их и, соответственно, юридических процедур будет иметь негативное последствие для динамики частноправового отношения.

Для примера обращу внимание на процедуру заключения брака, основные положения о которой закреплены в ст. 11 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [1] и ст. 27 Федерального закона от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [2]. Закон устанавливает строгие правила о сроках, месте, личном присутствии и т. д., нарушение которых может повлечь отказ от регистрации брака. Закон предусматривает возможность торжественной регистрации брака. Соответствующие регламенты принимаются государственными органами субъектов Российской Федерации. Так, Порядком государственной регистрации заключения брака в торжественной обстановке отделами ЗАГС администраций городских округов и муниципальных районов Владимирской области, утв. приказом Министерства по организации мировых судей, органов ЗАГС и архивов Владимирской области от 04.12.2023 г. № 18-н, предусмотрена необходимость подтверждения согласия на заключение брака у лиц, вступающих в брак. Поэтому объясним отказ регистраторов в регистрации, если такие лица начинают шутливо или неопределенно отвечать на вопрос о желании вступить в брак: «нет... не могу сказать я...».

Говоря о связях внутри частного права, отмечу, что при всей самостоятельности предметов его отраслей их «генетическая» близость позволяет, во-первых, применять нормы, закрепленные в кодексах иной отраслевой направленности в качестве приема юридической техники (ст. 4 СК РФ), во-вторых, унифицировать правовое регулирование близких отношений (например, связанных с компенсацией морального вреда в трудовом, семейном, гражданском праве, условий действительности сделки, злоупотребления правом и т. д.). Исходя из этого, в силу ст. 4 СК РФ к договорным семейным правоотношениям применимы нормы о динамике договора: оферте, акцепте. В связи с этим видится оправданным подход О.Ю. Ильиной, утверждающей, что наличие общей цели, совместная деятельность членов семьи по ее достижению, решение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию позволяют сопоставить социально-правовую структуру семьи с конструкцией договора о совместной деятельности [8, с. 17].

Если говорить о природе юридической процедуры как разновидности правоприменительной деятельности, то, по С.С. Алексееву, акт, ее завещающий, должен рассматриваться как юридический факт [5, с. 363]. Особенность цивилистических процедур, в том числе заключения договора, состоит именно в порождении (изменении, прекращении), а не фиксации существующего юридического явления. Учитывая, что цель любой юридической

процедуры – это легитимация ее результата¹, нарушение процедуры может затруднить получение желаемого сторонами результата даже в отсутствие иных пороков в сделке. Например, запрет на свидетельские показания при нарушении письменной формы сделки явно не будет способствовать защите интересов кредитора.

В литературе выделяют очное и заочное участие в юридических процедурах [11, с. 188–196]. Применительно к договорным процедурам это выражается в заключении договора между присутствующими и отсутствующими. Различие этих порядков проявляется в первую очередь в разведении по времени оферты и акцепта, что позволяет определить, от кого исходит соответствующее предложение и, соответственно, применить способ толкования неясных договорных условий «против предложившего» (*contra proferentem*) [3, 4]. Безусловно, само заключение брака, который обладает признаками сделки, требует не только личного участия, но и совместного заявления в ЗАГС. Вместе с тем подать заявление о заключении брака в ЗАГС можно онлайн через портал госуслуг. Последовательность здесь примерно такая:

- один из партнеров через свою учетную запись оставляет заявку, в которой указывает контакты жениха или невесты (СНИЛС, дату рождения и e-mail);
- вторая сторона получает на электронную почту приглашение с активной ссылкой на общую анкету, которую нужно дозаполнить;
- в течение 24 часов нужно оплатить госпошлину и переслать заполненное заявление в ЗАГС (все так же через портал).

На первый взгляд, заявление подается совместное, однако первоначальная «заявка» исходит от одного из партнеров. Кроме того, сбой в информационной системе может привести к нарушению прав граждан.

Применительно к семейному праву проблема осложняется множественностью лиц на стороне супругов. Как правило, подписывает договор один из супругов, но в силу презумпции согласия последствия могут возникнуть и для второго. Известна проблема совместных долгов, особенно в банковской сфере, когда нужно доказать, что кредит по договору, заключенному одним из супругов, направляется на так называемые нужды семьи. Здесь надо обратить внимание на следующее. Пунктом 2 ст. 35 СК РФ, п. 2 ст. 253 Гражданского кодекса РФ установлена презумпция согласия супруга на действия другого супруга по распоряжению общим имуществом. Однако положения о том, что такое согласие (предполагается также в случае приобретения одним из супругов долговых обязательств), действующее законодательство не содержит. Напротив, в силу п. 1 ст. 45 СК РФ допускается существование

¹ На это обращает внимание Никлас Луман в своей работе «Легитимация через процедуру» [13].

у каждого из супругов собственных обязательств. Таким образом, в случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга (см., например: апелляционные определения Московского областного суда по делу № 33-4473/2013, по делу № 33-9430/2014, от 04.12.2012 г. по делу № 33-23836/12, апелляционное определение Московского городского суда от 10.10.2014 г. по делу № 33-24184).

Верховный Суд Российской Федерации по одному из дел обращал внимание, что супруга – не сторона договора поручительства, ее доля в общем имуществе будет выделена при обращении взыскания (определение ВС РФ от 21.12.2010 г. № 16-В10-24). В случае заключения одним из супругов кредитного договора (договора займа) или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга (см., например: определения ВС РФ от 17.01.2017 г. № 4-КГ16-67, от 13.12.2016 г. № 75-КГ16-12). По одному из дел суд, установив, что кредитный договор и договор купли-продажи транспортного средства заключены истцом в один день, оплата по договору купли-продажи и получение наличных денежных средств по кредитному договору также совершены в один день, пришел к выводу об отсутствии оснований полагать, что кредитные денежные средства, полученные истцом, не были потрачены на нужды семьи (апелляционное определение Московского городского суда от 06.09.2018 г. по делу № 33-35632/18). Проблема «общих» долгов супругом является весьма актуальной и находит внимание в науке [10, с. 34–41].

В заключение отмечу, что главным в правовом регулировании является обеспечение баланса интересов членов общества, соответственно, необходима выработка условий применения правовых норм в целях достижения такого разумного баланса [9, с. 174–185]. Справедливая процедура, наряду с учетом особенностей правового статуса субъектов и эквивалентности во взаимных отношениях, является одним из таких условий, и соответствующие юридические аспекты требуют дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 декабря 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Т.1. Свердловск, 1972. С. 363.

6. Бочаров В.В. Неписанный закон: Антропология права. Научное исследование: Учебное пособие. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 386 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://mydocx.ru/1-10984.html> (дата обращения: 10.04.2024).

7. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Искусство, 1984.

8. Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 14–17.

9. Кулаков В.В. Разумный баланс интересов как цель гражданско-правового регулирования // Российское правосудие. 2016. № 1. С. 174–185.

10. Пыхтин С.В. Судьба кредитных обязательств при разделе имущества супругов // Судья. 2019. № 8. С. 34–41.

11. Силантьева И.Р. Принцип заочности в позитивных юридических процедурах // Вестник гражданского процесса. 2014. № 1. С. 188–196.

12. Яркова Е.Н. История и методология юридической науки: учеб. пособие. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2015. 365 с.

13. Luhmann N. Legitimation durch Verfahren. Neuwied, 1969.

Об авторе:

КУЛАКОВ Владимир Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, ректор Российского государственного университета правосудия (г. Москва), SPIN-код: 8045-0882, AuthorID: 360159, e-mail: 79057327361@yandex.ru

LEGAL PROCEDURES IN FAMILY LAW

V.V. Kulakov

Russian State University of Justice, Moscow

The article discusses legal procedures in family law. A distinction is made between procedures in procedural and substantive law. The legal nature of procedures in law and their legal significance are determined. The influence of public law on the exercise of family rights in terms of legal procedures is established.

Keywords: *legal procedures, intersectoral relations of family law, procedures in family law.*

About author:

KULAKOV Vladimir – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law, Rector of the Russian State University of Justice (Moscow), SPIN-code: 8045-0882, AuthorID: 360159, e-mail: 79057327361@yandex.ru

Кулаков В.В. Юридические процедуры в семейном праве // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 142–148.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Г.А. Писарев

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», г. Псков

В статье поднимаются вопросы соответствия развития законодательства провозглашенным традиционным ценностям как базовой идее развития российского общества. Определено, что содержание отдельных традиционных ценностей (например, приоритет духовного над материальным) является достаточно новым для правовой системы и требует внесения изменений в ранее принятые нормативные правовые акты. Несмотря на общетеоретическое, а в отдельных случаях и общеправовое понимание ценностей, в системе права они находят собственное преломление, в том числе и в рамках отраслевых наук.

Ключевые слова: право, ценности, традиционные ценности, система права, правовой режим.

Ценности как важнейший вектор развития не только законодательства, но и, прежде всего, общества в целом всегда присутствовали в научной повестке. В условиях современных геополитических кризисов, возникновения новых угроз для суверенитета государства, его целостности, сохранения независимости проводимой политики актуальность рассмотрения ценностных ориентиров развития законодательства и правоприменительной практики возрастает. Значимость данных ориентиров определяется не узкой отраслевой задачей, а определением вектора развития всей правовой системы. «Современное право нередко оперирует такими категориями, как цели, ценности, приоритеты, имеющими в изначальном смысле не правовое, а скорее, философское либо социологическое содержание» [5, с. 41]. Смысл ценностного содержания для права был особенно замечен в советский период, когда марксистское учение стало не столько ориентиром для экономических преобразований, сколько ценностной базой, философской концепцией общественного развития. В постсоветский период идеологическая основа в развитии правовой системы была практически полностью утрачена. Вместо плюрализма экономических подходов, в общественном сознании укреплялся миф о безраздельном господстве рынка и его возможности для разрешения всех конфликтов и противоречий. Произошедшее осознание ошибочности данного подхода заставило вернуться к идеям ценностного, нематериального начала в общественной жизни. Однако право развивается не только исходя из идеологических предпосылок. Нельзя не

согласиться с позицией, что «философские определения ценностей, будучи “втянутыми” в дисциплинарное проблемное поле права, подвергаются существенной деформации и зачастую теряют первоначальное философское содержание, наполняясь юридическим» [6, с. 201]. Для сферы гражданского (частного) права таким ярким примером может выступать труд И.А. Покровского «Основные проблемы гражданского права», который, несмотря на почти вековое издание, сохраняет значимость заложенных в нем ценностных ориентиров [9, с. 142].

Для настоящего периода развития российского общества и права знаковым вектором стало принятие Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ Президента № 809). Какие ключевые моменты необходимо отметить, исходя из анализа данного документа?

Во-первых, это документ стратегического планирования для четко определенной сферы – национальной безопасности Российской Федерации. Можно сказать, что это документ верхнего уровня, т. к. он фактически определяет те значимые, конституционные ценности, на базе которых должно развиваться российское право.

Во-вторых, Указ Президента № 809 в п. 4 закрепляет понятие «традиционные ценности» как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, а в п. 5 дает перечисление таких ценностей: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Даже простое перечисление традиционных ценностей показывает, что большинство из них всегда были включены в сферу законодательного регулирования, причем не только гражданского права, но и иных отраслей. Например, такие ценности, как жизнь, достоинство, права человека защищаются различными правовыми инструментами. Но есть и новые ориентиры, такие как приоритет духовного над материальным. Считаем, что определение данного ценностного ориентира может существенно изменить содержание такого правового института, как компенсация морального вреда. С момента начала рыночных преобразований в этом институте материальное полностью «поглотило» духовную составляющую. Примеры публичных извинений, которыми в последнее время изобилует наша жизнь, в определенной

степени являются попыткой «возврата» к нематериальным основаниям компенсации причиненных нравственных страданий.

3. Определено отношение религии к заявленным традиционным ценностям. Признано, что «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» [1]. На наш взгляд, признание данного факта, учитывая многонациональный, многоконфессиональный порядок организации нашего общества, может привести к учету конфессиональных особенностей, в том числе в сфере семейного права, законодательства в области образования и др.

И последнее, Указ Президента № 809 определяет те угрозы, которые могут причинять вред традиционным ценностям. Это деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России. Речь идет об идеологическом и психологическом воздействии на граждан, что ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (деструктивная идеология), включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

Установление конкретных угроз станет и уже является базой для развития не только норм административного и уголовного права, но и вводимых ограничений для деятельности некоммерческих организаций. Представляется, что и нормы специальных законодательных актов будут пересмотрены с позиции определения ценностных ориентиров. Например, в части закрепления правового режима культурных ценностей. Несмотря на существование отдельного закона, в науке продолжают дискуссии. Например, предлагается рассматривать как эквивалентные понятия «культурные ценности» и «объекты культурного наследия» – для понимания содержания терминов приходится обращаться к другим, неюридическим дисциплинам. Но есть и другие точки зрения, что понятие «культурное наследие» шире по объему, чем понятие «культурные ценности» [7, с. 194]. В части определения понятия культурных ценностей, имеющих особое значение, требуется

соотнесение устанавливаемых правил с положениями Указа Президента № 809 [2]. Также необходимо уточнить содержание понятия права на личную культурную самобытность, введенную ст. 11 Основ законодательства Российской Федерации о культуре [4]. Названная норма связывает право на личную культурную самобытность с правом каждого человек иметь право на свободный выбор нравственных, эстетических и других ценностей, на защиту государством своей культурной самобытности. Требуется адекватное соотнесение данного права с провозглашенной целью защиты традиционных ценностей в российском обществе.

Показанные примеры позволяют сделать вывод о значимости введенного документа стратегического планирования. «Всякий правомерный закон должен содержать в себе определенную цель по охране тех или иных правозначимых, правомерных и правоохраняемых идей и ценностей: объектов, благ, наиболее социально важных правоотношений» [8, с. 18]. Но и правовая доктрина, не только закон, должны определять значимость тех или иных правовых конструкций и механизмов защиты прав, мер ответственности с позиции устанавливаемых традиционных ценностей. Задача юридической науки в этом направлении определена и вектором развития гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом [1]. Задача по объективному восприятию традиционных российских духовно-нравственных ценностей за рубежом определяется и содержанием доктринальных исследований, популяризацией юридической школы России в других странах.

Считаю необходимым обратить внимание на пример одного из решений Конституционного Суда РФ, которое одобрило сформулированные Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации), фактически являющиеся квинтэссенцией деятельности этого судебного органа [3].

Утвержден приоритет метода баланса защиты конституционно значимых ценностей (блага и принципы, прямо закрепленные в конституционном тексте, а также выявляемые в нем посредством конституционной интерпретации) посредством поддержания надлежащего соотношения между ними, вытекающая из провозглашения прав и свобод человека высшей ценностью, что обусловлено самой природой конституционного правосудия. Лишь обращение к методу баланса, применяемого в том числе в контексте аксиологического подхода, обеспечивает конституционно должное соотнесение частных и публичных интересов, выступающих основаниями ограничений прав и свобод. Именно метод баланса, позволяет преодолеть нормотворческие дефекты, а также системно связанные с данными дефекты правоприменения, когда конфликты конституционно значимых

интересов порождают ситуативные коллизии ценностей (личная свобода, социальная справедливость, публичное благо, право частной собственности и т. д.).

Последние годы показали, что следует определять приоритет защиты тех или иных ценностей, например, в виду угроз возникновения эпидемии. И суды вынуждены были формировать такие позиции, защищая вводимые ограничения и усиление публично-правового воздействия на общественные отношения, отстаивая, например, потребность в защите жизни и здоровья граждан как высшей конституционной ценности. При этом нельзя не отметить, что изменение баланса в пользу публично-правового регулирования, в том числе вводимое в условиях реальной угрозы жизни и здоровью граждан, должно иметь определенные ограничители. Прежде всего, связанные с временным характером вводимых ограничений, а также с безусловным, общепринятым пониманием значительности возможного ущерба базовым ценностям в случае отсутствия ограничений и запретов. Это налагает на субъекты, наделенные правом введения соответствующих ограничений, и правоохранительную и судебную системы, как область контроля законности вводимых временных правил, ответственность за объективную оценку и квалификацию общественных отношений, необходимость и умение руководствоваться этическими нормами в условиях отсутствия нормативных установлений.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 05.09.2022 г. № 611 (ред. от 17.10.2022 г.) «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 (ред. от 04.08.2023 г.) «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Основы законодательства Российской Федерации о культуре, утв. Верховным советом РФ 09.10.1992 г. № 3612-1 (ред. от 10.07.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

5. Ерофеев А.А. Ценности в современном конституционном праве Российской Федерации: теоретико-методологические подходы к определению понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 22 (123). С. 41–45.

6. Кочкаров Р.М. Генезис понятия ценности в праве // Kant. 2019. № 1 (30). С. 201–214.

7. Князькина А.К. Культурные ценности: что под ними понимается в международном и уголовном праве? // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2 (7). С. 192–198.

8. Мызникова Е.А. Цели в праве, правовые ценности и юридическая деятельность: проблемы соотношения // Юридические науки. 2011. № 1. С. 17–21.

9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М.: Статут, 2020. 351 с

Об авторе:

ПИСАРЕВ Георгий Анатольевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГОУ ВО «Псковский государственный университет» (Россия, 180000, г. Псков, ул. Ленина, д. 2), SPIN-код: 2881-2250, AuthorID: 975438, e-mail: gpisarev@mail.ru

VALUES AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

G.A. Pisarev

Pskov State University, Pskov

The article raises the issues of compliance of the development of legislation with the proclaimed traditional values as the basic idea of the development of Russian society. It is determined that the content of certain traditional values (for example, the priority of the spiritual over the material) is quite new to the legal system and requires changes to previously adopted normative legal acts. Despite the general theoretical, and in some cases the general philosophical understanding of values, they find their own refraction in the legal system, including within the framework of branch sciences.

Keywords: *law, values, traditional values, legal system, legal regime.*

About author:

PISAREV Georgy – PhD in Law, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Pskov State University (Russia, 180000, Pskov, Lenin str., 2), SPIN-code: 2881-2250, AuthorID: 975438, e-mail: gpisarev@mail.ru

Писарев Г.А. Ценности как основа формирования законодательства и правоприменительной практики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 149–154.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ЧАСТЬ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А.А. Серебрякова

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», г. Псков

В статье рассматриваются отдельные вопросы понимания традиций семьи, связь семейных традиций с традиционными семейными ценностями, а традиционных семейных ценностей с российскими духовно-нравственными и культурно-историческими ценностями. Автор высказывает мнение, что семейные традиции россиян можно условно разделить на три группы: светские, конфессиональные и национальные, индивидуальные, – и выражает надежду на возрождение и укрепление в России традиционных семейных ценностей.

Ключевые слова: семейные традиции, крепкая семья, традиционные семейные ценности.

В России 2024 г. объявлен Годом Семьи, и наряду с множеством приуроченных к этому мероприятий важным остается вопрос обращения к теме семейных ценностей и семейных традиций. Семья и семейные ценности – неразрывно связанные между собой понятия. При этом ценности потому и называются семейными, потому что они формируются в лоне семьи. Это родители и дети совместными усилиями создают общие семейные ценности. Но семья – это не только каждая отдельно взятая семья, это значимый социальный объект, предмет для исследований, являющийся малой частью большого целого, что представляет собой общество. В обществе сегодня бытуют радикальные представления о семье: и как об идеальной, даже идеалистической модели, и как о реалистичной и далеко не классической модели. Взгляд на семью может изменяться в зависимости от определенной позиции, с точки зрения которой мы приближаемся к пониманию семьи, но в любом случае это будет касаться того, как люди строят свои отношения и как устраивают личную жизнь, а также как вписывают себя в социум, какие социальные роли и правовые модели поведения выбирают. Рассматривая семью исключительно в правовом поле, т. е. с точки зрения прав и обязанностей, которые есть у ее членов, мы не можем пренебрегать неюридическими аспектами семейного устройства, поскольку они значительно влияют и на модель семьи. Взгляд на семью может представлять собой как взгляд изнутри, так и взгляд извне. С внутренней позиции – это понимание семьи самими членами семьи и приверженность при этом определенной уникальной модели, уклада, традиций данной конкретной семьи. С внешней позиции понятие семьи важно для социальных действий в отношении семьи со стороны

государственных и муниципальных органов, правоохранительных органов, выстраивания семейной политики, имплементированной в социокультурный и исторический контекст. Однозначно можно определить, что семья – это очень подвижное, не застывшее, живое явление, в том числе и с юридической точки зрения, как в масштабах одного государства, так и в межконтинентальных масштабах. При этом важно различать понятия семьи и брака. Брак заключается с целью создания семьи – именно такова законодательная коннотация. Но, как отмечает О.Ю. Ильина, объективное отсутствие критериев, позволяющих установить наличие или отсутствие такой цели, приводит к нарушению частных интересов лиц, заключающих брак [6, с. 204]. Мы, сами не акцентируя на том внимание, имеем в виду семью всегда не только как исключительно личное пространство, но и как социальное взаимодействие с государственными органами, медицинскими образовательными, социальными и иными организациями.

Право регулирует семью, законодательно определяя границы возможного регулирования, в остальном же, за пределами правового регулирования, семья – это совершенно самобытное явление. Не зря же говорят: чужая семья – потемки. При этом влияние воздействия жизни в определенной семье в начале жизни нередко и в течение всей жизни влияет на формирование индивидуальной жизненной траектории человека. Семья выполняет для общества две важнейшие функции: 1) социализацию подрастающего поколения с целью введения его в социум и подготовки к будущей взрослой жизни, 2) стабилизацию, «заземление» взрослых членов семьи в обстановке доверия, надежности, относительного постоянства или в поиске наиболее гармоничного для себя и для общества состояния [5, с. 274–275]. И с точки зрения семейных традиций в рамках первой функции речь может идти скорее о погружении в существующие семейные традиции, вовлечении, знакомстве с ними, а в рамках второй функции можно вести речь о формировании, закладывании новых традиций и особенностях поддержания и продолжения тех, которые уже сформированы.

09.11.2022 г. Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина были утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», которые определяют крепкую семью как значительную часть традиционных российских ценностей, нравственный ориентир, формирующий мировоззрение граждан России, передаваемое от поколения к поколению, лежащее в основе общероссийской гражданской идентичности [1].

Определены основные угрозы и риски, которым подвергается крепкая семья. Это деструктивная идеология, культивирующая вседозволенность, безнравственность и эгоизм, которые являются чуждыми российскому обществу, но насаждаются в нем различными

способами. Им должна противостоять «государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества» [1].

В области образования и воспитания внесены значительные изменения в действующее законодательство, уделено много внимания вопросам воспитания. В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ от «Об образовании в Российской Федерации» обязательным требованием образовательной программы в учебных заведениях является программа воспитания и календарный план воспитательной работы, представляющий собой перечень заблаговременно спланированных мероприятий воспитательного характера [3]. Образование в целом понимается как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, а воспитание – как целенаправленный процесс формирования гармонично развитой личности. Более того, Президент РФ неоднократно в последнее время заявлял, что к категории национальных целей нашей страны относит воспитание гармоничной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей. Укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений определены как основополагающий принцип и в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 (ред. от 01.07. 2014 г.) [2].

Таким образом, документы о развитии нашей страны во многом делают ставку в ее стратегическом развитии на институт семьи, основанной на традиционных ценностях. Фактически защита института традиционных брачно-семейных отношений, наполненных духовно-нравственным содержанием, декларирована как основа российского общества и сохранения страны. Достижение поставленных целей потребует вовлечения арсенала ряда гуманитарных наук, но, безусловно, одно из лидирующих положений должно занять частное право, как определяющее сущность семейных правоотношений с возможностью обеспечения реализации участниками семейных отношений своих прав и надлежащего исполнения обязанностей.

На кризисное положение института традиционной семьи указывают «уменьшение количества регистрируемых браков в сочетании с ростом количества внебрачных сожительств, увеличение случаев внебрачных рождений, повышение частоты разводов, тенденции малодетности и однодетности» [4, с. 6].

Формирование и защита крепкой семьи возможны на основе

традиционных семейных ценностей. Существуют различные взгляды на понимание семейных ценностей. В основе традиционных семейных ценностей могут быть заложены традиции каждой конкретной семьи. Семейные традиции подразумевают регулярно повторяющиеся действия членов семьи, направленные на ее укрепление и объединение внутрисемейных связей. Благодаря семье происходит трансляция культурных, этнических и нравственных ценностей. Семья обеспечивает физическую, экономическую и социальную безопасность, одновременно выступая инструментом социализации личности [8, с. 62]. По мнению Д. Медковой, семейные ценности «подразумевают совместную деятельность людей, объединенных отношениями супружества – родительства – родства, связанных общими интересами и потребностями» [9, с. 110]. Ячейка общества характеризуется базовыми ценностями, которые передаются из поколения в поколение и отражают особенности семейных отношений [10, с. 267]. Социологические исследования показали, что в семье в большинстве случаев досуг реализуется в форме встречи праздников, совместных путешествий, поездок на природу, на дачу. Забота о близких родственниках превалирует в перечне традиций ценностей рода. Респонденты указывали на традицию семейного чтения, что является важным времяпровождением для детей. Среди совместных увлечений современных семей превалируют рукоделие, настольные игры и кулинария...» [7, с. 209].

Важно также отметить традиции согласия в семье, дружбы. Там, где это сформировано с детства, где младшие уважают и ценят мнения и заслуги старших, но и старшие слышат аргументированную позицию младших, мы можем говорить о крепости устоев и подлинном присутствии семейных ценностей.

Семейные традиции жителей России можно было бы условно разделить на три группы. Это светские традиции, конфессиональные и национальные традиции и индивидуальные традиции конкретной семьи. Светские традиции – это празднование государственных праздников Российской Федерации, у нас таких немало – это и День народного единства 4 ноября, и Новый Год, и 8 марта, и 23 февраля, и 1 мая, и 9 мая, и 12 июня – задача семьи и общества погружать детей в традиции и знания об этих символах нашей страны, формировать, фиксировать и передавать – так будут создаваться традиции. Россия – многоконфессиональное и многонациональное государство. Потому важнейшее значение будут иметь как конфессиональные, так и национальные традиции (это тема для отдельного исследования и). Религиозные праздники дают представителям конфессий духовный подъем, укрепляют веру, позволяют продемонстрировать лучшие качества своего характера – терпимость, открытость, щедрость, гуманизм, уделить внимание изучению религии, а национальные –

ощутить сопричастность с людьми одной с тобой национальности, узнать больше об обычаях и традициях своего народа, его культуре. И третья группа традиций – это традиции конкретной семьи, в которой вполне может быть их переплетение, и через такое взаимное обогащение, принятие лучших, узнавание своего рода, происхождения, истории своей семьи, своих близких родственников – родителей и детей, братьев и сестер, дальних родственников, формирование чувства дома, чувства защищенности, доверия, надежности формируется защита от внешней агрессивной среды и состояние безопасности, комфортная психологическая обстановка, чувство стабильности и уверенности в завтрашнем дне, что особенно важно в наше непростое время.

Возрождаемые российские традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности составляют единую гармоничную систему норм неправового регулирования отношений в обществе. Семейные ценности представляют собой часть этой системы, оказывающую воздействие на формирование и защиту института семьи, а также определяющую нормы поведения членов семьи. Традиционные семейные ценности являются фундаментальными, могут варьироваться в социуме в зависимости, например, от вида вероисповедания, принадлежности к определенной конфессии, но в целом являются незыблемыми: «семья и семейственность – принадлежность к группе людей, объединенных родством; дети и репродуктивная функция семьи, как продолжение рода; род, родня и родственники как связь поколений, преемственность и наследие, передача определенных ценностей и благ по принципу родства».

В различные исторические периоды и в различных социально-экономических условиях традиционные ценности, содержащие в себе источник поведенческих запретов и ограничений личных свобод, подвергались ревизии, секвестрированию и секуляризации в угоду приоритетов поведенческой «эксцентричности» и личных прав, моды, политики, но сегодня мы находимся на этапе возрождения и укрепления в России традиционных семейных ценностей, как части значительной когорты близких нам традиционных духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351 (ред. от 01.07.2014 г.) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Бурина Е.А., Кудинова А.Е. Особенности современной российской семьи в условиях социально-исторических изменений института родительства // Вестник Минского университета. 2020. Т.8, № 1. С. 6.

5. Джейн Риббенс Маккарти, Розалинд Эдвардс. Исследования семьи основные понятия. Издательский дом ВШЭ. Москва. 2018. 343 с.

6. Ильина О.Ю. Заключение брака и цель создания семьи: несовпадение предполагаемого. Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 204–212.

7. Киселева Л.Г. Семейные традиции в современном обществе / Л.Г. Киселева, С.Н. Васильева, Михайлова И.В. [и др.] // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 4 (118). С. 209–212.

8. Лотова И.П. Системный подход к изучению семейных ценностей в современном российском обществе // Экономика, статистика и информатика. 2015. № 5. С. 62–66.

9. Медкова Д.В. Семейные ценности как объект социологического анализа // Ломоносовские чтения. 2003. Т. 2. С. 110–115.

10. Черникова В.Е., Мазаева Н.И. Динамика семейных ценностей: от традиционных до постсовременных // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Т. 8, № 1А. 10С. 267–275.

Об авторе:

СЕРЕБРЯКОВА Алла Аркадьевна – доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», SPIN-код: 1123-7018, e-mail: a.serebryakova@inbox.ru

FAMILY VALUES AS PART OF TRADITIONAL RUSSIAN SPIRITUAL AND MORAL VALUES

A.A. Serebryakova

Pskov State University, Pskov

The article discusses certain issues of understanding family traditions, the connection of family traditions with traditional family values, and traditional family values with Russian spiritual, moral and cultural-historical values. The author expresses the opinion that the family traditions of Russians can be divided into three groups: secular, confessional and national, and individual, and expresses hope for the revival and strengthening of traditional family values in Russia.

Keywords: *family traditions, strong family, traditional family values.*

About author:

SEREBRYAKOVA Alla – Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Vice-Rector for Academic Affairs of Pskov State University, SPIN code: 1123-7018, e-mail: a.serebryakova@inbox.ru

Серебрякова А.А. Семейные ценности как часть традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 155–160.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

ЦЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ И ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

О.А. Серова

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», г. Псков

Цель работы состоит в определении актуальных научных тематик для исследования категории «ценности» как объекта и предмета научного исследования в сфере права. Определен многозначный характер понятия «ценности», что предопределяет обоснованность использования системного подхода к выбору методологии исследования, а также ориентации ученых на анализ особенностей правового режима ценностей в той или иной сфере деятельности. Обоснована потребность в определении правового содержания понятия «научные ценности».

Ключевые слова: ценности, традиционные ценности, культурные ценности, научные ценности, предмет исследования, объект исследования.

Понятие «ценности» попало в самый центр дискуссии о развитии российского общества после принятия Президентом Российской Федерации Указа от 09.11.2022 г. № 809 [1] (далее – Указ № 809), где впервые на столь высоком уровне были обозначены ценности нашего государства и общества, определены основные задачи и способы их защиты.

Однако учитывая многозначность термина «ценности», различную интерпретацию применительно к сферам жизни и областям науки, нельзя не отметить, что исследования, связанные с анализом ценностных ориентиров, идут давно.

Основной отраслью права, в рамках которой осуществлялись научные исследования категории «ценности», является теория права. На переломе социально-экономических отношений, кардинальной смены правовой системы и доктрины, в целом правопонимания, значительное число диссертационных работ было связано с поиском ценностного ядра права [17, с. 19; 25, с. 5] и формированием ценностного подхода к самому праву, правовой норме как явлению [26, с. 9].

Немаловажную роль в формировании доктринального определения категории «ценности» сыграли и исследования в области конституционного права [20, с. 178; 21, с. 21]. Для построения независимого и суверенного государства требуется научное определение тех базовых ценностей, которые становятся основой конституционного правопорядка. При этом исследователи пришли к важным выводам, что конституционные ценности являются не только доктринальной категорией, но и инструментом выработки конституционно-правового

решения [21, с. 7]. Ценности и в других отраслевых науках могут выступать в аналогичных качествах, оказывая непосредственное влияние на изменение правоприменительной практики, обоснование выносимых судебных решений.

Многозначность термина «ценности» требует от ученого проведения четкой дифференциации изучаемого понятия и определения границ предмета исследования. Так, например, Указ № 809 определяет содержание понятия «традиционные ценности» в качестве нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, являющихся основой общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны (п. 4 Указа № 809). Такими традиционными ценностями признаются жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России (п. 5 Указа № 809). Несомненно, что часть из перечисленных явлений лежит за пределами правового регулирования. Однако при разрешении споров и применении положений отдельных норм гражданского законодательства доктринальная трактовка содержания отдельных видов традиционных ценностей будет иметь существенное значение. Например, при оценке оснований вводимых ограничений гражданских прав (п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)), определении пределов осуществления гражданских прав (ст. 10 ГК РФ), квалификации сделки в качестве недействительной на основании применения ст. 169 ГК РФ (недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности). Не менее значимым представляется изучение традиционных ценностей в науке семейного права [19, с. 68].

Особое внимание стоит обратить на положения п. 6 Указа № 809, где провозглашена, с одной стороны, особая роль православия в становлении и укреплении традиционных ценностей, а с другой стороны, признано, что христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии являются неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия. В данной области существенный интерес для исследователей представляют темы, связанные с исламским правом [16, с. 10; 18, с. 20; 27, с. 9]. Эта тема имеет важное практическое значение с позиции возможности внедрения новой формы инвестирования, рецепции финансового инструмента, показавшего свою эффективность в условиях системного, мирового финансового кризиса [22, с. 331; 23, с. 30]. Однако нельзя не отметить и сложность внедрения правовых инструментов, основанных на религиозных нормах и ценностях, в правовую систему

страны, которая длительное время развивалась в рамках светской традиции.

В начале 90-х гг. XX в. существенное внимание уделялось законодательному регулированию оборота культурных ценностей, осложненного открытием границ и свободным перемещением как граждан, так и материальных ценностей. Именно это родовое понятие ценностей наиболее системно отражено в действующем законодательстве с позиции особенностей правового режима. Под культурными ценностями понимаются движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение [7]. В 2023 г. произошли довольно существенные изменения нормативной базы в части регулирования вывоза и ввоза культурных ценностей [3]. Установлено требование о проведении экспертизы культурных ценностей. Экспертное заключение осуществляется экспертом по культурным ценностям с использованием своего личного кабинета посредством создания записи в реестре экспертных заключений. Все данные передаются в Государственную информационную систему в сфере сохранения культурных ценностей. Таким образом, правовой режим пользования и распоряжения объектами, относящимися к культурным ценностям, изменился и требует дополнительной оценки со стороны экспертного и научного сообщества.

Но понятие «культурные ценности» имеет и более широкое значение, которое было введено «Основами законодательства РФ о культуре». В этом значении под культурными ценностями понимаются нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты [9]. Это широкое обозначение понятия культурных ценностей в большей степени попадает под регуляторное воздействие Указа № 809, т. к. негативный опыт предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры и прочее разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности [2]. Соответственно, определенные ограничения могут вводиться в отношении реализации прав на те или иные объекты либо, напротив, могут быть предусмотрены дополнительные правовые механизмы государственной поддержки соответствующей деятельности. Например, внесены изменения в порядок реализации программы «Пушкинская карта» [10] в части

введения дополнительных требований к организациям культуры, задействованным в данной программе.

Особенности правового режима объектов, относящихся к культурным, историческим ценностям, представляют исследовательский интерес и по причине их видового многообразия, которое выводит подобные работы на междисциплинарный уровень. Как мы уже определили, в широком значении под культурными ценностями понимаются и нематериальные объекты, связанные с традициями, обычаями, и уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты [13]. В последние годы все чаще такие объекты рассматриваются с двух позиций. Во-первых, с точки зрения обеспечения охранного статуса как наличия особого правового режима объекта культурного наследия, его территории, определяющей требования государственной охраны, сохранения, использования и популяризации памятника истории и культуры. То есть здесь предметом исследования выступают публично-правовые отношения, связанные с признанием той или иной территории особым объектом культурного наследия. Вторым аспектом рассмотрения подобных объектов является изучение возможности и объема их вовлечения в гражданский оборот, т. к. хозяйственная эксплуатация является важной составляющей привлечения ресурсов для обеспечения охранной функции [28, с. 88]. Государственного финансирования становится недостаточно. В качестве примера можно привести особенности правового режима территорий национальных парков, который является, как правило, дифференцированным (заповедная, особо охраняемая, рекреационная зоны, зона хозяйственного назначения и зона традиционного экстенсивного природопользования коренных малочисленных народов РФ). Например, на национальный парк «Каталык» возлагаются не только задачи по сохранению природных комплексов, уникальных и эталонных природных участков и объектов, историко-культурных объектов, но и обеспечение экологического просвещения населения, а также создание условий для регулируемого туризма и отдыха [12]. Соответственно, подобные объекты, с учетом определения их к особо ценным предметам материального мира и природной среды, являются потенциально значимым предметом исследования в области науки предпринимательского права.

Анализ отражения в правовой системе объектов, наделенных ценностным содержанием и оценкой, позволил выявить новый предмет исследования – категорию «научные ценности». Понятие «научная ценность» встречается в положениях многих нормативных документов. Например, при обеспечении охраны участков недр, представляющих особую научную или культурную ценность [8], в отношении архивных объектов [4–6]. Кроме того, научные ценности отнесены к подвиду культурных ценностей, при этом мы солидарны с позицией А.В.

Лисаченко, что понятием «культурные ценности» не охватывается термин «научные ценности» [24, 25]. Они имеют различную природу, в том числе и с точки зрения правового режима. Тем не менее четкого определения, что понимается в праве под научными ценностями, нет. «Парадокс, что научные ценности как достижения науки игнорируются правом» [24, с. 31; 26, с. 24]. И действительно, в последнее время огромное значение уделяется развитию научно-технологических инноваций, что требует более детального рассмотрения содержания научных результатов с позиции права. Научная ценность может проявляться как характеристика иного объекта с позиции его ценности для науки. Д.В. Алехин, например, рассматривал научные ценности как правовую категорию в качестве «разработанной совокупности уникальных и незаменимых предметов материального мира, вовлеченных в рациональную познавательную деятельность людей или являющихся ее результатом, имеющих имущественно-стоимостный характер и отражающих наилучшие научные достижения человечества» [15, с. 24; 23, с. 26]. В этом случае, на наш взгляд, отсутствует недостаток осмысления юридических характеристик таких объектов с позиции различных отраслей права. Однако есть и иной подход к определению понятия «научные ценности». Именно о таком широком значении данной категории пишет А.В. Лисаченко [24, с. 32]. В этом случае трактовка научных ценностей имеет более расплывчатое, несистемное содержание, т. к. охватывает собой, прежде всего, процесс, деятельность, комплекс скоординированных мероприятий, а не конкретный объект – результат научной деятельности.

Основные проблемы введения в юридический оборот категории «научная ценность» состоят в следующем.

Во-первых, возможные характеристики этого явления и как объекта, и как процесса требуют дополнительного обоснования. Довольно яркий аналогичный пример можно найти в такой характеристике качества объекта, как «историческая ценность». Президиум Верховного Суда РФ верно указал, что «для признания предмета имеющим особую историческую ценность необходимо установить, что он обладает особой ценностью не по своей товарной стоимости, а в силу уникальности и важности для развития и преемственности исторической науки» [14]. Так же и для научной ценности объекта или какого-то процесса, деятельности, требуется обоснование уникальности и значимости для того или иного научного направления.

Во-вторых, в виду отсутствия тождества категории «научная ценность» с установленными правовыми режимами в отношении результатов интеллектуальной деятельности согласно ч. 4 ГК РФ законодатель вводит много оценочных терминов, позволяющих квалифицировать научную ценность в качестве таковой. Например, «важнейшие инновационные проекты государственного значения»,

«наилучшая доступная технология», «проекты-маяки», «технологическая инновация» [11] и др. Это требует комплексного подхода к определению характеристики научной ценности того или иного объекта, являющегося результатом деятельности субъектов в силу государственного задания, участия в грантовом конкурсе или проекте, а также в соответствии с условиями заключаемого договора.

В завершение хотелось бы отметить, что применительно к таким категориям, как культурные и научные ценности, особым предметом исследования может стать субъект, создающий или интерпретирующий соответствующие ценности. Научные и творческие работники не подпадают исключительно под действие трудового законодательства, соответственно, поле для изучения правового положения указанных лиц может быть довольно широким [29, с. 99].

Представленный анализ существующих подходов к определению правового содержания понятия «ценности» позволяет сделать вывод о значительном исследовательском потенциале этой тематики, в том числе в рамках междисциплинарной работы.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 24.07.2023 г. № 327-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О вывозе и ввозе культурных ценностей" и статью 11 Федерального закона "О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации"» // СЗ РФ. 2023. № 31 (часть I). Ст. 5753.
4. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ (ред. от 26.02.2024 г.) «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 22.10.2004 г. № 125-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об архивном деле в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 03.04.1995 г. № 40-ФЗ (ред. от 26.02.2024 г.) «О федеральной службе безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 (ред. от 04.08.2023 г.) «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Закон РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 (ред. от 25.12.2023 г.) «О недрах» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Основы законодательства Российской Федерации о культуре, утв. Верховным Советом РФ 09.10.1992 №3612-1 (ред. от 10.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Правительства РФ от 17.02.2024 г. № 181 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2021 г. № 1521» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

12. Приказ Минприроды России от 28.09.2020 г. № 741 «Об утверждении Положения о национальном парке “Кыталык”» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Письмо Минкультуры России от 28.02.2017 г. № 49-01.1-39-НМ «О направлении Методических рекомендаций по отнесению историко-культурных территорий к объектам культурного наследия в виде достопримечательного места» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 20.11.2002 г. № 803п2002пр // СПС «КонсультантПлюс».

15. Алехин Д.В. Расследование хищений научных ценностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.

16. Антипова А.С. Исламские ценности в гражданском обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Махачкала, 2008. 22 с.

17. Балаянц М.С. Фундаментальные правовые ценности современного общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.

18. Валько О.Ю. Институт брака в праве исламских государств: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 26 с.

19. Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3. С. 67–74.

20. Карасева И.А. Конкуренция конституционных ценностей в практике конституционного суда Российской Федерации и конституционных судов зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 244 с.

21. Ключко Е.И. Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике конституционной юстиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 15 с.

22. Кузнецова А.Н., Тенберга И. Гражданско-правовая форма мушарака как инструмент прямого участия исламского банка в капитале: ретроспективный анализ и современность // Правоведение. 2020. Т. 64. № 3. С. 326–351.

23. Лепехин И.А., Павлова П.О. Перспективы развития исламской ипотеки в России // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 1. С. 27–35.

24. Лисаченко А.В. «Научные ценности» как надинституциональная категория // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 4. С. 28–33.

25. Мишина И.Д. Нравственные ценности в праве.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 200 с.

26. Мороз Е.Н. Правовая норма как ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 30 с.

27. Новикова Р.Г. Теоретические основы правового регулирования финансовых отношений в исламском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 30 с.

28. Писарев Г.А. Природные ресурсы как объекты гражданского оборота // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 86–89.

29. Серова О.А. Субъекты научно-исследовательской деятельности: от традиционных представлений к гражданской науке // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3. С. 98–103.

Об авторе:

СЕРОВА Ольга Александровна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, первый проректор ФГОУ ВО «Псковский государственный университет», (Россия, 180000, г. Псков, ул. Ленина, д.2), SPIN-код: 5714-4754, AutorID: 638653, ORSID: 0000-0003-4113-7399, ResearcherID I-7706-2016, e-mail: olgaserova1974@mail.ru

VALUES AS A SUBJECT AND OBJECT OF RESEARCH IN PRIVATE LAW

O.A. Serova

Pskov State University, Pskov

The purpose of the work is to identify relevant scientific topics for the study of the category of "values" as an object and subject of scientific research in the field of law. The ambiguous nature of the concept of "values" is determined, which determines the validity of using a systematic approach to choosing a research methodology, as well as the orientation of scientists to analyze the features of the legal regime of values in a particular field of activity. The need to define the legal content of the concept of "scientific values" is justified.

Keywords: *values, traditional values, cultural values, scientific values, subject of research, object of research.*

About author:

SEROVA Olga – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, First Vice-rector of the Pskov State University, (Russia, 180000, Pskov, Lenin str., 2), SPIN-code: 5714-4754, AutorID: 638653, ORSID: 0000-0003-4113-7399, ResearcherID I-7706-2016, e-mail: olgaserova1974@mail.ru

Серова О.А. Ценности как предмет и объект исследования в частном праве // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 161–168.

Статья поступила в редакцию 12.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

О СЕМЕЙНО-ЦЕННОСТНЫХ ПРАВОВЫХ ОРИЕНТИРАХ В РЕПРОДУКТИВНОЙ СФЕРЕ

Н.Н. Тарусина

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

Конституционные поправки о традиционных семейных ценностях, новеллы российского семейного и медицинского законодательства, тенденции судебной практики свидетельствуют о не вполне удовлетворительных нормативно-правовых решениях в репродуктивной сфере. В институте брака в «темной нише» остаются отдельные вариации заблуждения в субъекте как основания признания семейного союза недействительным (сокрытие фактов смены пола, нетрадиционной ориентации, бесплодия), а также предложение об учете позиции супруга в вопросе сохранения беременности. В институте материнства и отцовства фиксируются отсутствие реакции закона на однополое родительство, возникшее после смены пола в браке, а также неэффективность норм, регулирующих отношения в сфере суррогатного материнства, в частности противоречивость позиции высших судов по вопросу применения конструкции согласия суррогатной матери на запись отцовства/материнства генетических родителей, а также запрета участия в программе суррогатного материнства одинокого мужчины.

Ключевые слова: супружество, биомедицинские аспекты, материнство и отцовство, репродуктивный выбор, репродуктивные технологии, исключения из гендерного равенства.

В 2020 г. получили новый энергетический заряд и итоговое конституционно-правовое оформление традиционные семейные ценности, а в течение 2023 г. их идеология стала доминирующей в российском обществе, активно востребованной в законотворческой и правоприменительной деятельности, а также одним из ключевых ориентиров правовой доктрины. Конституционные поправки 2020 г., с идеологической и формально-юридической точек зрения, уточнив и расширив представление о должном и ценностном в институтах брака, семьи, родительства и детства, с одной стороны, явным образом ограничили «русло» законопроектных и околзаконопроектных «фантазий», а также существенно ослабили энергетику «либерально-западного» вектора в доктринальных дискуссиях (в которых еще недавно пробивали себе дорогу идеи о семейных партнерствах и гендерном разнообразии в правоотношениях родителей и детей, что нами активно и неукоснительно критиковалось [14, с. 35–38]). С другой стороны, они усилили общественную потребность в соответствующей корректировке законодательства – в части правового регулирования отношений с

семейными и гендерными элементами, что с очевидностью предполагает актуализированное теоретико-прикладное осмысление данной проблематики [2, 8]. Среди всего ее «букета» особое место занимают семейно-правовые аспекты – в силу как специфики семейных отношений, так и их базисного значения для общественной жизни и государственной политики. А внутри них (а также и вовне – по линии взаимодействия семейного и медицинского законов) – вопросы нормативно-правовой и правоприменительной оптимизации отношений, связанных с репродуктивной функцией – как непосредственно, так и опосредованно, в пространстве как классики, так и современных вызовов.

В институте брака к числу первых относится условие об уведомлении брачующихся сторон о состоянии своего здоровья (несмотря на важность этого требования, оно по-прежнему имеет диспозитивную природу норм ч. 1–2 ст. 15 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ)) и закрепляет в качестве основания признания брака недействительным лишь факты сокрытия ряда заболеваний (правило ч. 3 ст. 15 СК РФ). При этом отсутствует правовая определенность в вопросе о квалификации в аналогичном качестве ряда других обстоятельств, весьма значимых и для семейного, и для общественного благополучия: 1) неинформирование второй стороны о факте нетрадиционной сексуальной ориентации (а подобная личностная характеристика может иметь принципиальное значение, особенно для воцерковленных граждан); 2) сокрытие факта смены пола до брака (значение – аналогичное первому); 3) заведомое введение супруга (жениха) в заблуждение относительно способности к деторождению (в то время как при обсуждении будущности данного семейного союза вопрос о детях поднимался как «безусловный к исполнению»). Разумеется, означенные ситуации должны оцениваться в диспозитивном режиме, предполагать инициативу добросовестного субъекта и судебское усмотрение (последнее в принципе является нормой-доминантой для разрешения семейных дел, судьба которых определяется, как правило, с помощью ситуационных норм). С одной стороны, казалось бы, в расширении оснований признания брака недействительным за счет указанных сугубо личностных обстоятельств очевидного резона нет, ибо возможен запуск прекращения супружества через бракоразводную процедуру. Однако, с другой стороны, означенные действия отнюдь не относятся к этически (и юридически) оправданным, следовательно, требуют социально-правовой оценки. При этом обращение к нормам ст. 178 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), ввиду отсутствия конкретной нормы в СК РФ (в предписании ч. 1 ст. 28 имеется лишь «дымчатое» упоминание о заблуждении/обмане), предусматривает возможность опереться на критерий, позволяющий, пусть и в рамках усмотренческого толкования, квалифицировать любую из перечисленных характеристик как юридически значимую: сделка может быть признана недействительной,

если заблуждение было настолько существенным, что сторона, узнав о действительном положении дел и оценив его, от заключения соглашения отказалась бы; в частности, заблуждение может быть в отношении второго его участника (ч. 1 и п. 4 ч. 2 ст. 178 ГК РФ). При разрешении подобного конфликта суд, кроме норм ст. 28 СК РФ и ст. 178 ГК РФ, должен руководствоваться нормой ст. 4 СК РФ о правилах субсидиарного применения к отношениям рассматриваемого типа гражданского законодательства и, соответственно, началами семейного закона (ст. 1 СК РФ), которые позволяют оценить балансировку норм ст. 178 ГК РФ с сущностью и целями супружеского союза, а также с конкретными обстоятельствами семейного конфликта [15].

Что касается юридической судьбы факта смены пола в браке, то законодатель, после конституционной поправки о браке как союзе мужчины и женщины (п. «ж¹» ст. 72), многолетней дискуссии по данному вопросу в доктрине и законотворческой среде, в медицинско-правовом смысле, по сути, ввел запрет на смену пола (допустив лишь ряд исключений), а в семейно-правовом – предусмотрел обсуждаемый факт в качестве самостоятельного («автоматически» применяемого) основания прекращения супружеского союза (ч. 1 ст. 16 СК РФ) – в то время как до означенной новеллы дискутировались и другие вариации, включая не только применение конструкции недействительности, но даже возможность сохранения status quo (что, кстати, причислялось нами к элементам идеологии «пятой колонны» в российском брачном пространстве [11]).

Институт родительства также изобилует различными вариациями с медицинскими акцентами – от юридического значения психического состояния родителя или иного состояния его здоровья (при ограничении родительских прав, разрешении спора о месте проживания ребенка и общении с ним) до родительства в рамках программы суррогатного материнства [10]. Значительная часть вариаций, с большим или меньшим успехом, законом урегулирована. Однако имеются и абсолютно «темные ниши», куда свет законодательства (и даже системного правоприменения) пока не проник. Так, смена пола одним из родителей (осуществленная еще до соответствующего запрета¹), в том числе и состоящего в браке, не порождает ясных правовых последствий относительно родительского статуса – в итоге у ребенка, несмотря на официальные заявления высших должностных лиц российского государства, появляются мама/папа–2 (пусть и без изменений в свидетельстве о рождении, хотя по данному вопросу имеются и предложения иного порядка). До суда подобные ситуации доходят крайне редко. В частности, нам известен случай лишения родительских

¹ При этом соответствующие интересанты могут воспользоваться технологий «зарубежного туризма».

прав «мамы–2», где в качестве основания было принято негативное влияние данного «модифицированного» родителя на психику ребенка [10].

В доктрине остается непроясненным вопрос о том, во всех ли ситуациях такое воздействие очевидно, – и ни правоприменитель (например, в лице высшей судебной инстанции), ни законодатель вариантов подхода к решению данной проблемы не предлагают. Между тем ситуации с возникшим однополым родительством могут существенно различаться, как, впрочем, и все категории семейных дел, поскольку личностный фактор в них играет в конфликтных правоотношениях неимущественного характера доминирующую роль. Так, кроме виновного поведения, не исключается невиновное, которое объективно наносит вред психике ребенка. В этом случае суд вправе применить ограничение родительских прав.

Именно в связи с разнообразием ситуаций (да и «тонкости» проблемы) в доктрине сформировались несколько позиций. Одна из них строится на избыточно акцентированном принципе «подвергай все сомнению» и широком спектре законодательного, и судейского усмотрения, а значит, предполагает, во-первых, внесение изменений в запись свидетельства о рождении (с заменой прежней или в виде последовательной двойной: был папой – стал мамой и наоборот) [3, с. 6]), во-вторых, собственно как следствие либерального подхода к изменению актовой записи, – допущение мамы/папы–2 к воспитанию ребенка (сохранение алиментных обязательств не оспаривается). Другая позиция, напротив, основывается на гипотезе о заведомом (виновном или невиновном) причинении таким родителем вреда психическому и нравственному строю личности ребенка и, следовательно, необходимости отстранения от общения (способом ограничения родительских прав) [7, с. 226–228]; добавим: либо их лишения – при виновном поведении родителя обсуждаемого типа. Полагаем, что к подобным жизненным вариациям вполне уместна аналогия с ограничением усыновления/удочерения однополыми брачными партнерами (п. 13 ч. 1 ст. 127 СК РФ) – в качестве аргумента институционального порядка. Закрепление же идеи о сохранении и защите традиционных семейных ценностей в конституционном и федеральном законодательстве относится к аргументам порядка фундаментального. И оба типа аргументации позволяют, как бы методологически и практически жестко это ни казалось, присуждать «победу в споре» второй позиции – за явным преимуществом на «ринге» логики закона и ценностных ориентиров.

Весьма запутанной оказывается и проблема свободы репродуктивного выбора – в браке и вне его. При этом возникает несколько коллизий интересов. Первая: неприменимость конструкции согласия мужа на сохранение/прерывание беременности. Полагаем, что

предположение о ее внедрении в закон неприемлемо и не может быть аргументировано ссылкой на принцип гендерного равенства: изъятия из данных постулатов вполне обширны (в семейном, трудовом, уголовном праве и т. д.) и, как правило, не менее обоснованы [9; 16], а право женщины распоряжаться своим телом может быть ограничено лишь в порядке особого исключения, а не общего правила. Аналогичная констатация справедлива и для внебрачного родительства. Между тем следует заметить, что в доктрине высказана весьма удручающая точка зрения: если женщина сохранила беременность и родила внебрачного ребенка, не согласовав свои действия с партнером, и отцовство было установлено в судебном порядке, т. е. принудительно, то мужчина должен быть освобожден от обязательств за судьбу малыша [4]. Подобная позиция, на наш взгляд, не отвечает ценностным семейным ориентирам, в ней заложен очевидный крен в сторону цивилистической методологии – принципа «do ut des» [12], который может применяться в семейно-правовой сфере в весьма ограниченном режиме и масштабе. В доктрине также обращается внимание на попытки региональных законодателей предусмотреть ответственность за «склонение к аборту» – как не до конца продуманные, в том числе в контексте права мужа на свободу репродуктивного выбора (хотя и не предполагающего, его согласия на деторождение, но допускающего обсуждение данного важнейшего вопроса в кругу семьи) [5]. Вторая: неполная определенность судьбы ребенка, рожденного в рамках программы суррогатного материнства. Так, новейшие дополнения ст. 51 СК РФ, безусловно, полезны и своевременны. Однако в доктрине отмечается недопустимость объединения в норме п. 6 двух принципиально различных оснований – прекращения брака и признания его недействительным (в том числе как фиктивного – с целью получения права на участие в означенной программе) в качестве оснований модификации правила о родительстве ребенка, рожденного суррогатной матерью [5].

В первом и втором типах отношений стала уже классической тема о преимущественном праве суррогатной матери на родительство рожденного ею ребенка – через конструкцию согласия на запись в качестве родителей «заказчиков». Мы неоднократно к ней обращались в своих трудах и подчеркивали, во-первых, избыточный либерализм позиции Верховного Суда РФ по данному вопросу (например, Суд, наряду с фактом злоупотребления правом со стороны суррогатной матери, рекомендовал принимать за основу судебного решения об удовлетворении иска генетических родителей содержание договора суррогатного материнства, что явно «выпадает из обоймы» установленных правовых смыслов) и, во-вторых, противоречивость правовой позиции Конституционного Суда РФ (признав в одном из своих определений (2012 г.) норму ч. 4 ст. 51 СК РФ соответствующей духу

Конституции РФ, он в другом своем определении (2018 г.) адресовал суды к упомянутой правовой позиции Верховного Суда, что, среди прочего, вызвало к жизни особые мнения конституционных судей, в том числе содержащие упрек в легитимации незаконной судебной практики). Поскольку подробный анализ проблемы предложен нами в других своих работах – и он обширен в своей аргументации, предпочитаем в данной статье адресацию именно к ним [13]. Отметим лишь, что весьма критически относимся к правовым позициям высших судов по данному вопросу и не разделяем призыва «перевернуть пирамиду» в пользу генетических родителей, не исключая, однако, перевода нормы ч. 4 ст. 51 СК РФ с императивных на диспозитивные «рельсы» судейского усмотрения – для справедливого учета интересов ребенка и обеих сторон конфликта.

Не столь классическим, но остро дискуссионным является вопрос о праве одинокого мужчины на участие в рассматриваемой программе. Как известно, несмотря на активное продвижение в доктрине и молчаливое смирение с нарушением соответствующего запрета судебной практики [13], российский законодатель в новейших изменениях медицинского закона не включил означенного субъекта в число участников правоотношений по суррогатному материнству. На аргументы о дискриминации в доктрине справедливо, на наш взгляд, подчеркивается, что сомнительность института суррогатного материнства (оно не разрешено или жестко ограничено в большинстве стран) как своеобразной вариации «узаконенной торговли детьми» может быть преодолена лишь конституционно-демографическими соображениями и не предполагает расширения сферы его применения [6, с. 143; 12]. Тем не менее не только в теории права (это – полбеда), но и в практике, как мы уже отметили, высших судов наблюдается тенденция «всепрощения» соответствующей активности одинокого мужчины. С одной стороны, когда факт отцовства уже состоялся, суды, дабы не обрекать ребенка на «юридическое сиротство», вынуждены в интересах ребенка положительно реагировать на заявления о записи отцовства [12]. С другой стороны – налицо нарушение закона. И возможным способом его превенции была бы жесткая административная реакция в форме отзыва лицензии медицинского учреждения (не исключены и высокие штрафы¹). Что касается «суррогатного туризма» мужчин, то это скорее вопрос к зарубежному законодателю, а также внутреннему нравственному чувству таких «туристов». Если же мужчина обходит запрет заключением фиктивного брака, то в рамках действующего семейного закона правовые последствия признания этого «брака»

¹ Мы не разделяем скепсиса о неэффективности данной меры. Например, будучи автолюбителем, наблюдаем обратную картину, особенно в вопросе пропуска пешехода на «зебре».

недействительным, как известно, на статус ребенка не распространяются (ч. 3 ст. 30 СК РФ). При этом нормы п. 6 ст. 51 и ч. 3 ст. 30 СК РФ между собой не согласованы, аспекты недобросовестности не составляют системы, а признание фиктивного союза недействительным после его расторжения не предусмотрено (ч. 4 ст. 29 СК РФ). Подобная странность справедливо критикуется в доктрине – применительно к фиктивности супружества в целом, на основе любой мотивации [5]. Все это в совокупности, по сути, мотивирует одинокого мужчину использовать конструкцию фиктивности. Значит, необходимо искать вариант разумной правовой реакции на подобные действия – обычная схема правовых последствий здесь вряд ли допустима.

Изложенное позволяет констатировать, что правовые основания применения современных репродуктивных технологий, а также биомедицинских в целом, и их правовые последствия либо находятся в пространстве неопределенности, «вращивают» разнообразные «ростки» доктринальных дискуссий, либо провоцируют коллизии между законом, юридической практикой и ценностными семейными ориентирами российского общества. В Год Семьи хотелось бы не только активизации дискуссионной энергетики по означенной проблематике, но и запуска системной законопроектной деятельности – в духе и смыслах, диктуемых конституционными поправками и потребностями российского общества.

Список литературы

1. Богданова Е.Е., Белова Д.А. Искусственная репродукция человека: поиск оптимальной модели правового регулирования. М.: Проспект, 2021. 216 с.
2. Богданова Е.Е., Малейна М.Н., Ксенофонтова Д.С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // *Lex Russica (Русский закон)*. 2020. Т. 73. № 5 (162). С. 129–142.
3. Горская Е.Ю. Правовые проблемы изменения пола в Российской Федерации // *Семейное и жилищное право*. 2015. № 4. С. 3–6.
4. Иванов А.А. Переосмысливая отношения между родителями и детьми // *Закон*. 2023. № 2. С. 110–119.
5. Ильина О.Ю. Двойная сплошная, или к вопросу о свободе репродуктивного выбора супругов // *Семейное и жилищное право*. 2024. № 3. С. 5–8.
6. Красс В.И. Репродуктивные права и притязания // *Очерки по правовым вопросам в сфере медицины: монография / под общ.ред. Л. В. Тумановой*. М.: Проспект, 2023. С. 136–143.
7. Савельева Д.К. Смена пола одним из родителей: некоторые правовые вопросы // *Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета*. 2020. № 2 (17). С. 221–228.
8. Современное биомедицинское право / Г. Б. Романовский и др. М.: Проспект, 2023. 480 с.
9. Тарусина Н.Н. Мужчина в пространстве семейного права: от справедливой дифференциации статуса до дискриминации // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2023. № 1. С. 46–51.

10. Тарусина Н.Н. Несколько тезисов о родительстве, осложненном особыми обстоятельствами // Семейное и жилищное право. 2023. № 6. С. 9–12.

11. Тарусина Н.Н. О новом концепте брака, или «пятой колонне» в брачном пространстве // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 2 (28). С. 48–52.

12. Тарусина Н.Н. О нравственных конструктах в ценностном ряду российского семейного закона // Демидовский юридический журнал. 2023. Том 13, № 1. С. 58–73.

13. Тарусина Н.Н. О правотворческом и коллизионном смысле правовых позиций высших судов РФ (на примере семейных дел) // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13, № 2. С. 95–109.

14. Тарусина Н.Н. Семейные ценности под эгидой права: новое в традиции и традиция в новом // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 1. С. 33–52.

15. Тарусина Н.Н. Субсидиарное применение правовых норм: цивилистические этюды // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 2 (66). С. 44–52.

16. Women in the Domain of Law in Russia: Emancipation and Counter-Emancipation / N.N. Tarusina, A.V. Ivanchin, E.A. Isaeva [et al.] // Kutafin Law Review. 2022. Vol. 9, No. 4. P. 740-773.

Об авторе:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», заслуженный юрист РФ, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

ON FAMILY-VALUE LEGAL GUIDELINES IN THE REPRODUCTIVE SPHERE

N.N. Tarusina

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

Constitutional amendments on traditional family values, novelties of Russian family and medical legislation, trends in judicial practice indicate not entirely satisfactory regulatory and legal solutions in the reproductive sphere. In the institution of marriage in the "dark niche" there remain separate variations of misconception in the subject as the grounds for invalidating the family union (concealment of the facts of sex change, non-traditional orientation, infertility), as well as a proposal to take into account the position of the spouse in the issue of maintaining pregnancy. The Institute of Motherhood and Fatherhood records the lack of reaction of the law to same-sex parenthood that arose after a sex change in marriage, as well as the ineffectiveness of the norms governing relations in the field of surrogacy, in particular, the contradictory position of the higher courts on the application of the surrogate mother's consent to record paternity/maternity of genetic parents, as well as the prohibition of participation in the "single man" surrogacy program.

Keywords: *matrimony, biomedical aspects, motherhood and fatherhood, reproductive choice, reproductive technologies, exceptions to gender equality.*

About author:

TARUSINA Nadezhda – PhD in Law, Professor, Head of the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Honored Lawyer of the RF, SPIN-code: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Тарусина Н.Н. О семейно-ценностных правовых ориентирах в репродуктивной сфере // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 169–177.

Статья поступила в редакцию 09.04.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Обращается внимание на необходимость установления баланса между потенциальным конфликтом интересов и семейными ценностями. Этот проблемный вопрос заслуживает тщательного изучения, приведены лишь некоторые ситуации, которые показывают, что должен быть разумный подход к пониманию конфликта интересов, чтобы это не оказывало негативного отношения на семейные отношения, а тем более не влекло разрушение семей. Семейными ценностями являются возможность передачи своего профессионального опыта и совместная работа членов семьи, но это практически невозможно для судей и работников правоохранительных органов. Выбор бывает очень нелегким: уехать в другой регион или выбрать другую сферу деятельности. Есть у проблемы и другая сторона, когда для судьи приоритетным становится интерес членов семьи и он пренебрегает своим долгом. Баланс частных и публичных интересов является общеправовой проблемой, а необходимость установления баланса между нормами о конфликте интересов и семейными ценностями является одной из составляющих общей проблемы.

Ключевые слова: конфликт интересов, семья, семейные ценности, члены семьи, статус судьи, отводы, качества судьи, баланс интересов.

В год семьи очень важно понять, что такое семья в современном мире и те традиционные семейные ценности, на которых она основана. Сегодня семью в патриархальном понимании этого слова – как совместное проживание нескольких поколений – встретить практически невозможно. Но ведь родственные отношения зависят отнюдь не от того, проживают ли все члены семьи вместе, тем более, жизнь доказывает, что в большинстве случаев совместное проживание неизбежно порождает конфликты. А стоит членам семьи обрести возможность обустроить жизнь по своим личным правилам, отношения с родными и близкими становятся значительно лучше. Это в определенной степени закреплено и законодательно. «Уважение частной и семейной жизни можно считать центром “галактики прав человека”». Все основные права и свободы человека в той или иной мере обусловлены личной и семейной жизнью человека» [5, с. 83]. А это означает, что даже близкие родственники не должны вторгаться в пределы частной жизни других членов семьи. Такое правило, как ни покажется странным, является одной из основных семейных ценностей. Отношения членов семьи, можно сказать, должны основываться на международных принципах «невмешательства в дела других» и вместе с тем «обеспечения коллективной безопасности».

Взаимная забота и поддержка членов семьи во многом имеет морально- нравственные основы, а самые значимые вопросы, касающиеся материальной поддержки несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи, урегулированы правом. Но к правовым нормам нет нужды обращаться, если отношения отвечают понятию «семейные», материальная и моральная поддержка является абсолютно естественной. А когда члены семьи начинают между собой тяжбы, то становится понятным, что семьи и не было, а была только ее видимость до определенного момента. Хорошо, если такая распря является как бы «затмением» и найдется кто-то, кто скажет, что семья дороже. Но иногда конфликт среди родных и близких возникает не по имущественным вопросам, а в силу определенных обстоятельств, обусловленных иными причинами, имеющими правовую основу.

Одна из таких возможных и довольно часто встречающихся ситуаций связана с нормами законов, направленных на противодействие коррупции. Ключевым понятием всех этих законов является определение конфликта интересов как ситуации, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) влияет или может повлиять на ненадлежащее исполнение должностных обязанностей и при которой возникает или может возникнуть противоречие между личной заинтересованностью и правами и интересами других субъектов и государства и способно причинить им вред [3]. Анализ различных ситуаций возможного конфликта интересов в большинстве случаев является понятным и даже бесспорным, например получение подарков и услуг государственными служащими, использование служебной информации в личных целях. Причем иногда развитие конфликта интереса как раз и обусловлено взаимодействием членов семьи, когда выгодоприобретателем от неправомερных действий становится не сам государственный служащий, а кто-то из членов его семьи. Учитывая, что супруги и несовершеннолетние дети находятся в финансовом отношении под таким же контролем, как и сам госслужащий, то это могут быть лица, связанные более отдаленным родством и свойством. И это тот случай, когда семья оказывает поддержку в неправомερных действиях и выступает уже определенным отрицательным фактором, что усугубляется, если и своего рода подстрекателем становится кто-то из членов семьи. Но все-таки смущает слишком широкое понятие конфликта интересов и использование в законе формулировки «может».

И это связано прежде всего с вопросами семьи и семейных ценностей. Традиционно еще с давних времен были, условно говоря, «рабочие династии», и сейчас мы гордимся династиями врачей, научных работников, но как только возникает вопрос о династии судей, прокуроров, служащих в МВД, сразу возникают вопросы, что такая династия в пределах одного региона может привести к конфликту интересов.

Приведем примеры, которые взяты из реальной жизни, но рассмотрим их как обобщающие. В маленьком муниципальном отделе полиции возникла молодая семья: жена – следователь, муж – сотрудник уголовного розыска. Что может быть лучше для провинциального маленького городка, появилась надежда, что эта семья будет здесь на долгие годы, как два «Анискина». Но соответствующая комиссия по противодействию коррупции обеспокоилась, а не будет ли жена при осмотре места происшествия давать мужу меньше поручений, чем другим сотрудникам, может, лучше кому-то уйти в отставку (это при недокомплекте в области почти 200 сотрудников...) или поменять одному регион. «Хорошая» рекомендация в аспекте сохранения семьи и ее ценностей! И это не единичный случай, к сожалению. Невольно вспоминаешь совет древних: «Не говори здоровому о болезни!», или еще проще – может, не надо «дуть на воду»? Ведь, как это ни печально, хватает реальных ситуаций конфликта интересов.

В системе органов прокуратуры наметилась еще одна тенденция противодействия возможному конфликту интересов – прокуроров в регионы назначают, как правило, на один пятилетний срок, предполагается, что семья будет следовать за своим главой, хотя даже военнослужащих так часто не перемещают по разным гарнизонам. При этом не учитывается, что дети должны менять школу, супруга – работу, надо каждый раз обустраивать жилье. Как это может сказаться на семейных отношениях, и всякая ли семья способна выдержать такие испытания? Но это не может предотвратить возможные конфликты интересов, ведь главным является сам человек, а обстоятельства только могут способствовать проявлению его негативных качеств.

Совсем сложная ситуация складывается с судьями в аспекте возможного конфликта интересов. Прямой запрет работы родственников и свойственников в одном суде понятен и никаких сомнений не вызывает. Но сейчас уже не приветствуется работа просто в одном регионе. И перед семьей встает нелегкий выбор: открыть дорогу своему ребенку к судейской должности или продолжать работать самому. Не все по самым разным причинам готовы легко поменять место жительства, чтобы стать судьей. И, помимо всего, это лишает возможности других членов семьи непосредственно общаться и помогать растить детей в этой молодой семье. Не так просто, как показывает практика, решаются и жилищные вопросы судей. Компенсация не покрывает всех расходов, если нужно снимать квартиру. Можно приводить много примеров, когда еще достаточно молодые судьи (а закон по общему правилу позволяет быть судьей до семидесяти лет), работающие очень эффективно, покидают по названным причинам судейскую работу, а это не совсем то, что принято считать династией. Когда в семье несколько судей в разных поколениях – это позволяет передавать опыт, обсуждать проблемные вопросы, и способствует не только профессиональному росту молодых, но и

укрепляет семейные связи. Также не все родители готовы уйти в отставку, поскольку надо учитывать и то, что денежное содержание судьи с большим стажем значительно отличается от возможного дохода начинающего судьи, и нередко эти средства являются основным финансовым источником для всей семьи.

Вот и возникает мысль: если семья и ее сохранение являются главной ценностью, способствуют ли подобные ситуации ее укреплению?

Но это только один из вариантов, когда формулировка «может возникнуть» применительно к судебной деятельности оказывает влияние на семейные отношения. Судья не должен иметь родственников в своем регионе, которые являются прокурорами или адвокатами. А поскольку имеет значение «может», то эти вопросы решаются неоднозначно. Так, судье районного суда «посоветовали» не претендовать на должность судьи областного суда, поскольку его брат работает в прокуратуре одного из муниципальных образований, хотя все считали, что это достойная кандидатура. В последующем этот судья был рекомендован и занял должность председателя одного из районных судов областного центра. Но кто хоть немного знаком с судебной деятельностью, понимает, что должность председателя районного суда и судьи областного суда, говоря современным языком, предполагают совершенно различные компетенции. Хочется надеяться, что не в этом случае, но есть много примеров, когда отличный, очень квалифицированный судья не справляется с обязанностями председателя суда.

Еще сложнее, когда родственник – адвокат, ведь если прокурора еще могут перевести в другой регион, для адвоката этот путь закрыт. И иногда это становится препятствием, особенно при назначении близкого родственника, допустим, на должность заместителя председателя областного суда. Ничего не остается, как повторить риторический вопрос: так мы охраняем семью и семейные ценности?

Разумеется, судья получает такие полномочия, что отбор должен быть очень тщательным. «Судья должен быть подготовлен профессионально, обладать навыками управления, но, что еще более важно, должен обладать высокой внутренней культурой, быть правдивым, порядочным, корректным, доброжелательным, выдержанным, способным противостоять провокациям и соблазнам, уметь принимать самостоятельные решения и нести ответственность за них и при этом не утратить справедливого и милосердного отношения к людям» [4, с. 86]. И эти качества формируются семейным воспитанием, соответственно, члены семьи судьи (в лучшем понимании этого) не должны способствовать самим попыткам создать ситуацию конфликта интересов, а должны удерживать его от возможных действий, которые позволили бы усомниться в его беспристрастности.

Невозможно определить, способен ли кандидат сохранять в любой ситуации честность и беспристрастность, лишь проверь его анкету со списком всех родственников и свойственников. Эти качества проявляются только при непосредственном исполнении служебных обязанностей. Во всем мире отбор кандидатов на должность судьи является проблемой. Создаются самые различные тесты, применяются элементы деловых игр, но ничего не может дать стопроцентного результата. Но при этом «личные качества судьи, его поведение и образ в глазах общества оказывают влияние на судебную систему в целом и, следовательно, на доверие общества к судебной власти» [2, с. 58–59]. Именно поэтому необходимо обращать внимание больше на качества самого кандидата, а не на список его родственников. Чрезмерное опасение потенциального конфликта интересов в этих случаях порождает еще одно негативное последствие для семьи и семейных ценностей – не заключаются браки, не указываются отцы в свидетельствах о рождении детей, совершаются фиктивные разводы.

Ссоры с членами семьи нередко связаны с тем, что старшее поколение не сообщает о своих «грехах молодости» и иных обстоятельствах, а кандидат вроде как скрыл эти факты. Вероятно, надо избавлять кандидатов от полного «жизнеописания» родственников, ведь все равно проводят проверки, и, возможно, делать такие проверки надо предварительно. Кроме того, необходимо помнить и о национальных семейных обычаях и традициях, которые не позволяют вольного общения с членами семьи, и получить от них сведения почти невозможно.

При осуществлении полномочий у судьи может возникнуть много ситуаций потенциального конфликта интересов, и только он сам должен решить, как ему поступать. Нередко это, по сути, конфликт между интересами семьи и служебным положением. Самым простейшим является, когда судья (а это реальные ситуации) отправляет запросы по делам членов своей семьи, как будто в рамках какого-то дела, находящегося в его производстве, или пытается смягчить судьбу своего родственника, совершившего правонарушение или даже преступление. Это, безусловно, ложно понятое чувство семьи, поскольку так уж получается, судья – это прежде всего судья, а даже не родитель, таков статус, а право выбора за каждым.

Беспристрастность является гарантией от возможных ситуаций конфликта интересов. И закон содержит правила, которые не должны допускать конфликт интересов при рассмотрении судьей конкретных дел. «Институт отводов и самоотводов обеспечивает требование беспристрастности судей» [1, с. 46]. Но этим правилам, содержащимся во всех процессуальных кодексах, не хватает единообразия, связанного как раз с семейными отношениями. Кодексы приводят перечень связей родства и свойства как препятствие для рассмотрения судьей

конкретного дела очень произвольно, правда, отчасти это обусловлено некой неопределенностью в регулировании этого вопроса и нормами семейного законодательства. Нельзя забывать также об особенностях семейных связей, кто-то «не роднится» уже с племянниками, а для других они как родные дети. Поэтому судья не должен ждать заявления ему отвода, а при любых отношениях родства и свойства заявлять самоотвод. Справедливо утверждать, что большинство судей способны подойти беспристрастно к делу своих близких, а может, и более строго, но это правило должно исключать любые сомнения. В этом случае формулировка «может возникнуть» полностью оправдана.

Помимо этих достаточно конкретных правил введена еще обязанность судьи информировать участников процесса о том, что в организации, которая является стороной по делу, работает кто-либо из его родственников и свойственников, причем независимо от занимаемой должности и выполняемой работы. Нередко в таких случаях стороны недоумевают, и у них возникают сомнения, для которых на самом деле нет никаких оснований. А в небольших городах это осложняется тем, что большинство граждан работают на одном градообразующем предприятии, а судья один или два, значит, возможно изменение подсудности, хотя опасения возникновения конфликта интересов очень иллюзорны. Еще возникает проблема, когда мировой судья должен выносить судебный приказ, но не может никого предупредить о том, что у него кто-то работает в организации, являющейся стороной по делу. Проблема эта сохраняется и в случае рассмотрения дела в порядке упрощенного производства. Но буквально «ловушкой» для судьи становится ситуация, когда обе стороны заявили ходатайство о рассмотрении дела в их отсутствие, а судье надо предупредить участников процесса. Ведь это может в дальнейшем повлиять на судьбу судьи, когда он захочет претендовать на другую должность.

Можно продолжать описание других ситуаций, в которых, по сути, потенциальный конфликт интересов и семейные ценности находятся в определенном противоречии. Но вывод носит общий характер: необходимо установление баланса между частными и публичными интересами во всех сферах, и такой баланс важен для соотношения семейных ценностей и потенциального конфликта интересов.

Список литературы

1. Абакумова М.Г. Некоторые аспекты обеспечения беспристрастности судей при рассмотрении гражданских дел в порядке заочного производства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2010. № 3. С. 45–51.
2. Воротников В.В. Честность и неподкупность как основополагающие начала назначения судей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 54–63.
3. Обзор типовых ситуаций конфликта интересов на государственной службе Российской Федерации и порядка их урегулирования // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL:

<https://minjust.gov.ru/ru/pages/protivodejstvie-korruptcii/obzor-tipovyh-situacij>
(дата обращения: 05.05.2024).

4. Туманова Л.В. Роль квалификационных коллегий судей в обеспечении авторитета судебной власти // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 4 (64). С. 84–92.

5. Туманова Л.В. Ориентиры Европейского Суда в вопросах уважения частной и семейной жизни // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (67). С. 83–89.

Об авторе:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

FAMILY VALUES IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF CONFLICTS OF INTEREST

L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

Attention is drawn to the need to establish a balance between potential conflicts of interest and family values. This problematic issue deserves careful study; just a few situations are given that show that there must be a reasonable approach to understanding conflicts of interest so that it does not have a negative impact on family relationships, much less lead to the destruction of families. Family values include the ability to share one's professional experience and work together among family members, but this is practically impossible for judges and law enforcement officials. The choice can be very difficult: move to another region or choose a different field of activity. There is another side to the problem, when the judge's priority becomes the interests of family members, and he neglects his duty. The balance of private and public interests is a general legal problem, and the need to establish a balance between the rules on conflict of interest and family values is one of the components of the general problem.

Keywords: *conflict of interest, family, family values, family members, status of a judge, challenges, qualities of a judge, balance of interests.*

About author:

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

Туманова Л.В. Семейные ценности в контексте проблемы конфликта интересов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 178–184.

Статья поступила в редакцию 10.05.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПОВ ЗАКОННОСТИ, СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И ДИСПОЗИТИВНОСТИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

А.С. Федина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье исследуются особенности реализации принципов законности, состязательности и диспозитивности при рассмотрении семейных дел. Данные принципы, наряду с принципами семейного права, определяют порядок судебной защиты по делам, возникающим из семейных правоотношений. Таким образом, специфика проявления процессуальных принципов законности, состязательности и диспозитивности обусловлена предметом судебной защиты по семейным спорам. Реализация принципа законности в рассмотрении семейных дел обуславливает высокую роль судебного усмотрения, а также обязательное участие в деле прокурора и представителя органа опеки и попечительства с целью дачи заключения по делу и др. Осуществление принципа диспозитивности при рассмотрении семейных дел имеет свои особенности в виде закрепления специальных гражданских процессуальных норм в Семейном кодексе РФ, обусловленных необходимостью защиты прав и интересов всех членов семьи, приоритетом защиты прав и интересов ребенка и др. Специфика проявления принципа состязательности при рассмотрении семейных дел заключается в активной роли суда в целях устранения недостатков «чистой» состязательности, что обеспечивает достижение высокой степени презумпции истинности судебного решения по таким делам.

Ключевые слова: *принципы, суд, законность, диспозитивность, состязательность, гражданский процесс, семейные дела.*

Семейные отношения – весьма тонкая сфера правового регулирования, затрагивающая конституционные нормы о защите материнства, детства и семьи (ст. 38 Конституции РФ).

Гражданский процесс служит одной из форм защиты семейных прав. Как свидетельствуют материалы судебной практики, число дел, возникающих из семейных правоотношений, неуклонно возрастает. Дела, возникающие из семейных правоотношений, занимают значительное место в общем числе дел, рассматриваемых федеральными и мировыми судьями. В 2023 г. их количество составило – 1 021 760 дел [8]. В их числе дела: о расторжении брака супругов (469 822), о разделе совместно нажитого имущества между супругами (50 787), о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей (228 287), о лишении родительских прав (39 996), об установлении отцовства (11 493), споры, связанные с воспитанием детей (35 633) и др. [8]

Рассмотрение судами любых гражданских дел, в том числе и тех, которые возникают из семейных правоотношений, подчиняется воздействию принципов гражданского процессуального права. В основе формирования и функционирования гражданских процессуальных отношений лежат, прежде всего, принципы законности, диспозитивности и состязательности. Именно эти принципы определяют содержание процессуальных отношений, возникающих при рассмотрении семейных дел, посредством законодательной регламентации процессуальных прав и обязанностей субъектов этих отношений. Принципы законности, диспозитивности и состязательности определяют порядок производства по гражданским делам, начиная со стадии возбуждения дела и заканчивая исполнением принятого по делу судебного решения.

Влияние на предусмотренные гражданским процессуальным законодательством формы действия принципов законности, состязательности и диспозитивности оказывает содержание семейно-правового спора. В предмет судебной защиты по делам, возникающим из семейных правоотношений, наряду с субъективным правом, за защитой которого лицо обращается в суд, включаются интересы других членов семьи; в деятельности суда значение приобретает приоритет защиты прав и интересов ребенка; интересы семьи, охраны материнства, отцовства и детства; при принятии решения суд следует морально-нравственным предписаниям, социальным традициям, нравственным ценностям и представлениям о семейных устоях. Данные обстоятельства обуславливают специфику рассмотрения семейных споров, в частности предполагают особые формы реализации принципов диспозитивности и состязательности в гражданском процессе.

Принцип законности в гражданском процессе представляет собой начало, в силу которого совершаемые судом процессуальные действия и судебные постановления соответствуют нормам материального и процессуального права, под страхом отмены последних (ст. 330 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ)) [1].

При рассмотрении и разрешении споров суды руководствуются законодательством о судопроизводстве в судах общей юрисдикции (ст. 1 ГПК РФ). Это законодательство находится в ведении Российской Федерации (п. «о» ст. 71 Конституции РФ). Субъекты Российской Федерации не вправе принимать нормы, определяющие порядок рассмотрения гражданских дел.

Все гражданские процессуальные нормы невозможно включить в ГПК РФ. С точки зрения содержания принципа законности важно, чтобы процессуальные нормы, расположенные в актах материально-правового характера (в Семейном кодексе РФ (далее – СК РФ), Гражданском кодексе РФ и др.), соответствовали основным положениям ГПК РФ, т. е. принципам гражданского процесса.

Особенностью законодательства, регулирующего семейные отношения, является значительное содержание в нем норм права с относительно определенными гипотезами. В этой связи при рассмотрении исследуемой категории гражданских дел велико значение судебного усмотрения в установлении судебной истины, а также принципов семейного права, в частности, принципа приоритета защиты прав и интересов несовершеннолетних членов семьи (ст. 1 СК РФ). Так, при разделе совместно нажитого имущества супругов учитываются интересы несовершеннолетних детей [2].

Судьи выполняют важную роль в определении того, какими принципами следует руководствоваться при рассмотрении семейных дел. Потому что у судей, осуществляющих правосудие на основе принципа независимости и подчинения их только Конституции РФ и закону, есть задачи рассмотреть гражданские дела, в том числе возникающие из семейных отношений, правильно и своевременно в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан (ст. 2 ГПК РФ).

Принцип законности обуславливает включение законодателем в процесс по рассмотрению семейных дел обязательных фигур (прокурора и представителя органа опеки и попечительства), которые в силу своей компетенции способствуют принятию законных и обоснованных судебных решений посредством дачи заключения по делу.

Отвечая требованиям законности установление в ГПК РФ целесообразного правила о том, что при рассмотрении споров о детях по требованию родителей (одного из родителей) суд решает вопрос об определении места жительства детей и (или) порядок осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения, тем самым регулирует отношения по временной передаче ребенка третьим лицам или органам опеки и попечительства (ч. 6.1. ст. 152 ГПК РФ). При наличии обстоятельств, свидетельствующих, что изменение фактического места жительства детей на период до вступления в законную силу соответствующего судебного решения противоречит интересам детей, суд определяет местом жительства детей на период до вступления в законную силу судебного решения об определении их места жительства фактическое место жительства детей.

Определение временного места жительства детей и (или) порядка осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения создает дополнительные гарантии соблюдения прав и законных интересов детей, отвечает их безопасности, стимулирует состязательность при рассмотрении судами данных категорий дел.

Проявлением принципа законности является правило ч. 2 ст. 39 ГПК РФ, согласно которому суд не принимает отказ от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение, если оно противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц. В

частности, как следует из текста мирового соглашения, заключенного сторонами и утвержденного определением Андреапольского районного суда Тверской области 20.10.2014 г. при рассмотрении гражданского дела по иску Л. о расторжении брака, определении порядка общения с ребенком, его места жительства, взыскании алиментов, разделе совместно нажитого имущества, родители несовершеннолетней не согласовали время, место, продолжительность общения отца Р. с несовершеннолетней дочерью, что повлекло невозможность исполнения судебного акта в порядке, установленном для исполнения судебных постановлений.

При отмене данного судебного решения, Судебная коллегия пришла к выводу, что утвержденный определением Андреапольского районного суда Тверской области от 20.10.2014 г. порядок общения подлежал изменению как не отвечающий интересам несовершеннолетней, поскольку возможность общения несовершеннолетнего ребенка с родителем не может быть поставлена только в зависимость от желаний последнего без определения конкретного временного периода общения (Определение Тверского областного суда от 18.12.2015 г.).

Гарантией реализации принципа законности в гражданском процессе выступает осуществление всех остальных принципов гражданского процесса, в том числе гласности судебного разбирательства. Согласно данному принципу в гражданском процессе тексты судебных актов не только объявляются публично (ч. 8 ст. 10 ГПК РФ), но и размещаются в сети «Интернет» в полном объеме без изъятий (п. 2 ч. 1 ст. 14, ст. 15 Федерального Закона от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»). Вступило в силу и стало обязательно для всех судов постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.09.2017 г., которым судьи утвердили положение о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов [4]. В документе приведен перечень дел, по которым нельзя публиковать в открытом доступе тексты судебных актов, вынесенных всеми инстанциями. В него, в частности, попали процессы, возникающие из семейно-правовых отношений, включая дела, затрагивающие права и законные интересы несовершеннолетних.

Дополнительной гарантией действия принципа законности при рассмотрении семейных дел и не только их стало бы введение в процессуальное законодательство правил, препятствующих злоупотреблению правом на предъявление иска. При возбуждении и рассмотрении в судах дел, возникающих из семейных правоотношений, стороны зачастую злоупотребляют своими процессуальными правами, заявляя требование, которое противоречит интересам иных членов семьи и, прежде всего, интересам несовершеннолетних детей. Примерами

такого рода злоупотреблений гражданскими процессуальными правами являются обращение в суд с заявлением о взыскании алиментов, если ответчик добровольно участвует в содержании лиц, в чьих интересах заявлено такое требование; предъявление встречного иска об отобрании ребенка при рассмотрении споров о детях исключительно с целью добиться отказа истца от иска и др.

Тем не менее сформулировать правила борьбы с таким явлением, как «злоупотребление правом» представляется чрезвычайно сложным. С одной стороны, необходимы механизмы, предотвращающие злоупотребление процессуальными правами, а с другой, в условиях отсутствия законодательного определения «злоупотребление правом» существует сложность в квалификации действий участников процесса именно как злоупотребления, и ошибки суда здесь неизбежны. В отношении процессуальных прав невозможно разграничить виновное поведение и простые ошибки лиц, участвующих в деле. Л.В. Туманова обратила внимание на то, что злоупотребление правом мы должны понимать, как «использование права не в соответствии с его основным назначением [10, с. 225–231].

Предотвращение злоупотребления процессуальными правами лежит в плоскости действия не только принципа законности, но и принципа добросовестности, самостоятельное оформление которого назрело в гражданском процессе с тем, чтобы последний получил еще большее применение в процессуальном праве, также как в гражданском праве и других отраслях частного права.

Как следует из правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 16.07.2004 г. № 15-П, конституционная цель защиты прав и свобод человека и гражданина достигается в гражданском судопроизводстве через его осуществление на основе принципов диспозитивности, юридического равенства, состязательности и равноправия сторон [3].

Принцип диспозитивности определяет возможности сторон и других лиц, участвующих в деле, по распоряжению объектом спора и движением процесса. В соответствии с данным принципом суд возбуждает гражданское дело по заявлению лица, обратившегося за защитой своих прав, свобод и законных интересов (ч. 1 ст. 4 ГПК РФ). Определение предмета и основания иска, обжалование решения, обращение его к исполнению зависят от диспозитивного волеизъявления истца.

Принцип диспозитивности пронизывает все гражданское судопроизводство от возбуждения гражданского дела до этапа принудительного исполнения судебных актов. Заключение мирового соглашения определяется волей обеих сторон, а признание иска зависит от позиции ответчика.

Стоит отметить, что диспозитивность как принцип определяет характер гражданской процессуальной деятельности, прежде всего, лиц,

участвующих в деле, а не суда, у которого права зачастую совпадают с обязанностями, что приводит к использованию категорий иного плана: полномочия, компетенция, юрисдикция и т.п.

Реализация принципа диспозитивности при рассмотрении семейных дел имеет свои особенности в виде закрепления специальных гражданских процессуальных норм Семейного кодекса РФ:

– о запрете мужа без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка (ст. 17), об ограничении в этот период предъявления мужем иска об оспаривании отцовства (ст. 48) и др.;

– невозможности совершения отдельных распорядительных действий при рассмотрении судами дел, возникающих из семейных правоотношений. При рассмотрении дел о лишении родительских прав недопустимо утверждение судом мирового соглашения при наличии обстоятельств, прямо подтверждающих вину родителей, особенно в жестоком обращении с детьми, совершении преступления против одного из членов семьи или детей. Заключение мирового соглашения между родителями по вопросам уплаты алиментов допустимо при отсутствии иных оснований для лишения родительских прав.

Процессуальные особенности рассмотрения дел о лишении родительских прав исключают совершение ответчиком такого распорядительного действия, как признание иска. Обусловлено это тем, что семейное законодательство не допускает добровольного отказа от родительских прав. Фактическое признание ответчиком предъявленных ему требований надлежит рассматривать как доказательство тех обстоятельств, которые являются основаниями для лишения родительских прав.

Проявлением взаимодействия принципов законности и диспозитивности в гражданском процессе выступает правило, предусмотренное ч. 2 ст. 39 ГПК РФ, согласно которому суд не принимает отказ от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение, если оно противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц.

Наиболее безболезненно происходит сочетание принципа диспозитивности с принципом состязательности, хронология появления которого связана с частным правом. Почему этот принцип зачастую именуется доказательственной диспозитивностью [7, с. 20].

Истоки принципа состязательности находятся в противоположности материально-правовых интересов сторон в гражданском процессе.

Проявлением принципа состязательности является установленное в ч. 1 ст. 56 ГПК РФ правило доказывания, в соответствии с которым каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать те обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. В случаях, предусмотренных законом, распределение обязанностей по

доказыванию происходит на основании доказательственных презумпций. Сущность последних заключается в установлении в законе предположений о том, что искомый факт существует, если доказаны некоторые связанные с ним факты.

Так, согласно ч. 2 ст. 48 СК РФ, в качестве презумпции закрепляется положение о том, что если ребенок родился от лиц, состоящих в браке между собой, а также в течение трехсот дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга матери ребенка, отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если не доказано иное (ст. 52 СК РФ).

Исполнение обязанностей по доказыванию, предусмотренное ст. 56 ГПК РФ, приобретает иное содержание и последствия при рассмотрении отдельных категорий дел, возникающих из семейных правоотношений. Ненадлежащее исполнение лицами, участвующими в деле, обязанностей по доказыванию может порождать неблагоприятные последствия для защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Восполнение недостатков «чистой состязательности в гражданском процессе обеспечивается активной ролью суда. Несмотря на то, что в гражданском процессе в качестве самостоятельного принципа «активная роль суда» не выделяется как в Кодексе административного судопроизводства РФ (ст. 6), тем не менее суд имеет достаточно широкие полномочия в доказывании для вынесения законного и обоснованного судебного решения (ч. 2 ст. 56, 57 ГПК РФ и др.). С учетом приоритета интересов детей, задач гражданского судопроизводства активная роль суда оказывается очень уместной для правильного рассмотрения семейных дел, т.к. направлена на достижение высокой степени презумпции истинности судебного решения по таким делам.

Доказательства, представленные сторонами, служат средством установления истины, в том числе по семейным делам. Они должны отвечать требованиям относимости и допустимости (ст. 59, 60 ГПК РФ). Относимость доказательств предполагает, что суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела. Допустимость доказательств – требование, предъявляемое к форме доказательств. Прежде всего, суд устанавливает факты, имеющие значение для правильного рассмотрения дела, на основании средств доказывания, полученных в предусмотренной законом процессуальной форме (абз. 2 ч. 1 ст. 56 ГПК РФ). Допустимость доказательств имеет правила с позитивным и отрицательным содержанием. Примером правила допустимости доказательств с позитивным содержанием является положение ст. 283 ГПК РФ. Статья 60 ГПК РФ закрепляет правило допустимости с отрицательным содержанием. При рассмотрении семейных дел правило допустимости с отрицательным содержанием подлежит применению при рассмотрении дел об оспаривании отцовства (материнства). А именно, согласно п. 3 ст. 52 СК

РФ, супруг, давший в порядке, установленном законом, согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона, не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на эти обстоятельства. Также супруги или одинокая женщина, давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, а также суррогатная мать не вправе при оспаривании материнства и отцовства после совершения записи родителей в книге записей рождений ссылаться на эти обстоятельства.

Самостоятельной гарантией установления истины, правильного рассмотрения и разрешения семейных дел, связанных с интересами ребенка, является учет мнения ребенка судом по делам, в которых затрагиваются его интересы, что соответствует ст. 12 Конвенции ООН о правах ребенка и ст. 57 СК РФ о праве ребенка выражать свое мнение.

Предусмотренные СК РФ понятия «согласие» и «мнение» ребенка имеют процессуальное значение. По общему правилу, суд учитывает мнение ребенка по своему усмотрению. В то же время в случаях, прямо предусмотренных законом, суд может принять решение только с согласия ребенка, достигшего возраста десяти лет. При этом согласие относится к сфере по распоряжению процессуальными правами, т. е. реализуется в рамках принципа диспозитивности. Мнение же ребенка следует рассматривать как элемент доказательственной деятельности, подлежащий оценке судом в совокупности с другими доказательствами, то есть в рамках действия принципа состязательности [6, с. 11]. Так, согласно ч. 6.1 ст. 152 ГПК РФ при рассмотрении спора о детях суд решает вопрос об определении места жительства детей и (или) порядке осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения при наличии положительного заключения органа опеки и попечительства и с обязательным учетом мнения детей.

Согласно ст. 7 Конвенции о правах ребенка, п. 2 ст. 54 СК РФ ребенок вправе знать своих родителей и имеет право на их заботу. С правом несовершеннолетних детей жить и воспитываться в семье неразрывно связано закрепленное в п. 1 ст. 55 СК РФ право детей на общение, в том числе с обоими родителями, что создает необходимые предпосылки для полноценного воспитания и образования детей.

В случае возникновения при рассмотрении дела об определении места жительства ребенка с одним из родителей вопросов, требующих специальных знаний в области психологии и психиатрии, неназначение судом экспертизы является существенным нарушением норм процессуального права.

Пунктом 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.10.1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» установлено, что при рассмотрении дел об

оспаривании записи об отцовстве следует учитывать правило ст. 57 СК РФ о праве ребенка выразить свое мнение.

В силу ч. 2 ст. 39 ГПК РФ суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц.

В одном из дел об оспаривании отцовства указанные требования закона судами не были соблюдены, судом было принято признание иска без исследования каких-либо доказательств, в том числе без проведения по делу экспертизы, без выяснения мнения детей, достигших возраста 10 лет. В этом деле на момент принятия судом первой инстанции решения дети достигли возраста 7, 11 и 16 лет, а на момент рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции они достигли возраста 10, 14 и 19 лет [5].

Проявлением принципа состязательности в гражданском процессе является право лиц, участвующих в деле, ходатайствовать перед судом о назначении экспертизы (ст. 79 ГПК РФ). Кроме того, суд может назначить экспертизу по своей инициативе.

Заключения судебных экспертов во всех случаях их назначения судами ключевым образом влияют на принятие судебного решения, в том числе по семейным делам, например, об установлении факта признания отцовства, оспаривании отцовства [9]. Вместе с тем при принятии решения по существу суды оценивают заключения экспертов в совокупности с иными имеющимися в деле доказательствами, каждое из которых не являлось исключительным средством доказывания (ст. 67 ГПК РФ).

Итак, особенности реализации принципов законности, состязательности и диспозитивности при рассмотрении семейных дел обусловлены проявлениями частного и публичного начал при рассмотрении семейных споров, а именно – соразмерности вторжения государства в брачно-семейные отношения. С одной стороны, важно обеспечить приоритет защиты прав и законных интересов ребенка, оказавшегося в сложной жизненной ситуации из-за семейного спора родителей. С другой стороны, суд должен создать условия для осуществления всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законодательства при рассмотрении и разрешении семейных дел.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 АПК РФ в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 6.

4. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.09.2017 г. «Об утверждении Положения о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280272/ (дата обращения: 08.05.2024).

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.10.2013 г. № 2-КГ13-3 // Бюллетень ВС РФ. 2014. № 7.

6. Ковалёв Д.Г. Особенности действия принципов состязательности и диспозитивности при рассмотрении дел, возникающих из семейных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 28 с.

7. Курохтин Ю.А. Конституционно-правовое регулирование и реализация принципа состязательности судопроизводства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 28 с.

8. Отчет № 2 «О работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции» [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата обращения: 08.05.2024).

9. По заданию ВС обобщена судебная практика о генетической экспертизе отцовства [Электронный ресурс]. URL: <https://legal.report/article/18072016/po-zadaniyu-vs-obobcshena-sudebnaya-praktika-o-geneticheskoy-ekspertize-otcovstva> (дата обращения: 08.05.2024).

10. Туманова Л.В. Обзор круглого стола «Проблемы злоупотребления правом на судебную защиту» // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2016. № 1. С. 225–231.

Об авторе:

ФЕДИНА Анжелика Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6641-7075, AuthorID: 459882, e-mail: as.fedina@mail.ru

**THE EFFECT OF THE PRINCIPLES OF LEGALITY,
COMPETITIVENESS AND DISPOSITIVITY
IN THE CONSIDERATION OF CASES ARISING
FROM FAMILY LEGAL RELATIONS**

A.S. Fedina

Tver State University, Tver

The article examines the peculiarities of the implementation of the principles of legality, competitiveness and dispositivity in the consideration of family cases. These principles, along with the principles of family law, determine the procedure for judicial protection in cases arising from family legal relations. Thus, the specificity of the manifestation of the procedural principles of legality, competitiveness and dispositivity is determined by the subject of judicial protection in family disputes. The implementation of the principle of legality in the consideration of family cases implies a high role of judicial discretion, as well as the mandatory participation in the case of the prosecutor and a representative of the guardianship and guardianship authority in order to give an opinion on the case, etc. The implementation of the principle of dispositivity in the consideration of family cases has its own peculiarities in the form of the consolidation of special civil procedural norms in the Family Code of the Russian Federation, due to the need to protect the rights and interests of all family members, the priority of protecting the rights and interests of the child, etc. The specificity of the manifestation of the adversarial principle in the consideration of family cases lies in the active role of the court in order to eliminate the shortcomings of "pure" adversarial, which ensures the achievement of a high degree of presumption of the truth of a court decision in such cases.

Keywords: principles, court, legality, dispositivity, consistency, civil procedure, family affairs.

About author:

FEDINA Anzhelika – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Judicial Power and Law Enforcement of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6641-7075, AuthorID: 459882, e-mail: as.fedina@mail.ru

Федина А.С. Действие принципов законности, состязательности и диспозитивности при рассмотрении дел, возникающих из семейных правоотношений // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 185–195.

Статья поступила в редакцию 10.05.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

Трибуна молодого ученого

УДК 347.61

DOI: 10.26456/vtpravo/2024.2.196

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ В СФЕРЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

С.Т. Шеожева

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет
имени Х.М. Бербекова», г. Нальчик;

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Объектом исследования выступают тенденции развития вспомогательных репродуктивных технологий и необходимость повышения роли частноправового регулирования отношений, возникающих в рассматриваемой сфере. Цель – фокусировка внимания на процессах становления цивилистической доктрины и наличия разрозненности теоретических исследований и подходов в указанной проблематике. Задачи основываются на обзоре и анализе научных работ, посвященных тематике вспомогательной репродукции. Метод исследования сравнительный, сопоставляются особенности частноправового сегмента регулирования вспомогательных репродуктивных технологий. Результаты представлены выводом о необходимости создания полноценной концепции федерального закона о правовом регулировании вспомогательных репродуктивных технологий, основанной на современных достижениях цивилистической науки с учетом медицинских исследований.

Ключевые слова: частное право, цивилистическая доктрина, вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, репродукция человека.

Область репродукции человека представляет собой столкновение ряда важнейших аспектов различных сфер жизнедеятельности: применение норм гражданского права, вопросов медицинской обусловленности использования методов вспомогательных репродуктивных технологий, нравственных и морально-этических причин использования этих технологий. Как известно, распоряжение своей жизнью и здоровьем – это неотчуждаемое право каждого человека, вне зависимости от пола, расы, религиозной, национальной и иной принадлежности.

В современном мире достижения передовой медицины обеспечивают реализацию естественного права человека – права быть родителем – путем обращения к методам вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ). Иными словами, сталкиваясь с действительностью в вопросе демографической ситуации и падения рождаемости в стране, достижения репродуктивной медицины

открывают перед гражданами новые пути реализации своих намерений в отношении будущего родительства. ВРТ представляют собой относительно молодой и перспективный институт российского права. Актуальность исследования и практического правоприменения, этика и различные подходы к проблематике обоснованности применения репродуктивных технологий, порождают немалые дискуссии в отраслевых доктринальных исследованиях, обусловленные, в том числе, и концептуально непроработанными законопроектами, вносимыми в Государственную Думу [5].

ВРТ – это метод искусственного содействия воспроизводства человека посредством медицинского вмешательства, при котором люди, не имеющие детей, обретают возможность к репродукции. В понятие входит технология экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) как традиционного, так и гестационного, перенос эмбрионов (ПЭ), донорство спермы, ооцитов, инъекция сперматозоида (ИКСИ), искусственная инсеминация спермой (ИИСМ) или искусственная инсеминация спермой донора (ИИСД), а также суррогатное материнство.

Понятие вспомогательной репродукции содержится в Федеральном законе от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2]. Отдельные вопросы репродукции человека частично отражены в Семейном кодексе Российской Федерации [1] и Федеральном законе «Об актах гражданского состояния» [3] (в части регистрации рождения детей, зачатых с применением ВРТ). Специальные правила определяются приказом Минздрава России от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [4]. Хотя последний из упомянутых правовых акт и отражает основные характеристики ВРТ, он сосредоточен в большей степени на медицинской составляющей. Перечисленные нормативные акты содержат положения о применении методов искусственной репродукции, однако они не отображают полного объема норм, необходимых для исчерпывающей и всесторонней регламентации рассматриваемого института. Соответственно, одной из проблем правоприменения методов искусственной репродукции является отсутствие отдельного закона, регулирующего в полной мере все правоотношения, возникающие между сторонами. Данные обстоятельства позволили сформировать единое мнение у ученых-цивилистов о необходимости принятия специального закона о вспомогательных репродуктивных технологиях.

Несмотря на новизну и относительно молодость института ВРТ, исследованию проблематики использования репродуктивных технологий в современной медицине посвящены труды многих российских ученых.

Вопросам совершенствования российского законодательства о вспомогательных репродуктивных технологиях посвящены работы В.А. Ахматьяновой, Е.Е. Богдановой, И.Г. Гараниной, Е.Б. Гнеушевой, Ю.С. Гокунь, О.С. Игумновой, О.Ю. Ильиной, А.В. Коваленко, Ю.М. Лавор, А.Н. Левушкина, М.А. Ломоносова, А.А. Мохова, Г.С. Працко, В.В. Самойловой, К.Н. Свитнева, Е.Г. Соловьева. В научных работах авторами обосновывается принятие федерального закона, регулирующего в полном объеме все правоотношения, возникающие между сторонами, обратившимися к методам ВРТ. Обобщение имеющихся точек зрения позволило выделить общие предложения о совершенствовании законодательства в рассматриваемой сфере:

- отражение основополагающих принципов применения вспомогательных репродуктивных технологий;
- введение понятий «генетическая мать», «генетический отец», «биологическая мать», «суррогатная мать», «договор суррогатного материнства» и т. д.;
- систематизация лиц, прибегнувших к методам ВРТ;
- классификация медицинских процедур, подпадающих под понятие «вспомогательные репродуктивные технологии»;
- определение положения будущего ребенка при отказе суррогатной матери от записи биологических родителей в качестве родителей;
- определение судьбы ребенка при разводе родителей, один из которых воспользовался услугами ВРТ, и т.д.

Кроме того, исследователи предлагают внести изменения в уже существующие законы, например, в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» в части регистрации рождения детей, зачатых с применением методов искусственной репродукции [9, с. 287]. Логичность принятия единого федерального закона детерминирована фиксацией всех правовых норм, регулирующих методы ВРТ.

Проблемам выделения института репродуктивных прав человека в российском праве посвящены работы Е.П. Бурдо, И.Г. Гараниной, Н.С. Герасименко, Е.В. Осиночкиной, О.А. Хазовой. Авторами поднимается вопрос о формулировании теоретического определения репродуктивных прав человека в контексте отражения конституционных прав на свободный выбор в отношении биологической репродукции без какой-либо сегрегации, давления и притеснения. В исследованиях также демонстрируется концепция определения понятий права на репродуктивный выбор, права на планирование семьи, права на репродуктивное самоопределение, права на материнство и отцовство, права на конфиденциальность информации в применении методов ВРТ, права на получение репродуктивных услуг, направленных на улучшение и сохранение репродуктивного здоровья [8, с. 62].

Прибегая к законному определению искусственной репродукции, законодателем четко обозначается причина запроса на применение

методов ВРТ – это репродуктивная дисфункция (бесплодие). При этом, если обращаться к практической реализации, прослеживается и наличие иных мотивов и запросов на осуществление подобных медицинских процедур. Это могут быть социальные причины, например, откладывание наступления беременности на пострепродуктивный возраст, отсутствие постоянного партнера и т. д.

Учитывая сравнительно-правовой анализ применения репродуктивных технологий в зарубежных странах, приходим к выводу, что данный правовой институт находится в динамичном развитии, и заимствование опыта зарубежных стран по некоторым вопросам будет весьма полезным. В частности, А.Р. Пурге и И.А. Семкина опираются на опыт зарубежного законодательства в аналогичных вопросах права, проводя сравнительную характеристику между РФ и другими странами (Франция, Германия, США, Белоруссия и др.) [13]. Однако акцент смещается на необходимость учета специфики российского законодательства через призму социального положения будущих родителей, проживающих на территории РФ, нравственно-этической составляющей причин обращения за процедурой искусственного оплодотворения, демографических показателей и многих других факторов, ограничивающих теоретическое применение правового опыта зарубежных стран в этом вопросе.

Использование вспомогательных репродуктивных технологий может выводить на поверхность и ряд особых дискуссионных положений: например, возникновение новых форм и видов неравенства (Е.С. Богомякова, М.А. Ломоносова). Основываясь на концепции Г. Тернборна о существовании трех видов неравенства – витального, экзистенциального и неравенства ресурсов, можно сделать вывод о применении данной концепции и к методам искусственной репродукции человека. То есть, имеющая своей целью технология урегулирования биологического неравенства, ВРТ порождает неравенство социальное, представляя тем самым самостоятельную проблему для дальнейших научных исследований.

Правовому положению суррогатного материнства в отечественной цивилистике посвящены работы таких ученых, как С.В. Алборов, Т.Е. Борисова, М.Г. Вок, И.А. Демина, А. Дмитриева, Г.С. Працко, А.Р. Пурге, А.Х. Ульбашев, И.Л. Шамраева и т. д. Подняв актуальные вопросы правоприменения проблем воспроизводства человека, основания реализации способов искусственного оплодотворения и значения института суррогатного материнства для демографической и правовой ситуации в целом, авторы сходятся во мнении об отсутствии должного внимания к проблематике суррогатного материнства, делают акцент на нехватке комплексных мер по разрешению существующих коллизий, вытекающих из пробелов в законодательстве, а также ссылаются на недостаток систематизации опыта судебной практики [6, 10].

Что же касается правовой природы услуг по договору о суррогатном материнстве, то единства мнений по вопросу его принадлежности к той или иной отрасли права на сегодняшний день нет. Некоторые ученые проводят параллели с договором возмездного оказания услуг (Т.Е. Борисова, Е.С. Митрякова, О.В. Фетисова), другие же придерживаются мнения о семейно-правовой природе договора суррогатного материнства (Г.В. Богданова, Е.В. Стеблева). С.В. Алборов справедливо подмечает, что суррогатная мать и потенциальные родители не могут осуществить медицинское вмешательство без привлечения третьей стороны, а именно медицинской организации, следовательно, «договор» на оказание суррогатных услуг стоит рассматривать не как соглашение между суррогатной матерью и потенциальными родителями, а как некую форму предварительного договора или договора о намерениях [6, с.143]. Так же ряд ученых выделяют договор о суррогатном материнстве как отдельный вид договора, ссылаясь на то, что он в должной степени не урегулирован ни гражданским, ни семейным правом.

Среди частноправовых исследований проблем суррогатного материнства выделяется работа В.В. Богдан и М.Н. Урда, основанная на межотраслевом конфликте частного и уголовного права. Авторы приходят к концептуальным выводам, утверждая, что развитие института суррогатного материнства во взаимосвязи с составом торговли людьми должно основываться на ясных пределах дозволенного поведения во избежание фактической легализации торговли людьми [7, с. 650].

Аспектам реализации репродуктивных прав лицами, страдающими психическими расстройствами, посвящено исследование О.Ю. Ильиной и О.А. Русаковской. Здесь обращается внимание на отсутствие законного основания для участия данной категории граждан в качестве доноров биологического материала в рамках реализации программ ВРТ. Однако авторами справедливо подмечается, что при предоставлении удовлетворительного заключения о состоянии здоровья, наличие некоторых видов психического расстройства у гражданина не исключает возможности заключения договора о суррогатном материнстве в качестве исполнителя услуги [12, с. 36].

Анализируя цивилистические источники, посвященные указанной тематике, внимания заслуживают научные работы О.Ю. Ильиной. В исследовании, посвященном вопросам расширения потенциального круга лиц, обладающих родительскими правами при реализации методов вспомогательной репродукции, автор отмечает, что разнообразие форм семейной жизни в контексте современной действительности выводит на поверхность необходимость расширения терминов, применяемых в структуре родительского правоотношения. Подчеркивается, что использование генетического материала донора порождает проблему комплексного содержания, а именно правового характера, но осложненную морально-нравственными категориями [11, с. 109].

Указывается наличие проблематики определения правового статуса мужчины-донора при применении экстракорпорального оплодотворения в правоприменительной судебной практике. Отдельного внимания заслуживает и работа о точках соприкосновения и отторжения медицины и традиционных семейных ценностей. Сохранение подобных ценностей, по мнению автора, обеспечивается в том числе и последними поправками в действующее законодательство о ВРТ, в соответствии с которыми право на применение вспомогательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства не распространяется на мужчину и женщину, которые не состоят в браке [10, с. 199].

Тематике репродуктивного туризма посвящены работы А.Н. Гибиной, Н.Е. Русановой, О.В. Саввиной. Авторами поднимается вопрос о причинах миграции бездетных пар с целью применения методов ВРТ за пределы РФ и внутри страны. Отмечаются как положительные (развитие медицинских технологий, поддержка экономики страны), так и отрицательные (лояльное законодательство, развитие отдельных регионов) аспекты данного явления.

Систематизация цивилистических исследований в сфере ВРТ имеет основополагающее значение в разрешении острого вопроса оптимального правового регулирования их применения. Постановление Правительства РФ от 02.08.2001 г. № 576, утвердившее основные требования к разработке проектов федеральных законов, требует, чтобы концепция законопроекта определяла основную идею, цели, предмет правового регулирования, место будущего закона в системе действующего законодательства, его общую характеристику, социально-экономические, политические, юридические и иные последствия реализации будущего закона. Констатируем, что основные тенденции развития цивилистической доктрины института вспомогательных репродуктивных технологий связаны с установлением сущностных правовых характеристик отдельных элементов ВТР, определением правового статуса лиц, использующих ВТР, концептуальных вопросов развития данного института. Таким образом, неизменной чертой развития цивилистической доктрины о ВРТ выступает нацеленность на будущее. Ученые признают *status quo* института ВРТ в российской правовой действительности, делая, наряду с теоретическими, выводы о необходимости существования специального закона. Мы согласны с тем, что создание федерального закона о репродуктивных технологиях, возможно, позволит систематизировать положения данной отрасли права, однако закон должен не только включать существующие нормы, отраженные в уже изданных нормативно-правовых актах, но и учитывать анализ динамично развивающейся судебной практики в вопросах правоприменения методов искусственной репродукции. Стремительная динамика развития общественных настроений в отношении применения репродуктивных технологий показывает, что репродуктивная

дисфункция не всегда выступает в качестве первопричины для обращения к методам ВРТ. Необходим комплексный подход к правовому обеспечению института ВРТ, включающий не только создание федерального закона, но и организацию работы медицинских учреждений, обеспечение полного доступа к информации о методах искусственной репродукции, анализ общественных настроений, вывод статистических данных о преимуществах и рисках применения ВРТ, применение опыта судебной практики, оценку демографической ситуации в стране и т. д.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 г. № 60457) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Проект федерального закона № 410091-8 «О внесении изменения в статью 55 Федерального закона "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/410091-8> (дата обращения: 02.03.2024).
6. Алборов С.В. Правоотношения в сфере суррогатного материнства // Актуальные проблемы Российского права. 2017. № 5 (78). С. 142–146.
7. Богдан В.В., Урда М.Н. Суррогатное материнство & торговля людьми: межотраслевой конфликт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 58. С. 628–657.
8. Бурдо Е.П., Гарнина И.Г. Проблемы выделения института репродуктивных прав человека в российском праве // Пробелы в Российском законодательстве. Юридический журнал. 2015. № 5. С. 61–68.
9. Гнеушева Е.Б. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 2. С. 285–289.
10. Ильина О.Ю. Медицина и традиционные семейные ценности: точки соприкосновения и отторжения // Очерки по правовым вопросам в сфере медицины: монография / под общ. ред. Л.В.Тумановой. М.: Проспект, 2023. С. 189–202.
11. Ильина О.Ю. Статус участников программы экстракорпорального оплодотворения в контексте возникновения родительских прав и обязанностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 108–116.

12. Ильина О.Ю., Русаковская О.А. Правовые аспекты контроля в сфере реализации репродуктивных прав лицами, страдающими психическими расстройствами // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Научный журнал. 2021. Т. 11, № 3. С. 28–42.

13. Пурге А.Р. Правовое регулирование вспомогательных репродуктивных технологий: сравнительно-правовой анализ: монография. Душанбе: «Эр-Групп», 2016. 232 с.

Об авторе:

ШЕОЖЕВА Саида Тимуровна – ассистент кафедры гражданского права и процесса Института права экономики и финансов ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова» (360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского 173), соискатель кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040 г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94), e-mail: saida.sheozheva@yandex.ru

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CIVILIST DOCTRINE IN THE FIELD OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES

S.T. Sheozheva

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekova, Nalchik;
Southwestern State University, Kursk

The object of the study is the development trends of assisted reproductive technologies and the need to increase the role of private law regulation of relations arising in the area under consideration. The goal is to focus attention on the processes of formation of the civil doctrine and the existence of fragmentation of theoretical studies and approaches in this area. The objectives are based on a review and analysis of scientific works on the topic of assisted reproduction. The research method is comparative; the features of the private legal segment of the regulation of assisted reproductive technologies are compared. The results are presented by the conclusion about the need to create a full-fledged concept of a federal law on the legal regulation of assisted reproductive technologies, based on modern achievements of civil science, taking into account medical research.

Keywords: *private law, civil doctrine, assisted reproductive technologies, surrogacy, human reproduction.*

About author:

SHEOZHEVA Saida – assistant of the department of civil law and process of the Institute of Law of Economics and Finance of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekova (360004, Nalchik, Chernyshevsky St. 173), applicant of the Department of Civil Law of the Southwestern State University (305040 Kursk, ul. 50 let Oktyabrya, 94) e-mail: saida.sheozheva@yandex.ru

Шеожева С.Т. Современные тенденции развития цивилистической доктрины в сфере вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 196–203.

Статья поступила в редакцию 21.03.2024 г.

Подписана в печать 11.06.2024 г.

Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право
решением Президиума ВАК включён в Перечень российских
рецензируемых научных журналов в редакции 2022 года, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Контактные данные редакционной коллегии:

170021, г. Тверь, ул. 2-я Грибоедова, д. 22, каб. 222.

Тверской государственный университет: телефон/факс: (4822) 70-06-57.

Главный редактор – Ильина Ольга Юрьевна (8-968-968-6161);

технический редактор – Огаркова Наталья Олеговна;

law.vestnik@tversu.ru

Вестник Тверского государственного университета

Серия: Право

№ 2 (78), 2024

Подписной индекс: **85714** (подписной интернет-каталог «Пресса России»)

Подписано в печать 17.06.2024. Выход в свет 21.06.2024.

Формат 70 x 108 ¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.

Тираж 500 экз. Заказ № 165.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел.: 8 (4822) 35-60-63. *Цена свободная.*